

16+

В море Безветрия

МАРИЯ РАШОВА

Мария Рашова

В Точке Безветрия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65059357

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир главного героя, наполненного серыми офисными буднями с короткими яркими вспышками театральных репетиций по вечерам коренным образом меняется, стоит ему попасть на масштабный этнический фестиваль, расположенный посреди густого нехоженого леса, покрытого странным туманом. Этот туман заставляет героя начать влюбляться в чудесную нимфу размера XXL, в процессе чего провалиться в потусторонний мир призрачного леса, в поисках выхода из которого найти наконец самого себя.

Мария Рашова

В Точке Безветрия

Весенний день. Казалось, что нет солнца больше и ярче того огромного раскаленного шара, висящего высоко в бесстрастном голубом небе. Солнце брызнуло как апельсин, которым решили поиграть в футбол. Для солнца не было преград. Солнце и весна светились в каждом звуке, в каждом шорохе листьев, аромате цветущих яблонь, дыхании теплого нежного ветра. ВЕСНА!!!

Тоскливое состояние моей души не изменилось. Я изо всех сил пыжился, представляя, что за окном шел весенний звонкий, хохотучий дождь, но на самом деле я, конечно же, знал, что это вовсе не весенний молодняк – дождь, а серый выматывающий. Забирающий душу, вколачивающий гвозди в крышку моего гроба, осенний морозящий дождь цвета трёхдневного мертвеца. Я обманывал себя, представляя весну. Изо всех сил зажмуриваясь и представляя густую, зеленую, свежую листву после дождя, голубое небо, ослепительное солнце, зеленую упругую траву, и такие же свежие, радостные мечты и надежды на лучшее. Мне хотелось умыться этой свежей росой, расхохотаться в голубое небо и знать, что всё самое лучшее, все самое великолепное – впереди. Я тоскливо, с надрывом закашлялся. «Надо встряхнуться», – подумал я. В самом деле, всего лишь проснуться в 6 утра,

ну хорошо – хорошо, в семь, почистить зубы, натянуть кроссовки на ноги и бежать –бежать, не оглядываясь, от себя и от других, а главное, от таких, выматывающих душу мыслей, а главное, чтобы со стороны думали: «От, спортсмен. В такую хлябь, в такую хмарь, бежит, спортом занимается, да наверное у него железные девайсы там, в этих спортивных штанишках, да скорее всего сила воли размером с Сибирь, да что говорить, просто герой!» Потом, гордым собой, прибежать домой и облиться ледяной водой. Вух! А потом горячий кофе. И круассаны. Ну, честно скажем, круассаны уже лишнее, бабская затея. Но свежесваренный кофе! Ммммммм!!! Легкий дымок над чашкой и аромат...аромат... Бутерброд с колбасой...А! я же хую! Ну просто хлеб....а вот, гусиный паштет...от маленькой баночки же не будет вреда?..эх, гулять так гулять...От этот то бутерброд то меня в мыслях и сгубил... Я почувствовал что от этих фантазий меня клонит в сон...Опять в сон...Каждый вечер я клялся себе что лягу спать в 9 часов вечера... «Ахххххахаа», «Хихихихихих!», – заливаются мелким противным смехом мои мысли...Потому что раньше 4-5 утра в итоге я не ложился. Меня уволили с работы в ходе дурацких подковёрных интриг. Одним днем, безо всяких отработок. Выплатили пару окладов. Так что, какие-то гроши у меня были, я не умирал с голоду. Ненависть к моим бывшим работодателям сменилась апатией. Я судорожно бодрствовал до самых ранних петухов, потом ложился спать, обуреваемый чувством вины, думая встать хо-

тя бы в 10 или 11 утра и провести продуктивный день. Но фиг там! Я беззастенчиво дрых до трех часов дня, долго протирал глаза и пялился в серое окно. Серое окно готово было продемонстрировать мне такой же серый день, быстро переходящий в сумерки, а потом и в крошечную зимнюю тьму. Фокус в том, что глобальное потепление в этом году сыграло с москвичами подлую шуточку. Осень длилась уже бесконечное количество дней, на дворе стоял глубокий декабрь, но на земле не было ни снежинки. Более того, временами налетал исконно питерский дождь, путая города, хлестал москвичей в лицо, москвичи бодро и привычно матюкались, дождь удивленно зависал, ожидая услышать питерскую интеллигентную унылую бормотню, а вместо этого слышал отборный московский мат. Моя невыносимая легкость бытия усугублялась этой осенью. Этой бесконечной московской осенью, вызванной грёбаным глобальным потеплением. Юная Грета Тунберг кому то из капиталистов угрожала по телевизору, а мне хотелось крикнуть с моего дивана: «Поздно, деточка! Нас уже не спасти!». Я стал есть на ночь. Да. На ночь. В больших количествах. Эх, да что я говорю вам, кого я обманываю: я жрал как не в себя. Жрал и жрал, чревоугодие по вечерам присаживалось на мой узкий диван, трогало меня за ногу и говорило: «Солнышко моё, ты же сегодня не кушал еще». И мой глупый – глупый мозг отвечал: «И правда, я же не ел. Совсем забыл про ужин. Нужно поужинать». На часах могло быть и час ночи, и половина вто-

рого и два и пол – четвертого утра: это не имело никакого значения. Я шёл на кухню, как зомби, подгоняемый отвратительным кревоугодием. Оно садилось на табуретку напротив меня, точнее, расплывалось по табуретке, расправляя все свои жировые складки и внимательно наблюдало, как я, обжигаясь, запикиваю горячие бутерброды с сыром и колбасой себе в рот. Мне кажется, оно даже умилялось моему аппетиту. Смахивало нечаянную слезу, делая свое черное дело. И меня предсказуемо разнесло. Утром я трогал жир на животе и вздыхал, когда удавалось сделать складку больше 5 см. Это значит +10 кило как с куста. То есть, в куст. То есть, в меня. В мой жирный живот. А когда мне было есть, если днем я спал?! В итоге, я повадился ходить в фастфуд рядом с моим домом. Царство фастфуда было на 4м этаже соседнего с моим домом торгового центра. О, эта жареная горячая картошечка, щиплющая язык холодненькая кола и сочные бургеры! О это царство вечернего обжоры! Маленький нюанс – ве-чер-не-го. Я же был ночным. Весь фокус в том, что торговый центр работал до 22:00. А я вспоминал, что я не обедал и не ужинал в лучшем случае в 21:30. Я несся туда как на пожар, чтобы успеть купить хотя бы бургер. Охранники и кассиры фастфуда уже выучили меня: «А где же этот жирный вспотевший чувак в расстегнутом пуховике с хаером дыбом и выпученными глазами, несущийся, как на водопой?». Я жрал этот бургер и эту картошку как не в себя и думал, что мне нужно срочно похудеть. «Что бы та-

кого съесть, чтобы похудеть?», – да, да, и всё в этом духе, вы правы. У меня оставался абонемент в фитнес зал, какие то крохи, буквально, последние дни. И ...угадайте, что я делал после пожирания бургеров? Правильно, несся в спортзал, чтобы моя многострадальная фигура приобрела хоть какие то очертания. Наш фитнес зал был выкрашен голубой (!)– голубой краской. Что, несомненно, сказывалось на производительности всех тренирующихся мужиков. Лень хватала за шиворот, лень пролезала в рот, вызывая зевоту, лень выхватывала гантели из рук. Единственное, чего не могла победить лень, так это чувство соперничества между нами. Я смотрел на гору мышц в зеркале слева от меня и пытался прокачать свою хилую дельтовидную мышцу. По моим ощущениям, я был сегодня просто сарделькой с ручками, которая пыталась сделать вид легкоатлета. Но это не было только сегодня. Вот уже три месяца с момента потери работы, я был никем. Не то, чтобы я не осознавал мою значимость, нет. Моя гордыня преспокойно поживала, свернувшись змеей, всё в том же месте, в печенке. Почему там? Я не мог ее оттуда выковырять уже долгое время, и она «сидела у меня в печенках», и да, ей там самое место. Так вот, моя гордыня шипела, что я великолепен, а убудки и козлы – все остальные, например, мое бывшее начальство. «Вот сукины дети», думал я, «уволители меня, такого офигенного, такого классного специалиста. Подставили, кинули, уволили, обобрали. Я стал жертвой подковёрных интриг. Меня подсидели. Суки!»

Но, по правде говоря, я ненавижу свою работу. У меня уже давно «не горел глаз» на нее. Но горел ли он вообще на работу у кого-нибудь в Москве? Кто-нибудь, хотя бы один человек, когда –нибудь бежал в офис вприпрыжку, да так, что булькал борщ в лоточке, заботливо засунутым женой в портфель, прямо посреди деловых бумаг? Ну нет же, нет! Они же все радостно стонут в фейсбуечке, что они так сильно ненавидят свою работу, что дышат через раз! Так сильно, что еле плетутся рано утром к метро, а в метро засыпают, игнорируя беременных женщин и бабулек с тяжелыми сумками. Так сильно, что, приехав чуть пораньше утром, сидят несколько минут на парковке, стараясь справиться с тошнотой перед входом в офис. Я ненавижу свою работу, а она меня. Меня вышвырнули закономерно: я не хотел перерабатывать, срылся с места в 18:00, мне было, в общем-то, по фиг, что меня уволят с нелюбимой работы: я хотел, чтобы время после 18:00 принадлежало только мне. И оно принадлежало мне.

Я был король «После 18:00». Я несся быстрее всех в метро, лавировал между таких же с сумасшедших несущихся офисных клерков, офисного планктона, как пренебрежительно любят нас называть те, кто нами же и являются. Я был весел и бодр. Казалось, я обыгрываю судьбу. Мне казалось, что я могу сорвать звёзды с небес. И я их рвал. Я несся к победе. Мои ботинки стучали на переходах в метро. Не было человека, яростнее раздвигающего толпу на пересадках, чем я. Нет, я не был тем сумасшедшим манипулятором,

которые «двигают людей», то есть трогают их, думая, что раздвигают толпу. Это достаточно забавно и хочется сделать звонок в психушку, чтобы их, наконец, забрали. Нет. Но я действительно научился отлично лавировать. Я несся через все преграды к своему «хобби», как презрительно назвал это один мой знакомый, считающий протираание штанов в унылом офисе заслуженной наградой за протираание штанов в таком же унылом университете в течение пяти лет. Но для меня это не было «хобби». Для меня это было Жизнью. Для меня это было больше чем Жизнь. Это было больше, чем просиживание штанов с 9 до 18ти. Чем переключивание документов из одной стопки в другую. Чем создание подковёрных интриг. Я точно знал, что после 18:00 я, наконец, заживу. Надо только дотерпеть. Чуть-чуть потерпеть. Еще один восьмичасовой день. Еще одно хмурое, серое утро, в которое не то, что не хочется ехать на работу – жить не хочется. Моя новая жизнь начнется после 18:00. Я предвкушал ее. До обеда время тянулось уныло и тягостно, но я умудрялся его скрасить тремя кружками крепкого кофе (да-да, я жуткий кофеман, не начинайте на меня ворчать, мне пилят мозг на эту тему уже давно, с рождения, блин, не беспокойтесь, встаньте в очередь осуждающих меня, не поленитесь, ну же!). Уже после обеда я понимал, что осталось (ура!) всего-навсего половина дня. До. До моего входа в рай. До начала моей райской жизни. Потом часы пробивали три, три с половиной, четыре, и вот, в 17:10 я уже начинал предвкушать. В

17:30 я уже бежал мыть свою кружку, сталкиваясь у мойки с такими же коллегами: напряженными, нетерпеливо жаждущими 18:00. Они толкались локтями, сопели, ожесточенно терли свои несчастные кружки и пластиковые лотки, вздымая клубы пены моющего средства. Иногда я не выдерживал напряжения ожидания в этой очереди к мойке и малодушно ставил свою кружку в автоматическую машину для мытья посуды. Нас за это ругали. Каждый раб должен был самостоятельно вымыть свою кружку грязной губкой для мытья посуды, иначе твоя чашка обречена была стоять грязной одиноко всю ночь, пока наутро ее не помоеет уборщица в синих перчатках той же грязной губкой, но уже с проклятиями, потому что за весь вечер никто больше не осмелился поставить кружку в мойку, а ради одной чашки моечную машину никогда не запускали. Мне кажется, я был единственным человеком на весь наш огромный офис, которому было все равно, что о нём подумают. Поверьте, мне было не до чужих мнений. Я проживал две жизни сразу, в то время, как многие не справлялись и с одной. В 17:59 я судорожно отрубал комп, закидывал за плечи рюкзак и шел быстрым шагом по офисному коридору, стараясь не переходить на бег. Это было достаточно сложно в толпе таких же офисных рабов, которые стремились выскочить хотя бы за минуту до шести, чтобы сэкономить себе минуту вольной жизни, а если получалось сбежать за 5-10 минут и не попасться на глаза начальнику, то все они чувствовали себя героями, выигравшими какой

то большой приз, сорвавшими большой куш, весь джекпот казино в Чикаго, ха-ха.

«Первое правило клуба – никто не должен знать о клубе». А никто и не знал. Я молчал, как рыба. Я врал, я врал как последний раз. Я врал, лукавил, привирашничал, кривил душой, я актерствовал. Все, что было в моей жизни стоящего – была та, моя двойная жизнь. Я врал. Я врал шефу, я врал коллегам, я врал друзьям, я врал девушке, я врал родным, я врал маме. Я врал коту. Да – да, кот тоже в этом во всем замешан, я сдаю его со всеми потрохами, можете внести его во все списки. Более того, окажется что он зачинщик всего, прошу заметить, он а не я. Он то и вывел меня на чистую воду. Но сейчас не об этом. Когда большая стрелка касалась двенадцати, а малая стояла на шести, оооооо, что происходило со мной... Если я не успевал выскочить из офиса в 18:00, я чувствовал что начинаю перевоплощаться на глазах: шерсть лезла из под рубашки, пуговицы лопались, я чувствовал, что левый клык слегка впивается в губу, и я прямо здесь и прямо сейчас начну скидывать свои одежды, и, воя, убегу в мой заповедный лес. Мой заповедный лес. Мой тайный рай. Мое место перевоплощения. Мой театр, душа моя. Я так и вижу ваши раздражающие улыбки, эта суховатая кожа, натянутая на месте носогубных складок, этот ироничный прищур умных и злых глаз, эта усмешка, за которую в аду несомненно, выдают отдельный котел VIP класса, я вижу, вы хотите выдавить через ряд ваших тонких острых зубов: «Да

что он несет... в самом деле... какой театр... разве это ново? Разве это интересно? Разве это занимательно?». Полноте. Я не буду винить вашу душу в преждевременной смерти (что мне, заняться что ли нечем, вас есть кому судить), мне бы свою спасти. Между смертью на офисном столе, заставленном кружками с кофе, с мерцающим монитором под вопли обезумевшего от сребролюбия и гордыни начальства и смертью на сцене под шквал аплодисментов благодарной публики я выбираю второе. Но это все мелочи, воззвание к небесам, воздевание рук, беседы со стеной и риторический вопрос. Я несся с работы так, что однажды моя голова на повороте врезалась в челюсть спешащего навстречу парня, и я от испуга, что я кого-то повредил, врезался в него еще раз. Можно вечно проклинать себя, и я не понимаю, зачем я это сделал, это произошло на автомате. Я услышал как шелкнули кости челюстей этого бедного человека, потом был второй раз и я услышал этот шелчок еще. Парень странно на меня посмотрел, но не стал затевать скандал, или, хуже того, драку, а поспешил своей дорогой. Я спускался на эскалаторе и чувствовал себя ужасно. Ужасно! Я дважды головой вмазал человеку в челюсть, ни за что, ни про что. И он простил меня, подставил щеку дважды. Он подставил мне вторую щеку...

Длинный эскалатор закончился. Я снова был напряжен, я целенаправленно утрамбовывался в вагон, как обычно, переполненный в час пик. Я знал как это делать, я умел всё. Те лузеры, что в отчаянии отходили от переполненного вагона,

не осознавали, что если на площадку после двери влезла твоя нога, значит, есть шанс поместиться и полностью. Опасайтесь бабулек. Я не знаю, куда и откуда они едут в час пик (да и, наверное, не хочу знать), но их локти реально железные, и если они выберут ваш мягенький жирненький бок, вам явно не поздоровится. Я ехал, слегка напрягая мышцы ног моего сарделечного тела, чтобы не упасть. Вы спросите, куда же я так несся? Нет, разумеется, понять всех остальных москвичей можно: они то неслись к мягкому дивану, игре в танчики, телевизору, к семье, к борщу и котлетам, наконец. Куда же так торопился я, что жерло метро засасывало меня с особым причмокиванием, равномерно раздавливая мою плоть в давке между остальными, ошалевшими от работы в офисе?

«Первое правило клуба – никому не говорить о клубе». Я должен молчать, но так уж и быть, я поведаю тебе, тебе одному, о мой читатель, куда судьба гнала мое сарделечное тело, как будто я собирался победить в «Олимпийских играх».

Я никогда не отличался особыми талантами. Я обычный клерк. Я офисный планктон. Я тот, об кого шеф вытирает свои поросячьи ноги. Я никто, и звать меня никак. Если я вдруг соберусь помереть, обо мне никто не скажет доброго слова, кроме мамы. Да и не вспомнит, пожалуй. Но там, на небе, где едва слышен морской прибой, где на берег белый океан выбрасывает белую пену на белый песок, где ангелы сидят на ветках прекрасных деревьев, слушают лютню и кидают жребий, споря о том, кому в этот раз лететь на нена-

вистную Землю, в этот ад, это чистилище, наказание за грехи; там, на небе, знают мое второе имя. Там знают, что мое второе имя связано с огнем, что я быстр, верток, сообразителен, что я могу испепелять, могу согревать, могу обнимать, могу разрушать. Они-то знают, что я способен на все. И я не могу их разочаровать, их, сидящих на этом белом побережье в белых одеждах, их, знающих обо мне с самого рождения, я не могу признаться им что я всего лишь сарделька, зажатая в час пик на фиолетовой ветке метро, мой Создатель знает что я способен на большее и я не вправе разочаровать Его.

Я бежал, и потел под толстым пуховиком, сердце нехорошо, поспешно постукивало, Я задумался о том, что нужно больше спать и раньше ложиться спать. И меньше кофе, да. Эти невеселые мысли прервала оранжевая помпошка на уровне моих глаз. Помпошка издавала звуки, что-то говорила. Я догадался посмотреть вниз, чтобы найти её лицо. Это была наша актриса Леночка. Леночка была небольшого роста, но принципиально не задирала голову вверх, чтобы говорящий нагибался, чтобы ему было неудобно, а не ей. Иногда я думаю, что небо наделяет таких людей маленьким ростом из-за гордыни. Почему то вспомнился малорослик Гитлер, но я поспешно отогнал эти мысли. Леночка бубнила о том, что мы опаздываем и ехидно спрашивала, подготовил ли я домашнее задание? Меня пронзило током: я же ни хрена, ни хренашечки не подготовил. Я мгновенно испугался, как несчастный измученный студент, вспотевший, мокрый, тря-

сущийся как мышь, под дверями кабинета, где идет экзамен. Мои мысли лихорадочно заметались и я вспотел еще больше и подумал, действительно ли мой дезодорант соответствует рекламе, и выдержит ли он мою жизнь? Всю мою жизнь? Достаточно ли сильны плечи моего дезодоранта, чтобы я на них мог опереться и заплакать? Достаточно ли он силен для этого? Утонув в невеселых размышлениях, я брел за хохочущей Леночкой. Леночка бормотала что-то остроумное себе под нос, шутила про нашу группу, помпон подергивался, а я думал, что же я скажу режиссеру.

Нельзя сказать, чтобы я был звездой. Нет, ну конечно можно, я же играл во всех главных ролях нашего театра. Но я мужчина, это раз. На одного мужчину, мечтающего играть в театре, приходится 300 женщин, мечтающих стать актрисами. Так что это какая-то сугубо женская профессия. Так вот, я не был звездой. Я играл все те роли, на которые не хватало мужиков. Ну, может быть, ещё играла роль моя фактура. У меня, кхе – кхе, как бы это выразиться, ну в общем... нос картошкой. Эта картошка возвышается между моих двух щёк, как флаг посреди Гималайских гор. И это я сейчас о моих огромных щеках. Вы скажете: «Нууу, а если похудеть?» Сюююрприз!!! Если я худею, форма моего носа остается картошкой... Ну бросьте в меня вашим белковым коктейлем, о, идеальные худые люди! Погремите надо мной вашими костями! Похвастайтесь вашими впалыми щеками! Оттяните вашу кожу (кожу!) на животе, 3 миллиметра, и скажите «Ох,

я такая толстая...! Ох, какой же я жирный! Ох, как меня разнесло!» Я посмотрю на вас и отвечу: «Это всё, чем вы можете гордиться в этой жизни». А вот не надо, не надо напрашиваться на комплимент!

Режиссёр спросила, все ли подготовили домашнее задание. Пара человек подняли руки, я промолчал. Леночка фыркнула в кулачок, глядя на меня. Я покраснел, и вжал голову в плечи, но рука моя не дрогнула и не поднялась. Вы спросите, что бывало тем, кто не подготовился? Ну что можно сделать с взрослым человеком, пришедшим в искусство после 25ти? Чем можно уязвить офисного раба, которого уже уязвляет жизнь каждый день с 9 часов утра? Как его можно наказать, что сделать, если он испытывает прессинг с 9 до 18ти каждый день, а иногда и дольше? Что можно с ним сделать, если каждый современный офисный раб познал все степени унижений от низших начальников к высшим, от происков и подсиживания коллег, лишения премий, раздачи «люлей» за чужие ошибки, несправедливого присвоения твоих достижений, бдения за рабочим столом до полуночи, клевания носом в документы, чтобы на следующее утро делать вид, что на самом то деле ты огурцом и все тебе нипочем, до тех пор, пока смерть не разлучит нас, до тех самых пор...

Стыд. Я был еще жив внутри, в отличие от многих моих коллег, и во мне еще оставался стыд. Я не убил своего внутреннего ребёнка, он еще оставался жив во мне. И я чувство-

вал стыд. Я не сделал задание, да чот забегался, заработался, забыл. Бывает. Ничего такого, за это же не убивают. Но я и не сознался. Леночка видела следы моего грехопадения, и тоже промолчала, хотя и посмеялась в кулачок. Лучше бы сдала меня режиссеру. Тогда я был бы жертвой, а тут нет, тут сам виноват. Мое лицо было полно напряжения, как будто я детским совочком копал нефтяную скважину. Режиссер сама подошла ко мне, мягко положила руку мне на плечо и сказала: «Готов?». Я резко вскочил, пробормотав: «Конечно! Разумеется! Еще как! Готов! Всегда готов!». Я чуток побегал по сцене, потом буркнул: «Мне нужен реквизит!» и спустился обратно к своему месту в зал, вытаскивая свой рюкзак, шепнул Ленке: «Чо было задано то?» Ленка быстро и горячо прошептала: «Этюд «животные»!». Это не добавило мне уверенности в себе, отнюдь, но я подумал про мой вес и решил, что если я покажу слона или бегемота, мне скажут что я ни фига не перевоплотился и исходил из типажа и физических данных. Я почесал репу, взбираясь по ступенькам. Время яростно тикало мне в спину. Мои соперники-однокурсники сверлили меня взглядами. Режиссер вздохнула и поменяла ноги, закинув одну на другую. Мне кажется, она догадывалась, что я ни хрена не готов, но не преминула сострять терпеливое, «ожидательное» лицо. Софиты заливали глаза, слепили, в какой-то момент на смыкании век я увидел что-то черное и объёмное и сразу же мелькнула мысль: «Орангутанг! Я должен сделать орангутанга!» Я знал, что ес-

ли начну делать шаблонные движения, меня сразу же запалят и вернут на место. Вообще, для этого этюда наши ребята ездили специально в Московский Зоопарк и часами наблюдали за животными, чтобы идеально скопировать манеру поведения, вжиться в образ. Все ездили, кроме меня. Я сам не понял, как так получилось. Была ли в этом замешана моя лень? Боюсь, что да, эта расплзшаяся сволочь способна пролезть везде. Но я не унывал. Я хотел всего и сразу и, «пожалуйста, без хлеба»(с). Я хотел быть звездой, не прикладывая к этому никаких усилий. «Ха-ха», скажете вы. «Хо-хо,— отвечу я. Разве вы не хотите того же самого?». Я подумал, что надо сделать ленивого орангутанга, ведь я сам ленив донельзя, я сам ленивая огромная панда. Я чуть-чуть покачался на ногах, скукожился, чуть-чуть подзагрёб своими руками, сгорбил спину, вытянул губы, как будто собрался закурить, сожалеюще почмокал ими, как будто младший брат сожрал перед моим носом мой последний сырник, разочарованно развел руками и пошел вдоль сцены, враскорячку, загребая руками ниже колен и выглядывая еду. Зал прыснул. Я почувствовал себя польщенным. Мысль, как молния сверкнула в моей голове: я вспомнил что не сожрал в офисе банан, который я утром засунул себе в рюкзак. Я метнулся к рюкзаку, стал рыться в нем, последовательно выкидывая все вещи и нетерпеливо рыча. Вытащил банан и издал боевой клич! Сделал танец – круговой каскад по сцене с прыжками и агуканьем. Понянчил банан как любимое дитя, с нежно-

стью прижимая к щеке. Зал снова засмеялся и зааплодировал. Я отреагировал на это так, как будто это приблизились чужие незнакомые звери и они хотят отобрать мою прееее-елесть – мой банан. Заметался, развернулся к ним спиной, резко очистил банан и почти целиком заглотнул его, почти не жуя от жадности. Зал разразился аплодисментами, а я все еще стоял в напряжении, в боевой позе, держа шкурку банана. Когда я, взмокший и красный, сел на свое место, Ленчик шепнула мне: «Ахренеть! Ты просто огонь!» Я и сам так думал. Я был счастлив.

Так я бегал на репетиции, пока работал. Но сейчас я был уволен, уволен несправедливо, фатально, неожиданно. И я продолжил репетировать. Мужественно. Продолжил. Талант не должен прогибаться под обстоятельства, я должен нести свое искусство в массы, даже в полумертвом состоянии. Я был уволен, финансово не стабилен, прижат к стенке, но я не был сломлен. Я всё еще был лучше всех моих врагов. Я был лучше, правда.

Я закрыл глаза. Я вспомнил это ощущение. Я стоял один в луче света на сцене. Я расточал свет. Я был сам Свет. Сцена была обита черной тканью, равно как и пол, и стены, и кажется, потолок. Мечта студента театрального института, не иначе. Она была черной, я был белым. Она скрадывала пространство, но визуально моя светлая кожа подчеркивала мои жиры, делала их выпуклыми. Свет от софитов слепил, но это всего лишь полдела: под ним я покрывался потом, как моло-

дой откормленный теленок, которого ведут на убой, и он об этом знает. Любил ли я сцену? О, даааа...! Ненавидел ли себя, когда находился на ней? Конечно! Думал ли я о том, как реагируют на меня зрители, пытался ли поймать их взгляды, ловил ли выражение их глаз? От тут вот промашка, дорогой читатель – я был близорук, и весь первый, да и остальные ряды, расплывались у меня в мутные разноцветные пятна. Единственное, что я мог различать, так это когда нам начинали аплодировать: тогда перед большими пятнами лиц начинали скакать бежевые пятна ладоней, но эти знания мне ничуть не пригодились, потому что аплодисменты легко были слышны и по звуку. Смекаете?

Делал ли я это ради баб? Ну то есть (заноете вы) понятно же все: мужчина средних лет, со значительным жирком в области талии, просиживающий штаны в очередной тупой конторке может пойти играть в театр по вечерам только от безысходности: «Бабы не дают, извольте вертеться». О! О! О! О, мой дорогой читатель, ах если б было все так просто! Я был страстен. Страсть моя гнездилась во мне глубоко. Глубже печенок. Она зияла во мне черной дырой, она сверкала во мне чешуёй рыбы, блеснувшей в свете луны, она была прекрасна, как поцелуй румяной женщины, подающей тебе к утреннему кофе блины со сгущенкой: моя страсть была всем. Я стоял на сцене в круге света, я собирал любовь. Я собирал любовь, я источал любовь, я был любовью, я держал мир в моих слабых ненакачанных руках. Я любил жизнь, а она

меня в ответ. Я забывал про мой нос картошкой и лишние килограммы. Мое сарделечное тело больше было не властно надо мной: я был Кларком Гейблом. Я был совершенством. Я мог все. Весь мир любил меня, а я любил мир. Я был всемогущ, и я знал это. Все женщины мира принадлежали мне, а если даже и не принадлежали, то они еще просто не знали об этом. Словом, я был Актер.

Обычно реальность вторгается в твою жизнь максимально безжалостно, как трель советского звонка будильника после сладкого сна о райских островах. Пришла смс от провайдера, мой интернет собирались отключить за неуплату.

Знаете, что меня больше всего раздражает в мужских кофтах? Вот эти вот ужасные налокотники, которые нашиваются якобы для того, чтобы не испортилась ткань под ними. О, как они меня раздражают! Они означают, что ты раб, ты должен работать с 9 до 18ти, а эти жалкие подлокотники спасут тебя. Они точно спасут тебя. Они спасут ткань твоего пиджачишки от протирания. Вот что я вам скажу, други моя, они не в состоянии спасти даже эту ткань, а не то, что вашу жизнь! Вы так и останетесь клерком с протертыми локотками. Клерком, который предусмотрительно напялил подлокотнички, чтобы защититть свои локотки и свою жизнь, но его ничего не спасло. Он остался незащищенным, жизнь вышвырнула его на улицу из любимой конторки: безжалостно, внезапно, несправедливо. И вот тут бы пригорю-

ниться нашему герою, и взять кофе из Макдака , начать плакать в картошку фри, захлебнуться сырным соусом, нечаянно вдохнув его ноздрями, и чтоб никто не мог подкопаться: наш герой страдает, на него наорал начальник, бросила баба, он поцарапал машину: видите, видите, как он размазывает соус по лицу, все правда, все чистая правда, это современный мужчина, он слизноват, он может заплакать.

Всю мою жизнь я разрывался от состояния Короля на сцене до раба в офисе. Я был Королем каждый вечер и рабом каждое утро. Вечером я владел огромным залом и кивком головы милостиво разрешал себя искупать в аплодисментах, небрежно передаривал огромные букеты роз актрисам и томно разрешал поцеловать себя в щечку, чувствуя себя Властелином мира, а на следующий же день заискивающе «заползал» в дверь начальника ранним утром, чтобы сдать отчетик и выслушать план работы на галерах на день. Я неплохо греб. Не хуже, чем другие рабы, поверьте. Кроме того, я не ныл. Я не ныл только потому, что каждый вечер меня ждало мое волшебство: мой театр, вне зависимости, была ли это репетиция или спектакль. Разве такой увлеченный раб не выгоден конторе? Ооооо нет, мой дорогой читатель, ты ничего не понимаешь. В основе капитализма лежит то, что один человек получает навар от работы огромного завода. Все остальные люди, а точнее, рабы, составляют винтики этого завода. Им дают немного денег, чтобы они прожили этот месяц

и прокормили свою семью, ну и сами не сдохли от голода. Но это ровно такое количество денег, чтобы не жить, а держаться. И эти рабы (те, что поумнее) понимают, что в целях сохранности собственной психики, они не должны любить свою работу, но считают своим долгом лишь делать вид. Те, которые поглупее, могут любить, но они, как правило, очень быстро сгорают, нервничают, переживают, хворают, помирают и на их место приходят новые, такие же наивные, обреченные скоро сгореть в одной из доменных печей трудового голизма, утонуть, не выдержав неблагодарной адской работы на галерах, умереть от самобичевания, что ты недостойн целовать даже ноги своего шефа, ты пыль, моль, инфузория-туфелька. Официальное лицо сотрудника каждого офиса – быть удрученным. Можно быть испуганным, напряженным, расстроенным, разочарованным, злым. Нельзя, дорогие мои, ни в коем случае рабу показывать, что он счастлив. Счастливое лицо строжайше запрещено в офисе. Иначе это может напомнить рабам, что за стенами офиса есть другая жизнь, где не нужно ползать на коленях. Что за стенами офиса есть Свобода. Раб не должен знать и помнить о Свободе. Он должен быть уверен, что его серая жизнь ограничена четырьмя серыми офисными стенами. Что серый офис – и есть сама жизнь. Ха-ха. Я был умнее. Я мог играть. Я мог напялить на себя любой расстроенный вид, и при этом быть довольным внутри. Я был почти все время счастлив, просто потому, что душой постоянно находился в театре. Меня не

трогала эрозия офиса, я не распадался на пиксели и не гнил: моя душа оставалась чистой и светлой. Когда я слышал эти вопли в коридоре: старший винтик делил власть с опытным шпунтиком, или старая гайка вопила на новый гвоздик, или тупой, выдавший виды, молоток старался ударить побольнее новую шестеренку: я не вмешивался в это все ни взглядом, ни мыслью. Я знал, что любой, обративший внимание на эти бесконечные, высасывающие кровь конфликты, будет обречён внести свой взнос: свою энергию, свою силу, свою частичку души. Поэтому эти энергетические воронки крутились без меня. Я лишь делал вид, что отношусь к винтикам этого завода, на самом деле, я расправлял свои крылья на тысячи миль от сюда, в синем небе, между белых облаков.

Поэтому в моей шевелюре нет ни одного седого волоса. Поэтому у меня нет ни одной морщины. Я был рабом чисто технически. На самом же деле я был свободен. Мне было жаль всех этих людей, отсидживающих ненавистные часы с 9 до 18, и, более того, больше этого времени, делающие вид, что они трудоголики, сумасшедшие рабочие наркоманы, готовые ради карьеры отдать свою жизнь в полное распоряжение капиталистам – владельцам завода. Да что там отдать? Они продавали душу, по глупости своей, продавали ее за чистую фигню – за мифическую карьеру, за плюшки, которые им пообещал владелец завода. Много раз я видел, как какого-нибудь начальника отдела, которому все кланялись, перед кем заискивали и лебезили, который сидел каждый вечер

до полуночи, орал на подчиненных, злобился, зажимал отпуск подчиненным, краснел, потел, гневался, взыскивал все ошибки в работе, никому не прощал недочетов, увольнял, смещал, снимал по три шкуры с людей, которого ненавидели, которым восхищались, который не видел, как растут его маленькие дети, и забыл, когда в последний раз спал с женой: его увольняли разом, подсидев, внезапно, неожиданно, и он стоял со своей выдавшей виды чашкой, вперив свой взгляд в стену на пустой офисной кухне, полностью охренев. Выбросив столько лет жизни на споры, склоки, разборки, офисные войны, кичась своим положением начальника, просиживая дни и ночи за тем же столом, с той же лампой, вдруг узнать, что все это было зря. Что такие же, но молодые, рвачие до карьеры тебя объехали, обставили, объегирили, сплели свои подковерные интриги, и вот ты один, и тебе можно не дорабатывать последние две недели, и вот тебя как бы и нет. Такая куча лет коту под хвост. Все сражения, которые ты выигрывал, оказались вдруг не важными, весь расклад фигур уже ничего не значит, ведь кто-то просто взял и перевернул всю доску с шахматами, и они рассыпались, и прыгают теперь по ступенькам, ведущим вниз: черные, белые.... Но лучше остановиться так, чем прийти в один прекрасный день в любимый офис, сесть за свой рабочий стол и умереть. Вы скажете: «Не бывает такого?». А я знаю пару случаев.

Да, мы терпим офис ради денег (и это нормально), мы работаем с 9 и до поздней ночи (перерабатывать –нормаль-

но (слышу злобный смех твоего начальника), мы работаем до самой смерти (умереть за офисным столом – что может быть лучше?), но у каждого из нас есть свой предел. И когда мы подходим к этому пределу, все становится не важно. После каждого такого изнуряющего дня, когда мы вкалываем, как одержимые, до ночи, когда терпим мракобесов-начальников, наш предел над нашими головами начинает дрожать и наполняться. В один «прекрасный» день он разверзнется над нашей головой, и станет мучительно поздно. Не обманывайте себя. Вы просто хотите быть хорошими. Вы просто хотите быть героями. Вы просто хотите оправдать тот беспредел, что творится в вашей жизни. Вы просто хотите ткнуть пальцем на своих знакомых на соседних галерах: «А чо я то? Я как они». Но это плохая идея. Потому что каждый человек сам несет ответственность за свою жизнь. Я не хочу никого оправдать или обвинить. Каждый из вас имеет право петь себе любую песнь самооправдания прямо в уши. Но чу! Вы слышите этот тикающий звук? О неет, это не бомба, заложенная в основание вашего офиса, нет. Хотя вам и хотелось бы, да? Это секунды, минуты и часы вашей жизни, которые пролетают мимо вас со скоростью звука. Это ваша жизнь, которая не случилась у вас. Это ваша прекрасная, счастливая жизнь, которая прошла мимо. Это все ваши упущенные возможности и счастливые случаи: в каждом сухом щелчке секунд ваша великолепная молодость, ваша энергичная зрелость, ваша мудрая старость. Ни-че-го. Только серый

металлический офис. Только серый день. Толкотня у кулера. Вопли шефа. Отвратительный кофе. Дергающийся глаз. Боль в правом виске. Галеры. Галеры. Галеры. Тик – так. Тик-так. Тик...

Москва создана для тощих и нищих актеров, бегающих с кастинга на кастинг в лихорадочных попытках получить роль. Питер создан для томных актеров, желающих красиво выпивать, тосковать и искать петлю. Но сейчас не об этом.

Я поехал в Питер, чтобы немного успокоиться, собраться с мыслями. Тем более, я планировал туда поехать с августа месяца, а сейчас стоял февраль. «Ха-ха, -скажете вы, -ну и лентяй, полгода не мог собраться». «Ха-ха, – грустно отвечаю, – я работал как проклятый, пахал на своих галерах, и каждую субботу я мог только амёбно лежать на диване, задрав свою голову наверх и глядеть на потолок. Не было сил. Со-всем». Я раньше все удивлялся, почему, блин, москвичи на предложение встретиться выходные, болезненно морщатся, и заученной скороговоркой бормочут: «Ой, а давай, может в будни заскочим по-быстрому в то самое кафе, где в прошлый раз», – и отводят взгляд. Я знаю, почему это происходит. Потому что ненасытное жерло Москвы продолжает жрать энергию из людей даже по выходным. Но эта «еда» итак уже достаточно обглодана воплями шефа, пробками, орущими детьми, истеричной женой, отсутствием денег и общей суетой, что в выходные среднестатистический москвич может

лежать брюхом кверху на диване и изредка посасывать пиво или лениво тащить в рот кусок пиццы поувесистей. В выходные москвичи не в состоянии соображать или быть активными. Они исполняют роль тушканчика на кушетке, отъевшись тушканчика. Поэтому всегда нужно говорить: «Давай в четверг на полчаса после работы в центре», и вы сразу же увидите, как засияет лицо вашего собеседника. Потому что вечер в четверг уже потерян. Потому что утром жена уже устроила скандал. Кот с ночи обоссал любимые тапки. Ребенок сказал что всегда любил больше маму, но новый огромный набор «лего» может исправить эту ситуацию. Шеф уже наорал. Бухгалтерия высосала кровь. Так что ничто уже не может испортить вечер четверга. И бутылка пива с вами в центре и жареная картошечка выглядят просто спасением.

Я поехал в Питер, думал, что я там развеюсь. Я думал, питерская шаверма усладит мой язык, потешит мой желудок, горячий кофе с круассанами на Невском придаст мне жизни и бодрости духа. Пить я не собирался, я же не пью. Я хотел взбодриться душой, я хотел почувствовать себя лучше, хотел вырваться из закольцованных кругов ада Москвы, бесконечной выматывающей гонки, где нет проигравших, потому что проигравших, как правило, выносят вперед ногами. Загнанных лошадей Москва привыкла пристреливать.

Черный Питер встретил меня морозящим дождем: глобальное потепление брало своё. «О, не так уж и плохо» – подумал я, идя по Лиговскому и рассматривая старинные зда-

ния. «Мммм, не так уж и плохо», – подумал Питер, откусывая от меня первый кусочек души. Первый кусочек был свеж и сочен, как у зазевавшегося москвича, думающего, что он приехал в феврале в рай, этакую «Северную Венецию». Ха-ха. Трижды «ха-ха». Я зашёл в свою жалкую дешёвую гостиницу со слышимостью дыхания соседа за стенкой. Женщина, похожая на немку – госпожу из ролевых игр на пенсии, с поджатыми губами долго объясняла мне, за что в этой гостинице последует немаленький штраф в 5 тыщ. Выходило, что за всё. Мимо на второй этаж пробежала молодая парочка, хочоча, и, когда они брали ключ со стойки ресепшена, я четко расслышал: «Отель строгого режима, хаха». Меня поселили под самой крышей, в комнатке, размером со спичечный коробок, разумеется, ничем не похожей на фото с букинга. Я бросил сумку на пол, открыл форточку и решил покориться судьбе: понял, что не хочу скандалить за обмен номера и связываться с этой строгой седой женщиной с поджатыми губами. «Садо-мазо» не были моими любимыми играми. Я бросился было на кровать, но, не пролежав и пяти минут, желудок издал жалобное урчание. Я был голоден, это ясно исходило из контекста. Дрянной отелишко располагался в дворах набережной Фонтанки, и великолепные шаверминские и булочные были совсем рядом. Я шел под дождем и разглядывал витрины на Гороховой, одна была наряднее другой, одна другой. В Москве все, что могло убить малый бизнес, уже убило, и сетевики отожрали друг у друга пространство,

пригодное для продажи – все витрины были одинаковы. Тут же нет, тут всякий сверчок хвалил свой шесток, в каждой из витрин виднелись румяные булки, ароматный кофе, завлекающая шаверма, но. Но ни в одной из них мой желудок не желал останавливаться. «Меня отравят, глупый мой хозяин», – пищал он, – «а значит, и тебя. Незнакомая еда, знакомая еда, что же нас ждет, как я хочу в московский «Блинник», да что ж такое, откуда такой безумный выбор еды?!» Я пожал плечами и зашел в ближайшую булочную. Набрал того, что выглядело сытным и вкусным и сел пировать. И что же? Ни одно блюдо из еды не показалось мне вкусным. Возможно, это была энергетика далекой, трагичной и страшной блокады (невозможно спокойно есть, зная, что на этом же месте умирали от голода люди), или мое больное воображение, или отличная от московской, вода, но я не смог придаться чревоугодию, от слова совсем. Желудок подавленно молчал. Мы вышли с ним в полной растерянности на Гороховую. Чревоугодие было моим любимым грехом, что же случилось?

Питер не давал ответов. Он громоздился над моей головой черными крышами, похожими на склеп, дышал на меня сыростью, распахивал мое пальто внезапным ветром. Мы явно были с ним не на одной волне. Влюбиться в Питер по уши летом. Кататься на корабликах по каналам. Целоваться и танцевать ночи напролет. Пить вино, захлебываясь, ничем не закусывая, как будто тебе 18, а тебе именно вечные 18 в этом городе... Гулять во время белых ночей по набереж-

ным, дышать этим воздухом вечных влюбленных, любоваться зеленой листвой, молодыми деревьями, цветами, золотом Петергофа...попасть в фонтан – шутиху....Промокнуть насквозь, и чтобы девчонки над тобой хохотали залившимся смехом, похожим на колокольчик....

Но в феврале Питер был похож на склеп. Он был чёрен, возвышался надо мной, как гриб, как чёрный гриб. «Нет мне нигде пристанища», – подумал я и поплёлся к какому то кафе с огромными окнами с видом на Неву. Максимально непринужденно заказал себе бокал красного вина, отхлебнул его и почувствовал, как Питерское знакомое алкогольное тепло разливается по телу. Сразу же город стал мил, дружелюбен и смутно знаком. Я сидел за столиком, отхлебывал вино и смотрел на черную Неву с тающими огнями. Я не знал ответы на мои вопросы, но и вино не спешило мне давать на них ответы, оно просто позволяло забыть эти вопросы. В это кафе... Впрочем, кого я обманываю? Это была забегаловка для полунитских, павших духом людей. В эту забегаловку ближе к вечеру стали заходить местные забулдыги. Это я их так называю, наверняка это были уважаемые местные творческие личности с большим потенциалом и блестящим будущим...Дым поплыл между столиками, барный угар заполнил помещение. Я сидел и молча напивался. Вся моя московская жизнь в этом темном, мрачном, февральском городе, казалась сном. Без извечной московской гонки за баблом и пусканием пыли в глаза, кем я был..? Кому я был ну-

жен? Одиночество слегка прихватило мне горло, слегка, не полностью, как в сексе: чисто для удовольствия. «Не хватало еще мужской скупой слезы»,— хмыкнул я. Боже мой, упасть бы сейчас в большую мягкую женскую грудь и забыть все, как страшный сон, страшный сон. «Наверное, Достоевский сидел так же каждый вечер и напивался, а потом строчил свои нетленки»,— подумал я, и попросил еще один бокал. Нет. Лучше бутылку. Бутылка всегда лучше, да. Вывалился в равнодушную питерскую морось, пьяный, стыдный. Побрел, пошатываясь, к мостику с золотыми львами. Внутри плескалась теплота. Боли не было, её больше не существовало. По крайней мере, бесы из бутылки уверенно мне нашептывали, что её нет, а я, дурак, верил.

Наутро мне было стыдно, стыдно, неприятно, болела печень, болел желудок, болела голова, болело всё. Во рту была такая сухость, что не помог литр минералки, припасенный ещё в первый день. Я был не самым лучшим образцом для подражания в это утро. Сел на кровать, уставился в большое зеркало на шкафу. Из него на меня смотрел парень с серым цветом лица, со следами попойки и синими подглазниками. Не было ответов на мои вопросы. И не было вина, чтобы залить эти самые вопросы и никогда уже не вспоминать.

Едва я вернулся в Москву, как у меня украли смартфон. Это произошло аккуратно на второй день после очередного космического падения рубля и объявления кризиса. «Ни раньше, ни позже»,— подумал я. Но у московских воров, ви-

димом, тоже начался кризис и они думали иначе. Что? Я слышу ваши возмущенные крики: «Растяпа!», «Сам виноват!», «Надо было смотреть в оба». Ребята, расслабьтесь, вы просто не знаете московских карманников. Я попал в час пик в маршрутку, в самую толкучку. Почувствовал несколько легких ударов в спину и в бок, естественно, обернулся на них. В этот момент меня, скорее всего и обчистили. Я не почувствовал ни единого шевеления в области сумки, ничего. Московским ворам нужно вручать «Оскары» за актерскую игру. Я даже перекинулся парой фраз с парнем, который контролировал эту огромную толпу на входе: помогал зайти и выйти пассажирам, кричал симпатичным девушкам: «Да вы точно влезете, заходите!». Стопудово, он был в банде. Я ещё как то пытался с ним шутить, что-то сказал. Боже, какой я идиот! Я не понял странное смущение и молчание парня после моих шуток, но после, сопоставив всё, я осознал, что в этот момент он как раз чистил мою сумку, облегчал ее содержимое от дорогого смартфона. Вор, хохочущий над твоими шутками, и в ту же самую секунду обворовывающий тебя, так близок к поцелую Иуды. Ведь можно было и не смеяться над моей шуткой, если ты грабишь меня в ту же минуту, а? Перебор по моему, не? Одно преступление тянет за собой второе.

Наступала ночь над поверженным Вавилоном, я вышел в чернильный туман. Я был дерзок, я был герой. Ветер играл с куском летящей бумаги, если прищуриться, то моя

Братиславская была похожа на Бронкс, опасный криминальный район в Нью-Йорке. Здесь мой читатель улыбнется, а я должен признаться, всегда был не прочь пожрать в фудкорте стоящего рядом ТЦ. В 2000е это был центр гламура, но потом население обнищало, все перестали покупать дорогие шмотки и ТЦ превратился в корабль – призрак. Дорогие ресторанчики: «Mangia la pasta sbrigati prima di rubare» и «M;n;nc; sushi» позакрывались, остались более близкие основному населению России – «Блиночек» и «Картофан». Я не хотел. Я просто шел мимо. Запах. Запах жареного теста. Ну что может быть проще, и чем то он привлекателен людям сквозь года? Почему именно он вызывает жировые складки? Не буду лукавить и ходить вокруг да около. Сквозь какой-то туман я услышал вопль «Сударь!» И вот я вижу себя оплачивающим 2 огромных блина на кассе и отвратительно сладкий квас, от которого слипаются все внутренности. Нет, ну до чего правильная политика сего заведения! Каждый человек, постоянно терпящий унижения от своего самодура – шефа, который решил, что этот человек у него в рабстве, с удовольствием потянется туда, где его называли господином-сударем-королем, это к бабке не ходи. На этом незамысловатом слове «сударь» из русской истории и создана империя этой компании по продаже блинов. Потому что «доброе слово и кошке приятно», а русскому человеку – тем паче.

Я сел за обшарпанный столик. Мои жировые складки увидели 2 блина и упали в обморок. «Это для настроения», –

объяснил я офигевшему мозгу. Боже мой, как же я вру, вру, вру! Я никому ничего не объяснял. Я просто начал жрать. «Так вот, почему он такой жирный», – воскликнет догадливый читатель, и, по старой русской традиции, кинется бо-дишеймить меня. «Позвольте», – отвечу я. «Я жру блины в трудные моменты жизни, в то время как остальные бухают, курят, нюхают кокс, курят траву, колются и занимаются беспорядочным сексом. Что притих, читатель? А что делаешь ты, когда тебя прижмёт? А? То – то же...» После блинов я почувствовал себя лучше. Безусловно, лучше, как бы укоризненно ты бы сейчас на меня не смотрел, мой читатель. Пойди и сделай себе блины, а потом мы поговорим. На сытый желудок коммуникация удивительно доходчива.

Так мы остановились на том, что во время репетиций я чувствовал себя королем, а вот сидя на протертом скрипучем офисном стуле – ну так себе. Любой поворот стула вызывал скрип. Я знал, что начальство скорее удавится, чем купить для меня новый, поэтому я исхитрился поворачиваться за бумагой так, что стул почти не двигался и так адски не скрипел. «+10 очков Гриффиндору!» – скажете вы, и будете правы. Я научился жить двойной жизнью. Вот я вполне себе естественно улыбаюсь на тупую, тупейшую шутку шефа, вот я кокетливо подмигиваю секретарше, так, как будто она меня интересуется, вот я пропускаю коллегу у кулера и поддакиваю: «Эх, работы завались!». Вот я на совещании, с жаром выступаю у презентации с лазерной указкой, тычу в

наши цифры, говорю, что продажи падают, если мы немедленно не сделаем так, как гласит мой гениальный план. Вот я с нетерпением и радостью обсуждаю предстоящий корпоратив, хотя это последнее место на планете Земля, куда бы мне хотелось тащиться. Ненавидел ли я своих коллег? Ну что вы! Просто всё это время я думал: как бы мне получше сыграть, что мне одеть на спектакль, как выйти к зрителям, как подать свою реплику, как отрепетировать наконец тот блин момент поворота на сцене, чтобы я не заваливался на бок, что мне сказать режиссеру, если этот скотина шеф меня задержит хотя бы на пять минут, взял ли я сегодня степовки и те штаны, в которых удобнее всего танцевать степ, помню ли я текст роли, и где вообще моя флешка с музыкой к этюду... Моя вторая творческая жизнь казалась мне важнее и лучше, чем мой офис. Творческие люди казались мне небожителями, в то время, как работающие в офисе – слепыми толстыми кротами, роющими свои бесконечные кротовские норы, полными бесконечных, пустых, никому на фиг не нужных, бумаг. Сейчас, дорогой читатель, работающий в офисе, ты возьмешь свой старый томагавк и понесешься на меня с улюлюканьем. Не спеши это делать, друг мой. Я всего лишь хотел счастья. Мы так часто несчастны в этой жизни, на этой планете. Так часто. Я хотел быть счастливым, я хотел, чтобы кровь бурлила по моим жилам, а не текла тонкой струйкой, еле заметным ручейком. Только не этим вот, едва бьющимся пульсом, из-за которого офисные работники едва подни-

мают ноги. Замечали ли вы, как шаркают банковские работники, когда подходят к своей стойке в банке? Как они еле плетут свои ноги, как цвет их лиц сливается с сине-серо-зелеными стенами банка, практически без отличий? Это делают даже молодые, из старых же при ходьбе вообще вылетает труха. Этих биороботов, доживающих свой век, можно встретить в любом офисе Москвы. Приметы? Полное отсутствие жизненной энергии. Бледный сине-зеленый цвет лица, вялость и слабость движений, вечные перекуры, сплетни на кухне, подсиживания, мелкие пакости коллегам, ярко выраженная злоба и ненависть к тем, у кого зарплата чуть больше, кто одет чуть лучше, у кого смартфон последней модели, кто лучше провел выходные; лень, апатия, кофе ведрами (ни хрена, кстати, не помогающий), ненависть к супругу/жене, вялые заигрывания с секретаршей, раздражение от собственных детей, нежелание ползти по вечерам домой, ибо семья обрыдла, слухи, осуждения, недовольство жизнью, и в то же время, любая возможность похвастаться новой тачкой/костюмом/отдыхом в Ницце, но после легкой эйфории всплеска зависти коллег снова падение вниз, во мрак «Дня сурка», лени, монотонного усыпляющего мерцания монитора, перемежающегося воплями шефа, пойманного в вечные заложники бесом гнева; жалкие оправдания, обещания, юления, подлизывания, ложь и заискивание и снова серость, серость, серость и пустота. Вечная серость биороботов. Вечный мрак души. Вечное забвение, зачем они вообще на этой

планете. Я не хотел быть таким. Я не хотел превращаться в ЭТО. Я хотел лучшей жизни для себя. Поэтому я жил двойной.

С приходом весны у меня заметно прибавилось сил, я собрал свою волю в кулак и нашел себе новую работу, которая практически ничем не отличалась от старой. Я ехал по все тому же кругу, я узнавал все его повороты, бессмысленные и беспощадные. «День сурка» приветливо смотрел на меня из каждой утренней чашки кофе, в которую я хотел упасть из-за моей вечной бессонницы. Я так и не смог наладить себе режим дня, так и не смог. В моей жизни мало что поменялось. Тот же орен спрсе офис, те же сплетни, подсиживания, интриги, нелепое переключивание бумажек из одной стопы в другую, проволочки, те же ямы, которые все старательно рыли друг другу. Ты смотришь на меня, читатель. Смотришь укоризненно. Но разве ты сам не такой? Мои запасы таяли, а кушать на что-то было нужно: выйти из зоны комфорта я не мог, может быть потому, что меня никогда там не было? Творчеством заработать пока не получалось (я вижу, ты понимающе хмыкаешь). Что же мне оставалось делать? Я был прижат к стенке и окружён, но я всё еще не сдался.

Без объявления войны, как всегда, внезапно, на голову свалилось лето. С работы я выбежал в сером отглаженном костюмчике. Я был прекрасен. Ну, не то чтобы свеж, но совершенно точно прекрасен. В сумке у меня валялась моя смен-

ка: тренировки и кроссовки. Летом мы репетировали по вечерам, угадай где? В Бауманском парке. Лето было достаточно жарким и знойным, пот тек ручьями по спинам пассажиров метро, бабульки вяло обмахивались веерами, у мужчин под мышками пахло отнюдь не розами когда они держались за поручни, а москвички исподтишка вытирали салфетками с зеленым чаем шею и лицо, сохраняя достоинство и гордый вид. Моя белая рубашка была, скажем так, удручена моей беспокойной жизнью, но я еще сохранял свой строгий офисный look, когда пытался перепрыгнуть через забор в Бауманском. Я был весел, молод, передо мной маячил мой «Оскар» и я на всех крыльях несся к нему. Обычно ребята уже сидели на скамейках, прикрывали голову газетами и модными журналами (которые таскала с собой Светка в сумочке), щурились на солнце. Режиссер обычно жрала пироженные как не в себя, и я её за это любил. Хотя разносило её не сильно, могло бы и побольше. Просто нервничала. Жрала и нервничала. Нервничала и жрала. Всё, как мы любим. Так вот, я достаточно элегантно уступал место старушкам в метро. У меня почти не было отдышки когда я ускорялся, прыгая по эскалатору. Почти не задыхался, пока бежал от метро к Бауманскому парку, ибо было под горку. Но когда я уже приближался к моей цели, к сцене, я начинал дышать через раз и обливаться потом. Ребята это видели, кто то ржал, кто то шутил, кто то тактично молчал. И только одна, Великолепная Рыжая, говорила: «На водички» и протягивала свою бу-

тылку воды, и, о чудо, вода была, как ни странно, холодной! «Придурок, ты влюбился!», – скажет внимательный читатель и я не стану возражать. Я втрескался так внезапно, что лучики моего сердца не успели даже понять, что они угодили в капкан. Бабочки в животе, вы говорите? Я порхал весь. Я был одной стокилограммовой огромной бабочкой. Я носился по сцене так, что думал, что старая деревянная сцена Бауманского парка, выдавшая духовые коллективы разной степени унылости, однажды скажет: «Я устала, я ухожу», и просто рухнет подо мной. И тогда эта Рыжая больше никогда не посмотрит в мою сторону. А она и не смотрела! И не смотрела! Что ты, пытливый читатель, жрущий печеньки сейчас на диване, ты, который влюблялся 300 лет назад, хлебнул боли и сейчас под страхом смерти боишься, до ужаса боишься почувствовать нечто подобное и заочно, заранее осуждаешь меня? Я же говорю: стоял жаркий летний день, я бежал из офисного ада, потный, усталый, меня немного коснулось пекло метро(хотя вру, много), потом жара усилилась, а я все бежал, и нигде не было даже тенька. А. она. дала. мне. холодной. воды. Точка, читатель. ТОЧКА.

Первопричина того, что мы репетировали в Бауманском – это то, что у нас не было денег за аренду помещения летом, а наше зимнее место репетиций перекупил у ДК какой то магазин. Мы были нищобродами, да, читатель, но талантливыми нищобродами. Мы назывались непрофессиональным театром и выступали, где придётся. Конечно, все мы мечтали о

признании на каком-нибудь крутом фестивале. Это была последняя мечта замученных клерков, коими мы все тогда являлись. Мы были достаточно молоды, что то около 22-26 лет, но уже и достаточно стары, для того, чтобы поступить в театральный ВУЗ. Так мы застряли между юностью и старостью и зависли в этом непонятном состоянии на несколько лет. Тем летом мы познали всю прелесть репетиций в жару на природе. Ты мог начать говорить свой достаточно пафосный монолог и в этот момент в рот могла на полной скорости влететь мушка или тебя мог укусить комар. Или например, оса могла начать летать прямо перед твоим носом. Собака могла начать лаять или писать на столб у сцены, но это еще ничего, гораздо хуже, когда бультерьеры без намордников заходили на сцену, пока их хозяева трепались по телефону в клубах сигаретного дыма. Но мы терпели. Мы вообще были мужественные ребята: унылые клерки с призрачной надеждой о самореализации. Вы смеётесь, но знайте, что везде хуже. Везде хуже, потому что зомби уже захватили нашу планету, и эти зомби и есть вы. Я вижу вас каждое утро в метро: что вам помогает держаться за поручень и не упасть: чашка растворимого кофе, заглоченная в спешке, безо всякого вкуса и удовольствия? Утренний скандал с женой? Привычная перебранка с мужем? Вопли раздраженных детей, которых вы чудом успеваете собрать в школу или садик? Лента Facebook, которую вы скроллите всю дорогу до офиса, безо всякого выражения на лице? Вами забиты все офисы, в вас нет ни энер-

гии, ни сил, ни радости. Вы работаете всю жизнь в этих серых унылых помещениях, боитесь поговорить с начальством из-за низкой зарплаты, сплетничаете с коллегами, проклинаете правительство, подсиживаете своих бывших друзей, переходите дорогу своим партнерам, просыпаетесь ночью от кошмара, что вас уволили, скандалите на офисной кухне, выясняя, кто взял вашу чашку – и так всю жизнь. Всю жизнь. Я всегда был склонен прощать своих коллег, которые визжали женскими голосами на совещаниях и во вне, я всегда говорил себе: «Послушай, это всё, что у них есть, всё. Этот офис, эти серые стены, казенный скрипучий продавленный стул, зависающий компьютер, уставшая постаревшая Светка из буфета, которой он 10 лет назад строил глазки, а теперь ясно и ему и ей, что молодость и жизнь прошла, и такие же невзрачные тени от людей в качестве друзей по работе. Всё. Его пожалеть надо, плакать вместе с ним над его прос***ной жизнью, а не ругаться с ним». И я жалел. И я отступал. Потому что у меня был Театр. И Бауманский парк, травы, к вечеру начинающие пахнуть, как на лугу. И Рыжая. Ох, Рыжая могла свести любого. Была в этой женщине термоядерная смесь пластики, желания, красоты, чувственности. Она танцевала, как кошка. Как кошка на раскаленной крыше. Потому что, не смотря на всю ее красоту, молодость, шик, лоск, дорогую для такого возраста косметику, высокие каблуки и короткую юбку, проглядывала в ней её старинная душевная травма, виден был тот остров, на котором она си-

дела одна посреди бушующего океана, причем уже давно, и остров этот был окутан синим сумраком грусти и тоски, и ни один корабль с надписью «Мужчина» на парусах, не мог причалить к этому острову: вся лагуна была закрыта, шлюпки подняты, пространство у острова было заполнено зубастыми пираньями её коротких колючих взглядов, бросаемых на любого мужчину, который к ней приближался. Несмотря на огромное количество поклонников, Рыжая была одинока.

Мы репетировали в тот вечер до усрачки. Могу я так сказать? До усрачки, да. Режиссер прочитала какую то новую книгу по дрессировке актеров и безжалостно на нас апробировала ее методы. У нас была композиция с Рыжей во время спектакля: она сидела на сцене, опираясь на руки Кольки, я вытягивал руку вперед, она прогибалась и на одно мгновение я обычно видел её сверкнувшие трусики. Сегодня они были белые в черный горошек. А теперь попробуйте «не думать о белой обезьяне». Конечно, конечно, я смотрел вдаль со сцены, подавал свои реплики, делал то, что нужно, учитывал замечания режиссера, но перед моими глазами сквозь пелену тумана это мгновение проигрывалось миллион раз. Вот я подаю руку Рыжей, она смотрит на меня, вкладывает свою прохладную ручку в мою, начинает прогибаться спиной и вставать и... Вот я снова подаю руку Рыжей... Вот я подаю... Была ли это одержимость? Знала ли Рыжая, как на меня действуют ее белые трусы в черный горошек? «Он про-

сто животное!», – воскликнет добрая половина читателей и уйдет на кухню делать себе бутерброд с колбасой. «Лучше с сыром!», – крикну вдогонку я, – «с сыром вкуснее!». Был ли я одержим Рыжей? Я был одержим тем летом. Я был одержим театром, запахом трав, жужжанием шмеля, этой московской жарой, которая делает последнее горячее дыхание на полумертвый асфальт, я был одержим красными закатами, я был одержим запахом сладкого кваса около бочек, я был одержим своей молодостью. Я хотел большего от жизни, большего, чем жизнь могла мне дать. У меня было ощущение, что я колочусь в двери огромного замка, все окна закрыты, подвесной мост через ров поднят, но мне удалось пробраться и сейчас я вишу на этих старых подвесных воротах и свободной рукой со сбитыми в кровь костяшками стучусь и стучусь, стучусь и стучусь, и вряд ли кто то в этом замке мне откроет, но я завис и не могу спрыгнуть вниз, и все, что я могу делать – это стучаться.

В тот вечер звонок режиссера застал меня за выкладыванием бич – пакетов в огромный старый рюкзак. Я достал несколько влажных салфеток и заботливо уложил их вместе со стратегическим запасом туалетной бумаги и влажных салфеток «для попок младенцев». Я знал, что в лесу неделю не смогу принять душ, я не любил дискомфорт. Режиссер дала инструкции, что брать, а что нет, видно, что она была крайне воодушевлена и в то же время напугана: мы впервые вывозили наш театр на такую огромную творческую площадку,

как этот известный фестиваль «Мурреномирнкнофф». Я услышал ее дрожащий голос и понял, что это исторический момент, быстро дособирал рюкзак и лег спать рано. Вставать мне нужно было в 5 утра, я натянул одеяло, как в детстве, по грудь и еще долго смотрел в темноту. Как назло, Бессонница выбирает меня среди других несчастных засыпающих именно перед важными мероприятиями. Я прямо вижу ее, она проходит между кроватей бедолаг, пытающихся заснуть, тыкает в меня крючковатым пальцем и скрипит сквозь синие старушечьи губы: «О, милёнок, в эту ночь ты. Я сверху».

Весь день мы тряслись в огромном автобусе, изредка останавливаясь на заправочных. Все, что я понял – это то, что женщины бесконечно хотят писать. И еще, они ходят туда группами чтобы обсуждать нас, мужиков. Потому и выходят такими довольными. Я перманентно дремал, передо мной периодически хохотала Рыжая, и это мне мешало уснуть, не давало покоя. Она смеялась на чужие мужские шутки, я же не мог быть так остроумен. Нет – нет, не в моем положении. Издревна всем известно, что невлюбленный мужчина – обаятелен, изящен, остроумен, наповал сражает своей легкостью, галантностью, может пропустить парочку сальных шуточек, и это лишь приблизит его к цели, лишь позволит ощутить его сокрушительное превосходство. Влюбленный же мужчина чуть лучше овцы, как сказал кто-то из классиков. Он тугодум, неловок, неизящен, на шутки может отреагировать спустя сутки, похож на краснеющую свеклу в

борще. Толку от него ноль при светском разговоре: говорит невпопад, щеки его полыхают, потеет, удачно шутит раз в 100 лет, все остальные шутки либо унылы, либо на грани фола. Влюбленный мужчина ничем не лучше свежесваренного желе или холодца: нет никакого стремления, никакой направленности, никакой цели победить: он может только трястись. Но если женщина умна и сообразительна. Если она поймала этот взгляд загнанной лани за блеском кольчуги, лат и сверкающих копий. Если она поняла, что внутри рыцаря прячется маленькая милая овечка, если перед ней уже пал его Вавилон, если все защитники окровавленного, израненного предыдущими сражениями и поражениями его сердца, сложили свои орудия и встали перед ней на колени, о.. тогда эта Великая и Прекрасная Женщина может достать это трепещущее, израненное, проклинаящее само себя сердце и поцеловать его....И тогда из испуганной овечки оно превратится в дикого льва, огнедышащего дракона, непревзойденную силу и мощь, тогда с таким сердцем можно победить все земные невзгоды и тяготы, тогда ...тогда... тогда...

«Я надеюсь, ты помнишь, что мы репетируем в 10 утра, сразу же наутро как мы приезжаем?», – передо мной со всей дури в кресло плюхнулась наш админ Лариса, автобус вздрогнул и я даже помотал головой от испуга, любовный дурман от её строгого голоса сразу рассеялся. «Не проспять, явиться на репетицию вовремя, уже в costume», – металлическим голосом добавила она и я покивал головой. Види-

мо, мой взгляд был расфокусирован, что Ларису совсем не устроило. Лариса посмотрела на меня внимательно и еще строже спросила: «Ты вообще слышишь меня?» «Да – да, конечно», – пробормотал я так неуверенно, что даже сам себе не поверил, – «утром проснемся и сразу же на репетицию». Ден перевел огонь на себя: «Ну почему сразу же? Я хочу завтрак». Лариса съязвила: «Ну ты не в пятизвездочный отель едешь!» Ден: «Ну хотя бы кофе!» Завязалась перепалка, Ден выторговывал себе кофе и завтрак, Лариса вопила, вопрошая, на чем он собрался варить себе кофе, Ден уверенно заявлял что успеет развести костер, на что Лариса кричала, что мы все едем не на курорт, а ради зрителей и великой цели. Моя маленькая невзаимная овечка свернулась в моем сердце, я смотрел на гриву Рыжей и понимал, что мне ничего не светит. Ну что ж, мужчина 21го века должен уметь брать себя в руки. Нельзя просто так взять и умереть от любви. Надо жить, чего бы тебе это не стоило. Я был горд собой: слова в моем мозгу были настолько уверенно произнесены, что было ощущение, что их сказал кто-то другой. Я чувствовал себя молодцом, не смотря на духоту автобуса, что на этой подъемной ноте неожиданно заснул. Меня просто вырубил. Бессонница с крючковатыми пальцами не смогла найти меня в этом переполненном автобусе, должно быть, накинулась на кого-нибудь, покрепче меня, кто мог бы мечтать о своей Дульсинее всю ночь. Я же просто хотел поменять эту реальность на какую-нибудь другую: не видеть, не слышать, не

чувствовать. Внезапно проснулся от толчка. Автобус резко затормозил, послышались сдавленные крики. Зажегся свет, все начали протирать глаза, сонно бормотать проклятия на голову горе – водителя, собравшего все ямы по дороге, и вытаскивать рюкзаки с верхних полок. Первым делом я взглянул на Рыжую: она выглядела так, как будто весь этот долгий день в душном автобусе готовилась к Каннам и сейчас перед ней раскатают красную дорожку и её встретят сотни объективов фотографов, охочих до её белых рук, нежных плечей, изгибов ее тонкого тела. Я помотал головой, чтобы видение рассеялось (но ни фига, товарищи читатели, ни фига), полез за рюкзаком и тяжелым и безвольным мешком картошки буквально вывалился из автобуса в ночь. В тот же момент темнота ударила меня. Как профессиональный кик – боксер, она ждала, пока моя нога коснется земли, чтобы ударить наповал. Как будто из душной консервной банки я попал в темный, нежный, страстный океан запахов и звуков. Я почти сразу утонул в нем. Я был утопленником. Наивным, глупым, городским утопленником, сбежавшим от московского раскаленного асфальта и жары. Прохлада залезла мне в нос, рот и уши, настоявшиеся запахи травы закружили мне голову, над землей мягко полз молочный туман, в довершении всего абсолютно круглая оранжевая огромная луна смотрела на меня, как на идиота, пока наконец не спросила голосом Рыжей: «Ну, ты долго тут собрался стоять? Пошли!» Это был действительно ее голос, она уже отошла от меня за несколь-

ко метров, а я хватал ртом воздух и даже еле сделал несколько странных порывистых шагов в ее сторону, как ее закрыли спины ребят. Душа моя ликовала то ли оттого, что Рыжая вообще мне что-то сказала за сегодня, то ли то, что она меня с кем то перепутала, то ли я нечаянно встал на ее пути, я не знаю. Я не знаю. Я шагал по тропинке, трава была по пояс, трава обнимала меня, туман шептал мне, что я самый лучший, самый великий, луна подмигивала, я был абсолютно пьян нашей внезапной Свободой, я был абсолютно упоён моим случайным счастьем. Мое сердце лелеяло слова Рыжей, оно благоговейно уложило их в мою сокровищницу всех сказанных ею прежде слов, всех её случайно брошенных на меня взглядов. Высокая трава по краям тропинки доставала мне почти до груди, я раскинул руки, и она щекотала мне ладони. Я вглядывался в туман, гладил траву и любовался луной, и поэтому почти уткнулся носом в спины внезапно затормозивших ребят. Все молчали, и я даже в первое мгновение не понял, что случилось. Я пробрался вперед и выглянул из-за них. Поверьте мне, там было отчего замолчать. Повсюду, куда хватало глаз, расстилалась огромная долина. Сверху было видно, как рваный молочный туман, обладающий разумом, неторопливой, лениво ползущей пенкой от капучино окутывал всю равнину, покусывая верхушки палаток и ветви деревьев, обнимая и пьяно волочась за всеми без разбору. То тут, то там виднелись огни костров, вокруг которых танцевали девушки в индийских костюмах. У грубо сколочен-

ных баров и лавок виднелись красные японские фонарики, новогодняя иллюминация и огромные факелы чадно горели на специальных возвышениях. Около этих лавок танцевали и пели люди. Курились индийские благовония в таких количествах, что этот запах не рассеивался, а дым смешивался с туманом. Барабанщики с огромными дредами, похожие на дикобразов, лупили что есть мочи по тамтамам. Какофония звуков смешивалась в единый ритм. Над всем этим плыл сладковатый запах из индийских специй, кальянного дыма, костров и сумасшедшего сочетания ароматов луговых нехоженных трав. В довершение картины вверху висела огромная, занявшая почти все небо оранжевая, полная луна и казалось, что это портал в совершенно иную реальность. Первой внезапно пришла в себя наша «self-made woman» Лариса: «Что встали?! Нам еще палатки ставить!». Все резко выдохнули и под охающие и ахающие восторженные возгласы начали спускаться вниз. Я шёл и думал, что никогда не видел ничего подобного и что я никогда не забуду этот момент. И я действительно не забыл.

Я проснулся от резких голосов, солнце светило прямо в глаза, меня кто-то пинал сзади прямо в спину. Я с трудом разлепил свои веки и увидел полуголых, раскрашенных молодых людей, одетых в индийские шаровары, они ругали нас на чём свет стоит: оказалось, что усталые мы, в темноте и тумане совершенно не разобравшись, воткнули нашу палатку прямо посреди основной тропы. Ну как бы это, представь-

те, что под хорошим градусом вы ползете из бара поздно ночью с друзьями, прощаетесь, находите свой дом, подъезд, поднимаетесь на свой этаж, вваливаетесь в квартиру, уверенно нащупываете кровать, залезаете в неё, а наутро осознаете, что вы спите на своем старом продавленном диване посреди Тверской, и вокруг вас недовольно гудят машины, норовя вас переехать и из окон матюгаются водители. Мой шок был примерно таким. Во рту словно накакали кошки и я пошел искать хоть какой-то воды, пока Лариса и остальные громко пререкались с организаторами из-за места для палатки. Я увидел Сашку. Это был наш человек: я знал, что он приехал заранее, чтобы сделать нам кострище и забить место под палатки, но среди ночи в тумане мы с ним не нашлись. Сашка выглядел великолепно. Он был в черных старых джинсах с убойным кожаным ремнём и я тут же, в ту самую секунду как увидел его, отчетливо захотел такие же. Грудь его была так же стянута крутыми кожаными ремнями, в портупее торчал нож, он был весь перемазан сажей от костра, все это великолепие венчала черная бандана с черепом. Каждый парень в радиусе 50 метров хотел быть похожим на него. Я глянул на свои белые пухлые руки и мне стало стыдно. Сашка забронзовел от загара: он был на этом фестивале уже несколько дней и к нашему приезду он успел загореть и превратиться в аборигена. «Чо, воду ищешь?», – он приветливо улыбнулся мне, продолжая грызть зажатую между зубами спичку, – «ща дам». Я кивнул. «Чо, хорошо от-

метили вчера приезд?»,- снисходительно, как у ребенка из детского садика, спросил он, наливая мне воду из странной мятой бутылки в не менее странную алюминиевую, битую в боях, кружку. «Да не», – промычал я, с благодарностью отхлебывая эту холодную, спасительную воду с запахом хвои и трупами мелких букашек и комаров,-«так натряслись в автобусе, что сразу вырубилесь». «Ага,- заржал Сашка,- «прямо на главной дороге, я видел. Молодцы, чо. Как только вас утром лошадь – водовозка не снесла». «А могла?»,- испугался я. «Еще как»,- подбоченясь, гордо ответил Сашка. «Ну всё, некогда мне с тобой, я костровой сегодня – за костром слежу», – гордо пояснил он и плюхнул в костер несколько еловых веток, от чего дым повалил на всю нашу честную компанию, из за чего актрисы мгновенно завизжали и резво отпрыгнули в сторону. Я лениво потянулся и побрел прочь, посмотреть, куда же блин, куда, так неожиданно забросила меня судьба.

Всюду играли на тамтамах, дымились утренние костры, кто то жарил сосиски и хлеб, кто то пел песни, кто-то под эти песни чистил зубы. Небо было синее-синего, солнце светило во всю мощь, мы были молоды и прекрасны, и вся жизнь была перед нами, как на ладони. Я зашел не то в какую-то лавку, или бар. Наливали всякого, но я не хотел. Ограничился кофе с кокосовым молоком и каким -то странным безалкогольным коктейлем «Экзотик». Я сел на скамеечку за баром и подставил свое помятое лицо с черными московскими под-

глазниками от вечного недосыпа утренним лучам солнца. Со мной рядом плюхнулась нифма не слабецкого размера. Она была в венке и красной сгоревшей коже: видно, что белоснежка приехала дня три назад и в палатку заходила только поспать. «Скоро облезет», – только успел лениво подумать я, как она уже протянула мне свою пухлую ручку: «Леся» – неожиданно теплым бархатным голосом сказала девчонка и я даже поперхнулся своим пафосным коктейлем «Экзотик». Странно. Мы сказали пару слов о погоде, и вдруг нас понесло: начали говорить о Канте, потом почему то о Брейгеле, потом об Октябрьской революции, вскоре поспешно перешли к феминизму, потом от него к Горбачеву, развалу СССР, райской жизни и глобальному потеплению. Я выпил почти все кофе и любовался веснушками на лице Леси, плавно перетекающими на грудь. Я пугался, когда над её венком начинали кружить то ли осы, то ли пчелы, но она почти не обращала на них внимания, изредка подтягивая сползающее с груди парео и продолжая спорить о том, что Ленина давно нужно убрать с Красной площади, и тогда мы все офигеть как здорово заживём, ведь труп в центре страны – не по фэншую. Я погрузился в какое то сонное томное сомнабулическое состояние: мне было все равно, что она скажет, меня ласкал сам звук ее голоса, она гладила меня по голове своим голосом, как огромной теплой ладонью. Я смотрел на её веснушки на груди и думал ни о чем, и обо всем сразу, пока наконец она не посмотрела, зажмурившись на солнце и

не определила: «Полдень». Я посмотрел на солнце и понял, что я охренеть как заболтался и, о ужас! пропустил репетицию. Внезапно, без объявления войны, она скинула с себя парео и закричала «Погнали купаться!». Весело помчалась вниз, сверкая белой пухлой попой, туда, где уже плескались местные нимфы, с утра успевшие выпить сидра, так же обнаженные. Я вздрогнул, потому что переход от Ленина к 5-му размеру Лесиной груди был максимально внезапен. Я не смог ответить ей, ни-че-го, ничегошеньки, я только открыл рот и смог выдавить: «Я ...я на репетицию опаздываю», – покраснел и, медленно пятясь, начал искать выход из этого странного бара, где на задворках шумела лесная река, в которой после пары бокалов горячительного купались голые и невинные «дети цветов». Леся продолжала резвиться как молодой теленок, ей было не до меня. Мои щёки полыхали так, как будто я, пятиклассник, зашел к однокласснице в ванную помыть руки и увидел ее маму, обнаженную в душе. Как будто я не видел голых баб! Я шёл по дороге и раздраженно распекал себя. Ну, подумаешь, скинула парео, подумаешь, я залюбовался её полными ляжками, розовой попой и огромной, просто огромной грудью. Ну так что же? Надо было держать себя в руках и сказать как можно равнодушнее: «А, ты купаться? Ну ок, увидимся». Так по пути я прокручивал ответы, как спалившийся за порно пятиклассник. Нет, я urban man, не герой, и даже не местный сельский тракторист, который прожевав травинку, цикнул бы и

заорал: «Да, Леська, погнали купаться! Роднаяяя!» Неееттт, я смог только промямлить нечто нечленораздельное. По дороге я встретил несколько обнаженных и полуобнаженных красавиц, раскрашенных боди арт, в индийских шароварах, странных купальниках и без них. На них никто не набрасывался, они подставляли свои руки и плечи солнцу и пели песни. Дети цветов. Я чувствовал себя полнейшим идиотом. Не раздетый, а одетый человек на этом фестивале чувствовал себя смущенным. С такими мыслями я быстрым шагом преодолел путь в наш импровизированный лагерь. Лариса, на мое счастье, была одета, и я вытер пот со лба. Она сидела уже тоже в индийских шароварах, на лбу были заплетены косички. «Репетиция переносится, оомммм, оммм», – пропела она и я выдохнул: я совсем не хотел получить втык от режиссёра. Прибежали орги, они выглядели средне между индейцами и ковбоями. Один из них, худощавый, с косичками, пристально посмотрел на нашего кострового, видимо, почувствовал в нем родную кровь и спросил, как мы устроились. Сашка начал бахвалиться, что у нас тут как пятизвездочная гостиница, но один из ковбоев грубо прервал его, увидев баклажки с коричневой водой. Тревожно спросил, пили ли мы эту воду, и сказал что ею вполне можно отравиться и чтобы мы не брали воду из ручья, а брали у главной сцены в бочке на колесах. Мы дружно покивали, Сашка приделал к баклажкам большую табличку «Для мытья посуды», и на этом они успокоились. После их ухода Сашка мрачно вылил в землю боль-

шую кастрюлю с готовящимся супом. «Сегодня запеченная в золе картошка на ужин!», – громко объявил он и все грустно вздохнули. «Лучше голодный, чем мертвый», – глубокомысленно изрёк Ден, выливая так же чайник с коричневой водой. Кто-то начал напевать тут же сочиненную песню: «Голодный чел лучше чем трупак... Аее... Голодный чел намного лучше чем трупак...» Тамтамы подхватили ритм, на звуки сбежались полубнаженные девчонки в шароварах, спустя полчаса у нас была «гоанская» туса.

Над палатками юных безумцев сгустилась ночная тьма, мы торчали в примерке хрен знает сколько времени. Наш спектакль был в почти час ночи. Девчонки, как водится, малевали себя по десятому разу, накладывая слой за слоем, думая, что кто-то там в десятом ряду сможет рассмотреть их хайлайтер. Я смотрел вдаль, на зрителей. То есть я так думал, что смотрел на зрителей, их было человек двести, они все сидели на пенках или просто на траве: после такого раскаленного солнцем дня даже трава не успела остыть. Но понять, где точно сидят зрители, я не мог. Они все были окутаны сине сиренево черной тьмой, этими густыми пахучими сумерками в лугах, которые можно пить вместо коктейля и пьянеть, пьянеть, пьянеть. Сквозь эту тьму были видны огоньки мобильных и огни от факелов, фонарей, новогодних световых гирлянд, украшающих палатки. Было понятно, что людей там просто какое то огромное количество, неве-

роятное количество, которое дышало этими сиреневыми сумерками и ночными запахами травы. В воздухе было разлитое ожидание. Я никогда не смогу забыть это ночное чернильное ожидание в несколько тысяч зрителей. Меня внезапно кто-то тронул за плечо и все мои мурашки посыпались с меня в мои ботинки, разом, опрометчиво, сокрушимо. Это была Рыжая. Она стояла ко мне спиной и держала молнию на своем блестящем платье. Она произнесла так томно, как будто я уже был в её власти и она владела мной безраздельно: «Застегни мне, я не достаю». Пот прошиб меня с ног до головы. Я трясся так, как будто президент только что мне передал олимпийский огонь, а мне с ним бежать и бежать еще по стадиону и наконец, гордым и измученным, натянув тетиву лука, выстрелить горячей стрелой, зажечь главный факел, пасть перед ним от бессилия и в последний момент, теряя сознание, услышать шквал аплодисментов огромного стадиона. Все точки моего тела горели уже как сопла реактивного самолета, я выпучил глаза, и взялся потной ладошкой за металлический замок от ее молнии. Разумеется, мои пальцы соскользнули с замка, разумеется. И я. И я. И я. И я коснулся ее кожи на спине. Ток прошел сквозь мои пальцы к самому сердцу. Это были какие то грёбаные доли секунды. Всего ничего. Но сердце выпрыгнуло у меня из груди и совершенно отказывалось возвращаться назад. Я выглядел хуже чем Том из мультиков «Том и Джерри», хуже, ребята, поверьте мне. В этот момент Лысый заорал в мое ухо: «А пухляк то наш

поплыл!» Мне помогло местное зло. Именно, с маленькой буквы. Лысый все время издевался надо мной, и на этот раз он увидел, что со мной происходит что-то странное, поэтому, уж конечно, не смог упустить этот удачный момент, чтобы потроллить меня. Я собрался в доли секунды и застегнул платье. Рыжая ошупала молнию, послала мне улыбку через плечо: «Спасибо». Я же так устал, как будто построил только что сам, своими руками Байкало-Амурскую магистраль. Я пошел и приткнулся на какой то опилочный мешок в углу гримерки, лег прямо на него и закрыл глаза.

Я успел выдохнуть, сидя на мешке, но пара опилок всё же неумолимо впились в мое бедро (назовем это бедром). Режиссер подпихивала всех к сцене и махала звукорежиссеру, чтобы он ставил фонограмму. Я вышел на эту огромную сцену и увидел всех этих людей. Они сидели и ждали нас. Они сидели и ждали чуда. Тысячи глаз смотрели на меня. Я почувствовал напряженное ожидание, как будто вот-вот приоткроется Великая Тайна Бытия и сделать это, открыть её, должны именно мы. Надо сказать, что у нас была обычная авангардистская постановка, не претендующая на истину в последней инстанции. Но вот это ожидание зрителей в густой чернильной кисельной темноте делало все особенным. Я стоял в капюшоне, сказал несколько фраз, в этот момент загремела наша пафосная музыка, Рыжая подошла к Лысому, сделала несколько па, потом к Сашке, он лихо ее раскрутил, и наконец, попала ко мне. Я сделал все заученные дви-

жения, обычно я её раскручивал и она вылетала в центр сцены, танцуя свой главный танец, но тут что-то пошло не так, она споткнулась, упала в мою грудь, я успел её подхватить и ощутил запах её волос. Если меня спросят, как выглядит рай, я скажу, что это запах её волос, тонущий в кисельно черничном ожидании. Да простят меня все Гегели и Канты вместе взятые. Не спрашивайте меня, как я собрался. Должно быть, духи сцены помогли мне, и я ее докрутил и отправил в центр сцены. Я так тяжело дышал, что фонили микрофоны и режиссер из-за кулис показывала жестами, что вот-вот убьет меня. Мне было все равно. Я был на вершине мира. Зрители утопили нас в своих овациях, как ни странно, им понравилось. Я выходил из глубины сцены в чернильно-кисельную аплодирующую тьму, и вдруг Рыжая схватила меня за руку, чтобы выйти на поклон. Я уже ничему не удивился. Женщины коварны: они прекрасно знают, что мужчина по уши в них влюбился еще до того, как этот бедолага осознает это сам. Им нравится эта бесконечная игра в кошки-мышки, они получают от нее истинное удовольствие. Каждый мужчина платит за такие игры каплями крови из своего сердца, женщины, будьте осторожнее! Я вышел и поклонился, дальше всё было как в тумане. Спустя несколько часов я и оказался в тумане. Мы стояли у барной стойки одного из наспех сколоченных баров, почти у самой кромки леса. Здесь было совсем мало вытоптанной травы. Оказалось, что наш сумасшедший и праведный режиссер выдала всем сразу недель-

ные талоны на глинтвейн. Да, эти талоны предназначались для всех выступающих и их выдавали из расчёта один талон на одну творческую личность на один день. Поскольку наш режиссер не бухала, она не увидела «ничего такого», чтобы выдать всем талоны сразу. Такого буйства я давно не видел. Наши актеры пели и плясали, обнимались, целовались, девчонки задирали юбки и танцевали канкан, потом падали в траву, парни пытались приставать к режиссёру, которая была в ужасе от содеянного. Я-то отлично понимал, что за один раз выдать актерам алкогольные талоны, предназначавшиеся на пару недель, это все равно, что поджечь фитиль у бомбы. Поэтому я ничему не удивлялся. Вообще, лучший способ сохранить нервы в нашем беспокойном мире – это ничему не удивляться. Я пил свой черный чай в высоком стакане и смотрел как мои коллеги держатся за барную стойку, чтобы не упасть. К стойке пришел пьяный Колька и буднично сказал, что сейчас только что в высокой траве он переспал неизвестно с кем. Всё, что он помнит – это то, что она была достаточно сексуальна, ни разу не произнесла ни слова и сразу же после бурной страсти в высокой траве они молча разошлись по разным сторонам. Кто-то поздравил, кто-то заулюлюкал и даже заплодировал, кто-то погрустнел, я же держал себя в руках и изо всех сил не осуждал. Он просто хотел быть счастливым. Я просто хотел быть счастливым. Мы все тут просто хотели быть счастливыми. Быть счастливым было от чего. Сашка внезапно заорал, что он хочет каши,

а потом наступила какая то странная тишина. Любая мать знает, что если её вопящие дети внезапно притихли, значит, происходит что-то из ряда вон выходящее и нужно изо всех сил мчаться на место преступления. Я быстро повернулся, и увидел, что все наши ребята стояли напротив кухни, и глупо улыбались. Огромный чан с кашей размешивала девушка в индийских штанах и её фигура была восхитительна, потрясающая, безупречна. И всё бы ничего, но вот только сверху она была полностью обнажена и её молодые упругие груди ритмично покачивались по кругу, пока она размешивала кашу. Парни стояли как замороженные, открыв рты. Они напоминали двухнедельных котят, следящих за шариком на веревочке. Точнее, за двумя шариками. Вечно можно смотреть, как течет вода, как горит огонь, и как раскачивается женская грудь. Причём, по правилам кухни девчонка была в косынке. «Лучше б ты косынку на сиськи накинула, дура», – неожиданно по-стариковски брюзжаще подумал я и зачем то шагнул в некошенную траву и пошёл... и пошёл... Траву приятно щекотала щиколотки, я был в шортах, но комаров почти не было. Я старался не думать о том, что могу наступить на лягушку или разбудить какого-нибудь ужа. Я хотел стать полностью невесомым, без хлопот и забот. Я любил эту траву по пояс, она любила меня, я чувствовал что совершенно не зря родился на этой планете, я был ей нужен. В тумане я наткнулся на какую то совершенно пьяную и разнузданную дискотеку. Звучал громкий бит, люди в худи («люди в ху-

ди», ха-ха, мой дорогой читатель) двигались ритмично под клубную музыку, высоко вскидывая ноги и размахивая руками. Веселья было ни на грош, но на лицо высокая роботизированность движений, и я понял, что практически все там были под чем – то. Я сначала встал как вкопанный, потому что увидел длинные белые уши, приделанные к капюшонам танцующим. Сначала это показалось забавным, но из-за странных дергающе – электронных движений стало понятно, что это больше походит на сборище секты Куклус-клана, а не на веселую тусу. Я немного постоял и снова ушел в траву. Уже почти уходя, увидел позади диджейского пульта странную пару, вернее их было трое. Она лежала посередине в костюме Белоснежки, а двое лежащих по сторонам парней в колпаках гладили ее по ногам. На ногах её были подвязки от чулок, платье Белоснежки задралось. Бррррр-рр. Я унес ноги, или ноги унесли меня, и я остался снова один посреди бескрайнего поля с его запахами, с его тишиной. Скоро стало совсем тихо, только усердно работали сверчки. Внезапно стал доноситься новый танцевальный бит, и из тумана вдруг «вынырнула» машина с открытым багажником, около которой танцевала какая-то совсем безбашенная пара. Видимо, не смогли доехать до главной площадки с дискотекой и решили танцевать там же, где и заблудились. Верное, чисто российское решение. Мимо шли две абсолютно, вдрызг пьяные девчонки, они не падали просто потому, что шли под углом в 70 градусов к друг другу и сила взаимной опоры дер-

жала их от неминуемого падения. Я постоял немного, подождал, пока туман проглотит и их. Он сделал это легко, без чавканья. Впервые за долгое время я остался один. Память услужливо притащила отрывок из «Ежика в тумане», я досадливо поморщился и сказал своим мыслям: «Нннеет, не то». Во мне не было страха. Я чувствовал себя бесконечно одиноким, но и при этом вместе с кем-то, кто смотрел на меня сверху, с самого неба от моего рождения и продолжал наблюдать в этот момент. Я сел в траву и от росы по моим голым ногам побежали мурашки.

Я точно знал, что эти мурашки были не от росы.

Я был один. Страх и боли больше не было. Я вглядывался в туман. И туман вглядывался в меня.

Лес понимающе молчал.

Мог ли я когда-нибудь об этом мечтать, затравленный собаками унылый городской зверь?

Нет, конечно же. Это само догнало меня. Только я, ночь, лес и туман.

Просидев так неизвестно сколько, я двинулся в лагерь. Постояв несколько минут в попытках определить, где же я, побрел в неизвестном направлении. Несколько раз наткнулся на допивающие компании, они сидели прямо на тропе, подсвеченные слабым в тумане мерцающим светом затухающих костровищ, несколько раз слышал стоны парочек, занимающихся несложным делом в высокой траве. Я не помню, как я нашел наших и палатку. Всю дорогу мне казалось, что

наконец мое израненное сердце кто-то обнял и согрел кашемиром, утопил в молочном шоколаде, положил на шелк, нежнее нежного.

Утром лагерь был похож на сборище трупов поверженных воинов. Над лагерем стоял устойчивый запах перегара. Из каждой палатки слышались стоны «раненых» – халявный глинтвейн дал о себе знать, кроме того, как я понял, ребята нашли ночью что-то гораздо более «горячительное» и употребили на свой страх и риск. Первым вылез Сашка из палатки: «Блин ребят, умираю. Дайте пить». Вода оказалась только в только что снятом с костра котелке, суровая реальность могла предложить нам только кипяток, что вызвало чертыхания и проклятия у всех намеренно злоупотребивших накануне. Девчонки разлили кипяток по кружкам и оставили остывать. Лысый выполз из палатки и, вскидывая руки, вопил: «Не, я чую, смерти моей хотите! Где вода, блин?». Колька сделал пару приседаний, похваляясь своим более-менее «свежим видом» перед пребывающими в «ауте» парнями: «Блин, как я вырубился, ёпрст, всю ночь эта баба с кашей снилась». Сашка ухмыльнулся, дуя на чай: «Да, сиськи у нее были что надо». Парни мечтательно вздохнули. Девчонки немедленно проклинали «бабу с кашей» и с этого самого момента это словосочетание стало в нашем лагере отборным ругательством. Со стонами и проклятьями актеры выползли из своих палаток, и тут, как на грех, в двух метрах от нас

музыканты начали играть какой-то бодрый марш. У них была репетиция. Перепачканная пастой режиссер громко объявила, что она впервые в своей жизни чистит зубы под духовой оркестр, и она и не знала до этого, насколько это занятие одновременно торжественно и нелепо.

Утро принесло новости: нас обязали выступить на «Огненной сцене». Режиссер и Лариса, полные энтузиазма, собрали нас, как поверженных, обмороженных инвалидов – французов в конце первой мировой войны, выстроили ряды вокруг костра и радостно сказали, что нам еще вечером воевать. То есть, выступать. То есть, отыграть еще один спектакль. «Я просто умру там», – просипел Колька и облокотился на сосну, – «Я умру и моя смерть будет на вашей совести». «А я уже сейчас готов», – поддакнул Сашка. «Ну –ну, разговорчики в строю!», – грозно оборвала стоны мужиков наша стальная wonder woman режиссер и мы расползлись кто куда приходить в себя. Ноги понесли меня сами собой к ручью, где я намеревался помыть руки и лицо, и если повезет, искупаться. Я пришел рано или поздно, я не понял сам. В середине ручья плавали обнаженные и полуобнаженные молодые и глупые девчонки. «И все бы ничего, этот фестиваль и создан для хиппи, «детей солнца», и то, что здесь купаются и ходят обнаженными – это в порядке вещей», - говорил я себе достаточно убедительно. Но, как на грех, вдоль всего берега выстроились молодые солдаты, которые то ли шли мимо, то ли сами собрались купаться и застыли, но общее

напряжение в воздухе можно было резать ножом. К своему ужасу, в центре я увидел мою недавнюю знакомую, Лесю. К легкому моему облегчению, я увидел на ней какое то подобие купальника. Но что такое два треугольничка для груди пятого размера? Ни-че-го, одна фикция, одно название купальника, успокоение для ханжей. Леся радостно прыгала в воде, её грудь высоко подлетала, все солдаты заворуженно, как маленькие котята, смотрели на это движение вверх-вниз, вверх-вниз... Неожиданно для самого себя я бросился вниз к ней, неуклюже побрел по воде, кое как пробираясь среди кувшинок, накинул ей свою джинсовку на плечи. «Нууууу!»,- надув губы недовольно протянула Леся, солдатский дружный и протяжный вздох разочарования раздался с берега. Свирепо вращая глазами, я прошипел: «Хочешь, чтобы тебя изнасиловала рота солдат?!» Леся на секунду задумалась, сквозь слепящее солнце пытаюсь разглядеть берег. Я неожиданно поймал себя на мысли, что готов целовать её слипшиеся от воды ресницы. «Ой. Как их много. Откуда?»,- в ужасе пробормотала Леся, вложила свою холодную мокрую руку в мою и позволила себя отвести на островок, где было пусто. В этот момент раздались лающие крики офицера, что он орал, разобрать было невозможно, однако солдаты нехотя покинули берег, и где-то за деревьями было видно, что они выстроились и промаршировали в сторону леса. «Охренеть. Там была целая рота»,- сказала Леся, постукивая зубами, вода в лесной реке, не смотря на палящее солнце, оставалась

холодной. «Как давно они здесь торчали?», – она посмотрела жалобно на меня сквозь мокрые ресницы, – «А девчонки то голые!». Городские пьяные голые нимфы продолжали плескаться в центре реки, как будто и не было этих солдат, и я вдруг почувствовал, что ничего омерзительнее этого не видел, не смотря на всю их красоту и стройные молодые тела. «Пойдем пожрём?», – вдруг предложила Моя Личная Нимфа. Я кивнул и подержал над ней парео, закрывая её со всех сторон, пока она снимала свои мокрые треугольнички и попутно размышляя: «А чего я там, собственно, не видел?», и мы побрели к ближайшей закуской, в поисках фалафеля.

Леся сидела на скамейке, болтая толстенькими белыми ножками, купальник уже высох, парео плотно охватывало её высокую грудь, и фалафель застревал у меня в горле, когда я смотрел на нее. Леся болтала так же беззаботно, как болтают трехлетние девочки, навсегда похищая сердца смотрящих на них. Такая легкость и детское очарование, сохранённые далеко после детства, стоят очень дорого. Она вела себя так, как будто она только что сбежала из Рая, и все планета принадлежит ей, и она прекрасно знает, что ее любят и за этот побег на неё еще не успели разозлиться. Я не понял, как захлопнулся капкан. Я ничего не понял, ребят, я был как дурак, я думал, что всё под моим контролем. Ха-ха, если бы. Я любил тощих роковых женщин, на всех остальных я не обращал внимания. Я был уверен, что Рыжая – это тот тип женщин, от которых у меня перехватывает дыхание. О, эти

прекрасные утонченные роковые женщины из черно-белого кино, я был уверен, что я навсегда в их нуарной власти. Я не заметил ловушки, не заметил ловушки, посыпанной мягкой весенней травой с колокольчиками. Я ждал роковой страсти, что какая-нибудь жгучая брюнетка или знойная рыжая кинет на меня свой многозначительный взгляд, и я пропаду и пойду с ней грабить банк и мчаться на ворованной тачке от копов по узким улицам. Я не смотрел на пухлых надежных домашних девочек. Они мне были не нужны. Ничего сексуального и притягательного я в них не видел. Опасности в них я тоже не замечал. «Ничего не предвещало», как сказали бы опытные ловеласы, я же был страшно неопытен. Ничего, кроме отвратительной работы и отдушин в виде репетиций по вечерам, в моей жизни не было. «Ты меня соблазнить хочешь?», – вдруг с какого-то перепугу вырвалось у меня. Леся от неожиданности положила уже надкусанную клубнику обратно в стакан с коктейлем. «Чего?», – спросила она. «Ну, когда ты разделась и бросилась купаться голая», – понятно и ежу, что я не владел своим языком в этот момент. «Дык все же голые купаются», – как то по-девичьи жалобно сказала она. Я посмотрел на её мокрые слипшиеся ресницы и неожиданно выдал: «Я больше не разрешаю». Сказал, и внезапно сжал её руку. Я ничего не понимал, она – тем более. Но мы так просидели несколько минут, тревожно вглядываясь в глаза друг другу. Я стремительно проваливался в её зрачки, теряя сознание и не имея никакой силы воли, чтобы наконец

перестать в них смотреть.

К вечеру нас согнали к Огненной сцене. Ее называли так потому, что она была полностью красная, с красным занавесом и кулисами, а по всей протяженности её края горели факелы. Мы мёрзли в гримерке, девчонки разрисовывали свои лица, бессмысленно нанося десятый слой косметики, парни откровенно скучали: все ждали когда нас объявят. Предыдущим номером почему-то была какая-то постановка по Звездным войнам и к нам в гримерку ввалились солдаты во главе с Дартом Вейдером. Это было эпично, потому что мы были одеты в красные обтягивающие костюмы и выглядели как образы, спешившие с полотен Матисса. Солдаты Дарта Вейдера вели себя так, как будто они реально пришли разрушить и поработить землю, и мы были просто первые, кто им попались на глаза. Их костюмы были великолепны – робототехнические фрагменты из смеси пластика очень хорошего качества и металла почти полностью покрывали их тела. Первым не выдержал Лысый, он увидел как Дарт Вейдер щупает своей металлической перчаткой попу Наташки, а та хохочет. Лысый наморщил лоб, плавно переходящий в голову и пробасил: «Харэ, ребят, закругляйтесь». Наташка поняла все сразу, женщины просекают ревность в доли секунды, и польщенно зарделась. После непонятных пререканий и гримерных разборок у нас получилось их выгнать, и в этот момент объявили наш спектакль. Сцена горела мистическим светом, живые факелы обрамляли ее. Раздались

слова из нашего спектакля в записи, вступила музыка, и мы начали двигаться в слаженном ритме, у нас был какой-то псевдоинтеллектуальный танец, очень модная постановка с вкраплениями артхауса. Если коротко – мы просто выходили и тащились сами от себя, а зритель от нас. То есть, мы бы так хотели, на самом деле же я очень стеснялся этого своего ужасного трико. У других ткань обтягивала бицепсы и кубики пресса, ну, или на худой конец, болезненную эстетичную худобу, у меня она обтягивала мои жиры, и я каждый раз с замиранием сердца смотрел в зеркало в гримерке, потому что это было невыносимо, невыносимо, невыносимо. Кто-то спросит, почему же я все это не послал к едрене фене: это трико, этот спектакль, этого режиссера, этот театр? Просто на сцене я становился другим. Я был мощным, я был красивым, я был прекрасным, я был всемогущим. Я был секс-символом для девушек от первого ряда до последнего, я был Бредом Питтом в его лучшие годы, я был просто Звездой, и моё серебристое внеземное сияние разносилось за тысячи миль отсюда.

После спектакля я спал как младенец. Мне снились какие-то сны, где я стоял на сцене с офигенной накачанной фигурой, вокруг меня вертелись танцовщицы в золотистых блестяшках, весь первый ряд состоял из женщин, сходящих с ума по мне и готовых броситься мне на шею. Я был великолепен. Внезапно я увидел, как ревнивые мужья со второго ряда начали кидать в меня помидоры. «Mamma mia», –

вскричал я и подкрутил ус (во сне я был почему то итальянцем с усами). В этот момент помидор попал мне в голову, я что-то закричал и проснулся от того, что кто-то через палатку стучит мне по кумполу и шипит: «Просыпайся, просыпайся, ну же!». Я высунулся из палатки, как из трюма авианосца: решительно и смело. Снаружи на меня смотрел Васька, друг Сашки. Несуразнее существа вы вряд ли встретите, и даже если бы он напялил на себя пафосный костюм от Гальяно, первое, что бы вы о нем подумали было бы: «Фрик». У него была совершенно круглая голова, посаженная на тонкую шею, слегка вылупленные серые глазки выражали вечный испуг или удивление, он горбился, а при ходьбе размахивал левой рукой совершенно не в такт, а еще у него сгибались колени при любом движении вперед так, как будто он только что высадился с марсохода, или боится наступить в какое то дерьмо; прибавьте к этому нелепейшую челочку, и вы поймете мою досаду, когда я понял, что меня разбудили посреди моего сладкого сна ради, к бабке не ходи, какой-нибудь фигни. Вася с жаром начал рассказывать, что случилось непоправимое: Сашка напился и ушел в лес, и Вася чувствует тревогу, ведь уже 4 часа ночи. «Еще четыре часа! Еще!», — заорал я и с сожалением подумал о прерванном сне с толпами поклонниц. Васины глаза наполнились чем то, подозрительно похожим на слезы: «Ты же знаешь, у него сердце». А я знал, я знал. У него был диагноз, что-то вроде «вегетососудистой дистонии», при котором нельзя пить. И Сашка ка-

кое то время держался, но тут природа, песни у костра, наши выступления, полуобнаженные девчонки, лесная романтика и наш Дон Кихот сдался, сдался и напился. И исчез в неизвестном направлении. А нам блин теперь его искать. «Ну пожааалууйста», – одними губами прошептал Васька. Я тяжело вздохнул, протёр глаза и вывалился из уютного теплого гнезда палатки в утренний холод и морось. У костра всё еще сидели какие то люди, возможно даже не наши, они допивали бесконечное дешевое вино из коробок и мурлыкали бардовские песни. Я так понял, что они и не ложились, и не собирались спать. Отчаянная молодость, когда несколько дней и ночей слипаются в один, и человек существует на кайфовой грани реальности и сна. Осторожно! Не повторять в домашних условиях!

Мы вышли в туман, мокрая трава была нам по пояс. Перед нами простиралось огромное поле, утопающее в высокой траве, по которой медленно стелился туман цвета теплого молока, чуть пожевывая кончики зеленых стеблей. Изредка, то тут, то там, виднелись верхушки палаток, наших временных пристанищ, а, впрочем, на этой планете все пристанища – временные. Стояла пронзительная тишина, какая может быть только когда несколько сотен здоровых молодых тел, набегавшись, напрыгавшись, напившись и накурившись всякой дряни, случайно переспав с абсолютно «не тем человеком», но еще не зная об этом, сказочно спят в палатках, и верят, что наутро их «Праздник непослушания» продлит-

ся вечно и им за это ничего не будет... Почти одновременно мы вздрогнули от душераздирающего крика «Вааааале-раааааааа?!» Мы оглянулись. Из соседних палаток послышался приглушенный мат. «Валееераааааа!», – надрывно, отчаянно раздалось еще раз. И мы увидели его. Героя всех последующих мемов, песен и народного творчества. Героя, который еще не знал, что он герой. Посреди чудесного тихого туманного поля шел абсолютно, вдрызг пьяный парень в рваной тельняшке и вытянутых на коленках спортивках. Его соломенные волосы торчали дыбом вверх так, как будто он олицетворял женскую поговорку «Я упала с самосвала, тормозила головой». Жестикулируя недопитой бутылкой водки, он останавливался у каждого входа в палатку и что есть мочи орал вовнутрь: «Валеераааааааа!». Его встречали мат и проклятия разбуженных людей, но это его ни фига не останавливало. Удивительно, что он еще ни разу не получил в глаз. Он шел, не теряя надежды найти своего дружбана Валеру, как неумолимая газонокосилка, заглядывая во все палатки по пути. Спустя годы у любого слышащего его тогда, этот крик стоит в ушах: душераздирающий крик отчаяния и слепой надежды. Мы немного похотали над ним, и понадеялись, что он найдет своего Валеру раньше, чем наткнется на наш лагерь, иначе от него останутся рожки да ножки, разбуди он нашего режиссера. Мы почти дошли до леса, время близилось к пяти утра. Я еще раз тоскливо оглядел бескрайнюю поляну с торчащими верхушками палаток, выглядывающи-

ми из тумана. «Ну и где же мы его найдем?», – уныло спросил я. Васька растерянно пожал плечами и сделал пару шагов по направлению к озеру. «Да вот же он!» радостно закричал он, показывая куда то в траву и я увидел Сашку. Он лежал в высокой траве, весь мокрый, раскинув руки. Он не спал, но видно было, что ему очень и очень плохо. Лицо было очень бледным, волосы растрепались, черная рубашка была растегнута и порвана на груди. Васька наклонился к нему: «Ух е-мое! Как ты, блин? Как тебя угораздило?» Сашка промычал что-то нечленораздельное. «Почему ты весь мокрый?», – спросил я, пытаюсь схватить его за плечи. Сашка заикался от холода: «Кк-к-купался. Голова б-болела, д- думал, пройдет». Мы взяли его под белые ручки и повели меж палаток. Изредка останавливались, потому что Сашка жаловался, что у него болит сердце. Мы шли очень медленно. Крик «Валераааа» становился все реже и реже, пока не затих на горизонте. «Во упорный», – восхищенно сказал Васька. «А объем легких какой!», – поддержал я. Мы выглядели как двое друзей, которые тащат пьяного друга с вечеринки. Но мы оба знали, что Сашка болел, болел сердцем, и когда он с бледным лицом хватал воздух в наши короткие остановки, он не придурился. Мы шли целую вечность обратно, и, наконец, пришли в наш лагерь. Ни позы ребят, сидящих у костра, ни выражение их лиц не изменились. Молодость меланхолично пропивала себя. У костровища стояли огромные баклажки с пивом, коробки с дешевым «студенческим» вином и кагор а-

ля «Здравствуй, унитаз». Все это желудки ребят выдерживали исключительно потому, что были молоды («а головы-без-мозглы», — хочется добавить мне, но я удержусь). Увидя нас, ребята издали несколько приветственных возгласов. Кто-то засмеялся, решив, что Сашка перебрал, а мы его где-то подобрали около бара и притащили. Раздались смешки, кто-то едко шутил про алкоголизм. Мы не стали вдаваться в подробности, просто запихали Сашку в его палатку, и, перебросившись парой слов, я уже было полез к себе обратно, довольный, что, наконец, досмотрю сон про девчонок в обтягивающих золотых эстрадных трико... В этот момент раздался душераздирающий вопль и Васька снова забарабанил по моей палатке. Я быстро вылез и увидел Сашку, тело которого словно сковывали конвульсии. Он вылезал из палатки, как «Чужой» из «Хищника-3». Ребята у костровища дружно ржали. Кто то крикнул: «Переигрываешь!», кто то мрачно сказал: «Это ж надо так нажраться». Кто-то мрачно констатировал: «Белочка». И тут я разозлился и сказал все, что думаю об этих молодых недоносках. Что легко ржать над «белочкой», в то время, как у человека сердечный приступ у них на глазах. Да, конечно, Сашке не стоило пить, зная его болезнь, но «кто без греха, тот пусть бросит камень». Ребята как то быстро замолчали, а мы с Васькой опять подхватили Сашку и собрались тащить его в медпункт. Очень скоро стало ясно, что идти он не сможет. Даже полностью облокотившись на наши плечи, он не мог сделать и пары шагов, ноги

его были как мягкие веревки, не стояли совершенно. Кто-то из перепуганного молодняка вызвался добежать до медпункта. Ребята подавленно молчали, поняв, что это всё не шутка. Я убирал мокрые от пота волосы с Сашкиного лба и следил за тем, чтобы он не заснул, потому что если бы он потерял сознание, наши дела пошли бы хуже. Наконец пришли два больших медбрата с носилками, мы погрузили туда Сашку и пошли за ними. Васька бежал за носилками, как собачонка, путаясь у огромных медбратьев под ногами, поднимал длинные Сашкины руки, которые свисали плетьюми, обратно на носилки, и все бормотал: «Осторожнее! Ему же больно! Осторожнее!». Его затащили в огромный белый шалаш с красным крестом, а мы с Васькой сели курить под дерево. Я вообще-то не курю. Редко-редко, в баре, когда выпью. Но тут Васька достал из кармана дурацкой клетчатой рубашки заныканную сигарету, я молча взял и закурил. Над лесом вставал сонный розовый рассвет, медленно, как будто он вообще заблудился и должен был быть в каком-нибудь идеальном Майами, а не над палаткой со страдающим Сашкой и нелепыми нами. Мы сидели на пне и молча курили. Васька тихо сказал: «Он мог бы помереть», я ответил: «Ага». Больше мы не произнесли ни слова. Потом вышел врач, снял перчатки и сказал: «Меньше пить кофе вашему другу надо». Васька обрадовался и затараторил: «С ним всё в порядке? Все хорошо? Правда!? Ой! Ура! А так-то да, он у нас большой кофеман». «И вообще пить ему нельзя», – добавил врач и

многозначительно посмотрел на нас. Мы смутились. Можно было бы подумать, что мы его верные друзья- алкоголики, и вечно соображаем на троих. Васька спросил, можно ли зайти к Сашке, но врач мягко отправил нас восвояси, сказав что Сашка под уколами и не надо его беспокоить сейчас. Мы с Васькой медленно шли по дороге, обрывая листья. Уже рас-свело и всюю заливались птицы. Моя голова была чугунной от усталости и я подумал, что мне уже ни за что не вспомнить свой сон. Когда мы подошли к нашему костровищу, Васька пожал мне руку и сказал: «Спасибо». Я кивнул головой, полез в палатку, но, прежде чем застегнул молнию на ней, услышал, что Васька хлюпает носом меж сосен, и я бы не осудил его, если бы оказалось, что он плачет. Я бы и сам, честно говоря, не отказался бы, если бы мог. Все мои слёзы остались в подростковом возрасте, с тех пор я – пустая ко-черыжка. Я уткнулся головой в мою толстовку, которая слу-жила мне подушкой, и провалился в черный сон, где постоянно по кругу вертелся один и тот же сюжет: во всю длину нашего поля стоят солдаты, они берут ружья на изготовку, а я бегаю перед ними и кричу одну и ту же фразу: «Он не бухает, он болеет! Он не бухает, он болеет! У него сердце!» А они смотрят на меня презрительно и осуждающе, и ничего не говорят. Когда они взводят курки, я оглядываюсь и вижу на другой стороне поля Сашку, на груди у него нарисована огромная черно-белая круглая мишень. И черный страх хватает меня за сердце, я понимаю, что не успел.

Внезапно я проснулся от душераздирающего вопля «Валераааа!», и резко сел, ткнувшись головой в тканевый «потолок» палатки. Сквозь сон долетали обрывки мыслей, что сейчас-то точно, этот парень, орущий «Валера», расскажет всем этим солдатам, как мы тащили Сашку, и они поверят. Я понял что «Валера» орут снаружи, совсем рядом, пока молния на моей палатке не открылось с треском и совсем близко к моему носу я увидел радостное веснушчатое лицо Лунтика: «Вылезай! Глянь, чо творится!». Я вылез, судорожно растирая глаза и пытаюсь проснуться. Хотел выпить чая, но мне не дали, я смог глотнуть только глотка три воды. Меня подхватили и мы вынеслись всей нашей труппой на огромную поляну – центра всего нашего палаточного городка. Уже подходя, я начал щипать себя за руку, мне казалось, что это все происходило не с нами. Гимнасты размахивали флагами, на лентах было написано: «Местонахождение Валеры, 100 баксов», шли девчонки – невесты, с плакатами «Выйду замуж за Валеру», «Валера, где ты?», какие то огромные мужики расписали полностью свои тела надписями: «Я не Валера», тут же проходил «Конкурс Валер», нужно было 30 раз присесть и сразу после этого, запыхавшись, кричать «Валера», кто протяжнее и громче крикнет, засекали с секундомером. Рядом стоял шатёр: в нем делали хной татуировки «Валера, любовь моя», «Жду Валеру» и «Валера навсегда». Это было похоже на безумный цирк, клоунаду, светопреставле-

ние. Я гадал, как, ну каааак один подвыпивший парень в дра-
ной тельняшке, который всю ночь по палаткам искал свое-
го друга, смог так объединить весь огромный лагерь незна-
комых друг с другом людей? Почему и как вдруг внезапно
поперло это безумное творчество из всех щелей, как будто
все только ждали этой отмашки «Теперь можно», «ииии па-
неслась»? Почему все изначально не могли начать творить?
Почему нужен был этот полу-пьяный, полу-безумный чело-
век, который так страстно, так отчаянно, так негибаемо ис-
кал ночью своего друга Валеру? Ведь на этом огромном по-
ле было свыше тысячи палаток, как же он умудрился зай-
ти почти во все, в отчаянной попытке найти друга? Я почти
грохнулся, но чудом ухватился за столб – на меня наткну-
лась радостная зеленоволосая девчонка, чуть не угробив и
меня и себя заодно огромным плакатом «Валера, я хочу от
тебя детей». Нас ожидал флеш моб про Валеру практически
езде, на всех палатках в срочном порядке появились над-
писи: «Кофе Черный Валера», коктейль «Тройничок с Ва-
лерой», стрижка «Под Валеру», мастер-класс по тантриче-
скому сексу «с Валерой», Коктейль «Валера удивлен», пи-
рожное «Сладкий Валера». Глаза разбегались, наши продав-
цы очень быстро подсуетились. Никогда в жизни я больше
не видел настолько скоростного маркетингового хода. Народ
всё покупал, хватал, хватал, хватал и ржал. Везде были пла-
каты «Валера там!», «Валеры тут нет!», «Кто угодно, толь-
ко не Валера!». Девчонки придумали «Танец для Валеры»

и танцевали его везде, парни рисовали себе стрелки на животе, ведущие вниз и подписывали «Круче, чем у Валеры». В рупоры призывали всех Валер собраться для конкурса, в ходе которого обещали определить Того Самого мистического Валеру. Вокруг всего этого безумия ходили люди на ходулях и дарили всем надувные шарики с надписями «Валера любит тебя», «Найди меня, Валера», «Я твой Валера». Я чувствовал себя в эпицентре чего то совершенно невообразимого, и мои щеки уже устали смеяться, я давно так себя хорошо не чувствовал, и в этот момент у меня внезапно тоскливо засосало под ложечкой. Я вспомнил, что совсем не видел Девушку Моей Мечты со вчерашнего дня и внезапно ноги мои сами меня понесли к тому месту, где мы познакомились и она купалась голой. Честно говоря, я боялся, что я забыл, как выглядит тот самый бар. У них у всех были столики в виде перевернутых бочек, у всех висели китайские фонарики, барменши почти все были топлес, и найти тот самый оказалось крайне сложно. Наконец, отчаявшись, в ближайшем, я заказал себе странный черный чай с апельсиновыми корками и зашел на задворки какого-то бара. Я с размаху сел на раскаленную солнцем скамейку и еле слышно взвыл: она прожгла мои шорты. Услышал смешок, завертел головой в поисках звука. Сквозь стебли травы я увидел хитрый карий глаз, который разглядывал меня с нескрываемым любопытством. «Леська!!!», - заорал я, чуть не расплескав весь мой чай. Ломанулся к ней, отдирая мгновенно намокшую от пота и при-

липшую к скамейке ляжку. Леська загорала в сарафане. «Ну не странная ли женщина?», — подумал я, — «купается голой, загорает в сарафане». «А я так и думала, что встречу тебя», — сказала Леся, жуя белыми зубами совершенно астрономических размеров травинку, — «я даже купаться не пошла». «Ну и молодец», — пробормотал я, устраиваясь рядом. А потом мы просто лежали и молчали. Я не спал. Смотрел на завиток волос у розового ушка. На россыпь веснушек, которыми Бог щедро усыпал её носик и щеки. Карие глаза и рыжие веснушки. Странное, завораживающее сочетание. Смотрел на её пухлый живот. Не по моде, против правил. Смотрел, как ей неудобно лежать на животе с таким большим размером груди, и как она смешно устраивается, точно кошка, ворочается, когда она пытается лечь на живот. Она больше не делала попыток искупаться при мне голой. Мы разглядывали друг друга, разглядывали так, как будто давно влюблены друг в друга, медленно, по-хозяйски, но при этом ни одна мелочь не ускользала от нас. Я почувствовал её близость ко мне. Она пахла кокосом. Но не старым, спелым кокосом. А свежими, молодыми кокосиками. Если бы я давал название запаху свежих, зеленых кокосиков, то это было бы Её Имя. Я откинулся на спину, посмотрел в небо. Потом на нее. Между нами была высокая травинка с хохолком. И по этой травинке бесконечно долго ползла божья коровка. Бесконечно. Долго. Ползла. Божья. Коровка. За все это время мы не пошевелились и не издали ни единого звука. Наконец божья

коровка, неуклюже зацепившись за край травинки, грохнулась в траву, откуда тут же, с недовольным жужжанием взлетела. И между нами не осталось ничего, что бы защитило меня от Нее, а Её от меня. Божья коровка была последним крестражем, тем, что вставало между нами стеной. Я поскреб по стенкам души, выискивая, что там осталось: самолюбие? Мужская гордость? Я подумал, что прошло слишком мало времени. Я вызвал дух Рыжей соблазнительности, чтобы она защитила меня от этого тайфуна, урагана Нежности, который молча ждал, как ждет безумно обжигающий черный кофе под такой нежной и теплой молочной пенкой. Да что я вру? Какой кофе? Она была огромной атомной бомбой, ожидающей своего часа. В ушах моих тикал отсчет до ее взрыва. Тик-так. Тик-так. Тик.

Меня готовились разбить. Уничтожить. Снести все мои защиты. Раздеть и оставить в лесу на съедение муравьям. Всю жизнь держать меня под каблуком, канючить, что нечего надеть, потрошить мой кошелек, выдавливать мои прыщи на спине, заставить всю мою ванную своими дурацкими склянками, отбирать мое одеяло, возить меня к своей (наверняка стервозной) маме, говорить своим подружкам «А мой идиот», выпрашивать деньги на новые колготки (вы их едите?), кричать что хочет норковую шубу и на Мальдивы, а потом родить такую же, капризную...маленькую...взбалмошную...или такого же дерзкого...смешного...решительного...Вся жизнь пронеслась у меня перед глазами, я дёр-

нулся. Леся лежала абсолютно недвижимо, как Императрица на ложе и лишь хитро смотрела на меня. Парни. Мужчины. Ребята. Мужики. Не обольщайтесь. Не думайте, что если вы втрескались, то об этом никто никогда не узнает. Эти неземные создания способны унюхивать вашу любовь за доли секунды и за тысячи километров. Акула чует кровь жертвы за несколько миль, женщина определяет влюбленность мужчины по дуновению ветра. Я попал впросак. Так бы выразился Гоголь? Попал впросак. Она знала, чувствовала, видела все мои мысленные метания, написанные на моем испуганном лице. Я начал что-то бормотать про то, что мне пора на репетицию, и вдруг она цепко схватила меня за руку и нежно поцеловала в уголок губы. Ну, то есть вроде и не в губы, и не в щеку. Куда-то между. Испытанный прием восьмиклассников, случайно попавших во френдозону. Мы всегда так делали в кинотеатре, прощаясь: если что, можно было сделать удивленный вид, что-то типа «не попал». Блин, какого хрена она играет по нашим правилам?! Я же не восьмиклассник! Так какого..?! Это же наши мужские хитрости, мы их копили веками! Бережно передавали от деда к отцу, от отца к сыну! Я нервно сглотнул, Леся улыбнулась и снова легла, как ни в чем не бывало. Так удобненько устраиваются на троне царицы, отдав приказ кого –нибудь казнить. Я поднялся на негнущихся ногах, опять что-то пробормотал, что-то вроде «до встречи», сам не понял. И пошёл. И пошёл. Стремительной походкой независимого и уверенного в себе мужчины.

Но нам обоим было совершенно ясно, что я ещё вернусь.

Утром я проснулся с дикой головной болью. Судорожно вспоминал, чем закончился вечер. Вроде бы ничего крамольного: я не пил уже целую неделю. Ребята где-то каждый вечер находили пиво и очень странное вино, а я не пил. Не хотелось. С первого сонного мгновения утра вспомнил, как бьется на виске голубая венка у Леськи, почему-то мне показалось это милым и волнующим. Сразу же сильно помотал головой, чтобы отогнать наваждение. Шея немедленно хрястнула одновременно в нескольких местах, вот что значит- приступить к «спорту» прямо с утра. В уши резко ударили звуки джаза из настоящих инструментов: рядом шла репетиция. Я побрел к умывальнику, начал чистить зубы. «Никогда еще я не чистил зубы под живой джаз»,-подумал я. Режиссер заявила, что весь наш театр в срочном порядке идет на дружественный мастер класс по энергии, йоге, акцентуализации и чему то там блин еще. Ну, возможно, там было другое, еще более мудреное слово, я точно не помню. Я робко возразил, что йогом никогда не был. Мне было велено в срочном порядке натянуть штаны и идти за всеми. Я горько вздохнул, и подумал, что временами наш театр напоминает какую-то секту. Мы шли мимо просыпающихся после ночной попойки молодых людей, мимо девчонок, которые танцевали всю ночь и упали в траву тут же, «от избытка чувств», и там же и заснули. «Праздник непослушания» был в пол-

ном разгаре. Мы прошли мимо огромной вилки и ложки, воткнутых в землю и служащих воротами в следующий сектор, «Презервативочная» с утра уже пользовалась спросом, очередь стояла в палатку с говорящим названием «Опохмелишка». Мы тоже были достаточно разбиты, наше театральное войско выглядело потрёпанным после еще одной ночи в этом царстве молодости, бесшабашности, отсутствия всех правил и норм, этих цепей, сковывающих людей в железобетонном городе. Наконец мы нашли огромный шалаш и в бессилии заползли вовнутрь. В глубине шатра все йоги сидели дисциплинированно на разноцветных ковриках и медитировали. Они были свежепомыты, сосредоточены, мирны. Монотонно бормоча свои мантры, они казались нашей полной противоположностью: вся наша предыдущая разбитная ночь была написана на наших лицах. Но была в них и какая то холодность, какая то особая отстраненность. В наших же жилах бушевал огонь. Мы были потрёпаны, но на многое еще способны. Посреди этих ковриков ходил огромный бородастый дядька, который вещал об осознанности, о любви к себе, об энергии, о том, что с помощью этой энергии можно сделать. На террасе у шатра лежали двое наших знакомых. Эти двое прекрасных гедонистов лежали по-тюленьи лениво и эффектно, приковывая всеобщее внимание. Так красиво они курили свой кальян, так вкусно ели аджарские хачапури за обе щеки и угощали ими всех подряд, так здорово рассказывали, что сейчас пойдут и выпьют холодное виниш-

ко, что наши театральные, вместо этого йоговского дядьки, подтянулись именно к ним. Да простят меня враги бодипозитивщиков, но по этим двоим было видно, что худеть они не в коем разе не собираются, что едят они самое вкусное и отборное, курят лучший в мире табак и собираются сегодня выпить лучшее в мире вино. Одеты они были в дорогие комфортные одежды прекрасных размеров, и сразу видно, что на этот фестиваль люди приехали от-ды-хать. Я отчаянно завидовал. Я был со своим весом словно мальчик между этих двух великолепных касаток- сибаритов, я был никто, я не умел наслаждаться жизнью. Я умел лишь гнобить себя. 24/7. Отчаянно ругать себя за все сделанное и несделанное. Это у меня хорошо получалось.

Режиссер внезапно начала орать, чтобы мы все прошли по битому стеклу, чтобы завершить энергетический процесс, полученный от мастера по йоге. Ну, вы знаете, актеры люди вообще подневольные. А что? Ролей мало, актёров – как грязи, пруд пруди, галошей ешь. Много нас, жаждущих славы, мало среди нас настоящих, талантливых, а рвущихся к славе – мульон и маленькая тележка. Потому-то мы на все согласные, потому- то нами вертит как хочет режиссер и продюсер, потому то мы и пьем горькую, выкладываем себя «в образе» по сто раз на день в «инстаграм», чтобы наконец заметили, потому то мы и скандалим на пустом месте в кафе, потому что всю жизнь ощущаем себя пустым местом. Если, конечно, ты неходишь (а ты нет) в «золотую десятичку» актеров,

которые едут нескончаемым унылым паровозиком из одного фильма в другой, из одного сериала в другой, да так, что ты не можешь уже вспомнить, где ты видел это лицо, и кого он играл вообще? Да и сериалы и фильмы на один манер, об одном и том же, и можно не смотреть их сначала, включить на пять минут в середине, матюгнуться и переключить на футбол. Поэтому для нас вопрос не стоял так: лезть или не лезть в это битое стекло: мысленно мы уже туда залезли и я в ужасе разглядывал свои будущие кровавые пятки, а девчонки – те так вообще находились в предобморочном состоянии. Но, заметьте, ни у кого даже мысли не возникло: «Я туда ни за что не пойду, идите вы знаете куда». Нет. Первой ломанулась режиссер. Крутая баба. Кто-то начал барабанить в там-тамы, солнце вошло в позицию «жгучий полдень», мы затаили дыхание. Она достаточно бодро прошлёпала по дорожке из битых стекол, выдохнула и воодушевленно замахала нам рукой. Мы попятились назад. Лысый вдруг вспомнил что он альфа самец и тоже пошел. Незамедлительно после него ринулась Наташка, сексуально повиливая бедрами. Её под руки взяли два йога, она напевала какую то песню, пока шла по стеклам. Потом элегантно сделала реверанс. Толпа аплодировала. Актриса. Рыжая поняла, что теряет свою славу и оттеснила бедрами Кольку, который долго собирался, крестился, выдыхал и явно нервничал. Рыжая сорвала овации, потоптавшись на стеклах так, как будто легко и непринужденно танцует чечетку. Я смотрел на нее и понимал, что мои

фантазии о ней не имеют никаких точек пересечения с реальностью. Они все актрисы, понимаете? Наши отношения – это просто сцена под обжигающими огнями рампы, и если она поймет что этюд с кем-то другим привлечет больше внимания публики, она уйдет к нему. Да и было ли что-то между нами, кроме какой-то брезжащей дымки, кроме бесконечного миража? Лунтик, театрально рыдая и по-курьему взмахивая руками, совершила свой героический поступок и сорвала овации. Колька все еще собирался с духом, когда Ден раздраженно отодвинул его: «Ну чо ты, блин?» и получил свою минуту славы. Колька ринулся за ним, наступил всего одной ногой, испугался, его подхватил йог, он тут же запрыгал на второй ноге и под хохот зашухерился за спины наших ребят, отряхивая стекла с пяток. Леночка, ойкая и ахая, просеменяла легкой птичкой по стеклам, и теперь облегченно хохотала, повизгивая, радуясь, что все позади. Я остался один. Я посмотрел на публику. Мне не хотелось быть шутком, правда. Я вдруг понял, что никакой я не актёр. Мне не хотелось развлекать публику. Нестерпимо вдруг захотелось оказаться дома, лечь на диван и уткнуться в любимую книгу. И так чтобы мой ожиревший и охреневший кот плюхнулся мне в ноги, да так резко, чтобы я охнул от его тяжести. Мда, мечты, мечты..Пауза затягивалась. Публика начала улюлюкать, режиссёр неодобрительно качала головой, Рыжая облизывала свои хищные губы, Леночка округляла свои жалостливые глаза, парни делали face palm, а я все стоял. Я мог простоять

так вечность, пока в шатер не зашла Она. Леська шла явно с купания, о чем свидетельствовали ее мокрые волосы, с которых вода стекала прямо на её грудь. Купальник был вчерашний, черный, он беззастенчиво просвечивал сквозь мокрую белую ткань сарафана. «Ну ладно хоть не голая», – подумал я и неожиданно повеселел. Я видел, Она смотрела на меня. И я не мог не пойти на стекла. Я не мог отвести от Нее своего взгляда. Толпа кричала «Ну же, слабак! Тюююфяк! Да он просто боится! Какого хрена, иди уже!» А я, как в замедленной съемке смотрел на Неё. Я был уверен, что моя пухлая городская изнеженная пятка не выдержит этого стекла. В моем мозгу проносились моя будущая рана, реки крови, заражение, я думал о том, что залью своей кровью весь пол, она будет хлестать так, что попадет на стены шатра, людей, режиссера, залет половину земного шара, и все подумают: «Ну что за дебил?» Мысль о скорой мгновенно пронеслась в мозгу, я быстро осознал, что скорая далеко, за 8 часов езды отсюда, а в здешнем медпункте имелась ли хотя бы зеленка и бинт? That is the question. Но я шагнул на эти грёбанные стекла. А вы бы не шагнули перед взором вашей Прекрасной Дамы? Я вот не смог не шагнуть, я просто не смог. Она вертела мной как хотела, эта «не роковая» женщина. Я шагнул на стекла и не почувствовал ничего. Вокруг кричала и улюлюкала толпа, но все лица резко вышли из фокуса, и я видел вокруг только размытые разноцветные пятна. В ушах звенело, а потом произошло какое то шумоподавление, я не

мог различить крики. Наверное, так себя чувствует футболист на огромном поле многотысячного стадиона, когда его мяч летит в ворота и время замедляется, а люди задерживают дыхание. Я смотрел только в Её глаза, и я в них просто утонул. И мне было все равно, похлещет ли из меня сейчас кровь на эти дурацкие стекла, зальет ли моей кровью все здесь: эти стекла, этих людей, это шатер, эту поляну, этот мир. И вдруг Она охнула. Она охнула и прижала ладонь к щеке. И в эту же секунду в мир вернулись краски и звуки. «Гггоооооооллллл!», - кричали в моем мозгу невидимые зрители. «Ну всё, – подумал я, – «помираю». Вокруг бесновалась толпа, ржали мои друзья-завистники актеры, режиссер что-то вдалбливала одному из йогов, кто-то мне закричал: «Чо стоишь, толстый? Дай другим!» Я посмотрел вниз, шагнул на безопасный песок, отряхнул ноги от остатков стекол и с изумлением увидел, что на мне нет ни одной царапины. Ни одной. Лысый меня хлопнул по спине: «Чо, струхнул, да?», я не ответил, потому что уже судорожно искал глазами в толпе Её, я на какое то мгновение потерял Её из виду и уже не мог найти. Я увидел, как в проеме шатра сверкнул Её белый сарафан и ринулся за ней, раздвигая толпу. Эти только что медитировавшие, благочинные йоги тут же осыпали меня отборными проклятиями, что ввело меня в ступор и так же мгновенно развеселило, что я еле сдержал смешок. Наконец я выскочил из этого йоговского притона, и увидел кучу, ну просто толпу девушек в белых сарафанах. Такое ощущение,

что блин именно сегодня, все девчонки фестиваля решили выгулять все их белые платья и сарафаны сразу . Я понял, что мне Её не найти, даже если я буду сильно стараться. Даже если сейчас обойду все наше палаточное поселение кругом в 10 километров. Какой же я дурак, что не спросил телефон. Какой же я дурак.

Вечером все пошли на концерт к сцене, которую все музыканты называли «Лепешкой» за то, что она была плоской, круглой и на ней можно было «лепить», «джемить» всякую музыку под конец концерта под зазорные вопли разгоряченных зрителей. Наши соседи по палаткам, да, те самые, под репетиции которых мы чистили зубы, сейчас отрывались на «Лепешке», как в последний раз. Это был их час славы. Я не хотел идти, я был раздавлен, побит, раскурочен, и я не знаю, какие еще слова подобрать к моему состоянию. Вроде бы все шло отлично: я отыграл тут два спектакля, Рыжая кокетливо улыбалась мне (и 100 мужчинам в радиусе трех километров), и я даже ходил по стеклам. Но кошки, не забывая гадить утром в мой рот, успели процарапать огромные дыры в моей душе. Они умудрились выдрать огромные куски мяса из моего сердца и играли ими в футбол, как в последний раз. Я думал об этой пухлой девушке, которая, блин, надевает черный купальник под белый сарафан, и совершенно не парится о мнении окружающих. Я думал о Её веснушках. Я думал о Её необъятной груди: вот же повезет кому-то.

Она пристала ко мне как попсовая песня. Ты мечтаешь, чтобы к тебе пристала какая-нибудь «Ария альта из "Страстей по Матфею"» Баха, а вместо этого поешь отчаянную, нелепейшую попу, о которой стыдно признаться друзьям. Ну не бред ли? Ты негодуешь, возмущаешься, но сердечко твое уже надежно поймано в капкан, напротив твоего ФИО у судьбы стоит галочка, твои трепыхания в ловушке не вызывают ничего, кроме улыбки неба. Меня растолкала режиссёр, и заявила чтобы я немедленно шел на концерт и не откалывался от коллектива. Я побурчал для порядка и побрел, еле переставляя ноги, как будто под угрозой расстрела. И не пожалел, потому что на сцене уже отрывалась какая-то незнакомая мне группа, там пели и танцевали, там жгли не по детски, и я даже начал пританцовывать. Рыжая и наши девчонки фоткались в огромной золотой ванне, которая стояла на поляне. Изображали из себя невесть кого, кривлялись, делали селфи, закидывали ноги, в общем, танцующие мужики нет-нет да и заглядывались на них, а мне было по фиг. И как только я осознал, что мне по фиг, так сразу погрустнел. После концерта мы познакомились с Мартином. Мартин – это такой музыкант, контрабасист, с кудрявыми волосами, смесь Бандераса и Курта Кобейна. Охочий до женского пола, как и все музыканты. Талантливый, но ленивый. Стильный и аляповатый. Гениальный, но несобранный. Швыряющий вечером деньгами и нищий наутро. Возвышенный и непрактичный. В общем, Д Артаньян 21го века, как он есть, собствен-

ной персоной.

Вечером вернулся из медпункта Сашка, на своих двоих, бодр и весел духом. Я не мог поверить, что он больше не помирал. Он молча пожал мне руку, в этот момент на него набросился Васька со спины, принялся вопить, что мы уже думали, что он помер, они обнялись и ушли курить. Я подумал, что как же все хорошо, что хорошо кончается, на этом моя мысль оборвалась, потому что к нам прибежала Рыжая и сказала, что приехал ее хахаль и зовет всех угощаться. Я уже ничему не удивлялся. Я сидел, пил чай у еле тлеющих углей костра и думал о жизни. В моей чашке плавали травинки, хвоя, насекомые, части коряг и неизвестных науке животных. Сашка был мастак на всякие разные травяные чаи, а пуэру он поклонялся, как идолу и каждое утро приносил ему в жертву несколько минут на заваривание, которые можно было бы потратить с гораздо большим толком, предпочти он ложку спартанского растворимого кофе. Но нет! Сашка был гурман. Гурман- нищеврод. Но на первом месте, все-таки, гурман. Я не стал про себя обзывать его хипстером, неет, Сашка был из старой рокерской закалки, из своих, из рокеров. И его даже не сильно успела обтесать офисная жизнь, потому что он работал в фирме по поставке детских игрушек: развивающих штук и прочей фигни (в которой он, кстати, профессионально разбирался). Я задумался о том, что все мы, по сути, были рабами какой то ужасной системы,

в которой мы должны были сидеть с 9 до 18ти в скрюченной позе в офисах и дышать спертым воздухом с правом на несколько подходов к кулеру. У меня не было ни одного друга, ни одного приятеля, ни одного знакомого, кому бы нравилась его работа. Не было ни одного, кто бы не выл утром в понедельник. Кто бы не проклинал отвратительную работу, шефа-дебила, дедлайны, тупых коллег. Не было ни одного. Все мы были заложниками этой системы рабства с 9 до 18ти, ну у кого то с 10 до 19, у кого то «с утра и пока не умер», до победного. Плохо было то, что даже если бы ты умер на этой работе, через полчаса тебе нашли бы замену: такого же как ты, но только более свежего и готового отчаянно пахать, даже за меньшие деньги: ведь в нашей стране перманентно длится бесконечный кризис, сопровождаемый мизерными зарплатами и безработицей. Мои друзья-актеры были немногим счастливее. Да, они сияли как начищенные сапоги, когда снимались в каком-то более менее нормальном фильме, в непротивной роли (что в последнее время встречалось всё реже). Но как только наступал перерыв в поисках работы, или кончались деньги после выплаченного гонорара, или происходило так, что их переставали звать на кастинг, я видел у них в межбровье всю ту же сосредоточенную морщинку, которая значила только одно: «где взять бабки?», что и у топ – менеджеров. Сейчас любой коуч закатит глаза, возьмет свой смузи и произнесет, растягивая слова: «Оооой, ну актер – это такая заависииимая профеееессия»...Зависи-

мая, да. Малооплачиваемая, если ты не суперзвезда. Но прекрасная. Но прекрасная. Единственная, что дарит мне крылья. «И единственная, что не кормит твой желудок», – что-то шепнуло мне на ухо. И сразу за этим я явственно услышал какие-то странные геканья и шорох листвы под копытами молодого оленя. На поляну ворвался Мартин в лесной паутине, обрывках листьев, корягах и прочим хламом, который успел налипнуть на него, пока он скакал через лес. Мартин был уже хорошо поддат, глаза его блестели, кудри в лесной паутине и колючках развевались, весь его вид говорил нам о том, что он одухотворен. Схватив виолончель, он вцепился в мою руку: «Чо ты тут киснешь, бро, погнались!». Он настолько быстро выдернул меня, что я даже не успел поставить мою кружку с остатками странного чая, я крепко сжал ее ручку, расплескивая содержимое в радиусе двух метров, и мы понеслись в лес, теперь уже как два молодых оленя, сметая препятствия. Мы примчались к красной машине, багажник которой был открыт, внутри стояло пиво, виски, на углах багажника свисала копченая колбаса. На крыше мигала разноцветными огнями новогодняя гирлянда, музыка орала всюю. Вечеринка была в разгаре. В воздухе отчетливо стоял запах перегара. В центре стоял «известный» актер, в ковбойской шляпе, усах, и в возрасте, превышающем возраст Рыжей, раза в два как минимум. Это бросалось в глаза сразу. Не то, чтобы он стремился ее напоить, но примчался за ней в лес за тридевять земель, чтобы удостовериться, что меж-

ду спектаклями её не зажимает за кулисами никакой дерзкий хипстер. Так ухаживали лет тридцать назад, подумал я, во времена дефицита. Привозили дорогой заграничный виски, копченую колбасу – и дама твоя. «Не всякая дама», – вдруг четко во мне сказал мой упрямый внутренний голос, и я вспомнил Лесю и Её черный купальник под белым сарафаном. «Да что ж такое!», – я даже отодвинул руку с уже занесенным в рот бутербродом, – «надо срочно запретить всем женщинам носить черное белье под просвечивающими белыми платьями! Да сажать надо за такое, я теперь ни спать ни есть нормально не могу!», – лихорадочно неслись мысли в моей голове. Мартин вдохновенно играл на виолончели, в перерывах попивая винцо. Все вокруг танцевали с пластиковыми стаканчиками в одной руке и жирными кружками колбасы в другой. Колька откусывал прямо от палки колбасы, и я подумал: «Такой сожрет до конца». Стареющий ковбой кровожадно смотрел на Рыжую, она задумчиво крутила тоненькую лямку на сарафане. Сашка начал танцевать, нелепо выкидывая ноги. Ленчик взяла его под локоток и начала танцевать польку, непьющий Лысый смотрел на это действие и мрачно тянул через трубочку сок, режиссер хохотала. Обычная вечеринка в лесу у открытого багажника и фуршетом. С попсовой пластиковой музыкой, чтобы заглушить остатки совести. Всё, как обычно. Мартин облизывал усы и смотрел на Лунтика, Лунтик делала вид, что не замечает. Я выпил еще, набрался храбрости и спросил у Рыжей на ухо, зачем

ей этот старикан. Она отпила еще глоток виски, и сказала, глядя мне почему-то на щеку: «Он пообещал мне главную роль в полном метре, и мне уже даже прислали контракт». Я моргнул и не нашелся, что ответить. Кивнул, налил себе виски. Заявил всем, что напился и ухожу спать, взял еще кусок колбасы и пошел, шатаясь с пластиковым стаканчиком в одной руке, и с кружком колбасы – в другой. Одна лишь режиссер, озабоченная моим состоянием, крикнула что-то мне в след, остальные были в упоении от вечеринки. Хищную Рыжую я не интересовал, я не мог предложить ей главную роль в полном метре. Слава Богу, что наш роман так и закончился, не начавшись, на этой высокой ноте. Меня это ни капли не расстроило, за последние несколько дней я и думать забыл о существовании Рыжей. А она, судя по всему, время даром не теряла. Надо горячо благодарить судьбу, когда она отводит не от «тех людей». И я был благодарен. Правда. Мое сердце не разбилось. Мое сердце, падающее с высоты Нью-Йоркского небоскреба поймала чья-то мягкая белая веснушчатая рука. Моё веснушчатое Счастье сейчас наверное спало, раскинув руки в черном купальнике на спальном мешке, слегка по-детски посапывая. Нееееет, все-таки черные купальники под белыми сарафанами надо запретить, надо запретить. Я шел почти в темноте и буквально практически носом натолкнулся на целующуюся парочку. Это были Лунтик и Мартин, они поздно увидели меня и почти мгновенно отпрянули друг от друга, но я успел заметить. Лун-

тик смущенно начала что-то бормотать, что они тут ничего не делают, что они тут гуляют, Мартин сунул мне краба. Я пожал ему руку жирной от колбасы рукой и меня не мучала совесть – у Лунтика оставался возлюбленный в Москве и это было как минимум некрасиво, как максимум подло с ее стороны. Это была моя маленькая месть. Но, конечно же, я ничего не сказал про «не возжелай жену ближнего своего» и все в таком духе, каждый грешил как умел и как мог, я же предпочитал хотя бы не видеть этого. Пробормотав что-то на прощание, я пошел пошатывающейся походкой к костру, влез в палатку, предусмотрительно оставив стакан с остатками виски снаружи, «Белочке на опохмел», как я решил для себя, и провалился в сон без сновидений.

Я проснулся от диких воплей. Казалось, одновременно вопит земля подо мной, мой спальник, моя палатка, ветви деревьев над моей головой. Стенки палатки вибрировали от криков и хохота. С очумевшим фейсом я высунулся из палатки. Половина театра вопила, половина держалась за животы от хохота. В центре на огромной перевернутой кастрюле танцевал Мартин, размахивая курткой. Глаза его были совершенно безумны, но такой радости в человеке я не видел лет 100, возможно, в последний раз в пионерском лагере, после дискотеки, когда нам, вечно голодным подросткам, после наших долгих «умоляний», повара, наконец, выдавали по стакану черного сладкого чая в граненом стакане и ку-

сочки черного засохшего хлеба. Мартин танцевал по кругу на кастрюле и выкрикивал: «Я свободен!!! Я больше не раб! Я наконец то свободен!! Эта система не поймет меня! Ни брака, ни работы, ни кредитов, ни кандалов!!! Я свободный человек!! В жопу капиталистов! Урааа!! Я свободен!». Кто-то из музыкантов выскочил, схватил корягу и начал читать в эту корягу реп: «Он свободен, еее, а кто бы сомневался, ты синий пень, что со своим паспортом остался, ты, ленивая серая зелёнка, ну и работай вечно на своей удалёнке! Работа от слова раб, что-то не рифмуется, раб только тот, кто в сером офисе тусуется, а мы ребята вольные, вечно мы довольные, жизнь нам наконец то потфартила, Мартин, что это было?» Все, хором: «Мартин, что же это было?» Наконец я протер глаза и сунулся к одной из музыкантш: «А чо, собственно, происходит?». Она посмотрела на меня как на недоумка и, сжалившись как над малым несмышленным ребенком, наконец произнесла: «Мартин потерял паспорт». Мартин зывал к соснам, вскидывая руки, как в древнегреческой трагедии, выходя на сильную вокальную партию: «Я боооольшеее не в системе!!! Я круче чем Ленин!!!» Репер мгновенно подхватил за ним: «О да, о да, он круче чем яйца вкрутую, он то за забором, что на нем малюют, вы, серые людишки, отойдите от нашего героя, он на Бродвее играть достоин, а ваши офисы пусть подождут, там загнивает рабский люд!». Мартин сделал почетный круг вокруг кастрюли, раскланиваясь, девчонки одели на него венок из полевых цветов. Лун-

тик томно, слегка закусив пухлую губу, пробормотала: «Лавровый венок нашему герою». Репер дочитал за ним реп на коряге, изображая музыкальные инструменты, бас, ударные. Мартин порвал на груди рубашку, он просто в угаре. Я сам, ребята, пустился в пляс. Перед нами, понятно и ежу, человек новой формации – Великий Мартин, который смог преодолеть все эти СНИЛС, НДС, школы, университеты, работы с мрачными начальниками и презрительной бухгалтерией, подъемы в 6:30 утра в серую хмарь, потную толкучку в метро, кофе, который заканчивается на предыдущем сотруднике, орущего шефа и дедлайны – все это он смог преодолеть легким движением руки. Или ноги. В общем, я не знаю, какой частью тела он потерял паспорт, но весь следующий день мы праздновали Свободного Человека.

Я почти потерял счет времени, и, грешным делом, пригубил терпкого вонючего вина, коим меня угостил пролетающий мимо вдохновенный панк. Панк был настолько худ, что когда улыбался, казалось, что мне улыбается сам череп, настолько бледная кожа его лица была сильно натянута на кости черепа. И только ирокез на голове горел сигнальным ярко-оранжевым, и, как мне показалось, его можно использовать вместо зонтика, с которым ходят экскурсоводы, поднимая вверх, чтобы не заблудились радостные туристы. Мне не хотелось пить. Повсюду, даже в самый сильный разгар веселья, в середине бала-маскарада, в толкучке сельской дискотеки, в пафосном столичном клубе, под огнями рампы во время

поклонов на «бис», когда всю сцену закидывали цветами, а девчонки с первого ряда восторженно смотрели мне в глаза, во все эти моменты моя большая грустная сумрачная усталая голова была со мною, и я никогда не знал, куда ее деть. Куда спрятать мои мысли? «Алексей, иди покажись гостям», – после этих слов в детстве меня, в принципе, можно было расстреливать, все равно ничего ужаснее за вечер уже не могло произойти. «Огооо, как вырос, жених!», – тянули гости, в кухне стоял запах алкоголя и тонкой сизой струйкой тянулся дым от приставленной к пепельнице сигареты, а меня трепали и трепали за мой чуб, и мужья всяких тетя Лен просили у меня «дать им краба», а я стоял как на пытках, «Мальчиш-Кибальчиш», и думал только о том, что нужно пережить еще мгновение. И еще. И еще. И еще капельку. И вот, свобода забрезжит, едва только какая-нибудь тетя Лена с наигранной заботой и участием скажет моей маме: «Ой, что то он у тебя устал. Квёлый какой то», – и мама начнёт спорить, что все отлично, тем более они меня регулярно прививают. Жаркий спор пламенем перекинется на вечное рассуждение о вреде прививок, тем временем мой папа и муж тети Лены просочатся на балкон, прихватив непочатую бутылку вина, а я смогу сделать вид, что меня тут нет, раствориться, слиться со стеной и наконец улизнуть в коридор. Уффф. Рассказываю все вам, и как будто прямо сейчас, в самую сию секунду устал там стоять, и вспотел, и белый свет мне опять застилают те, которые хотят, чтобы я выглядел и вёл себя как

хороший мальчик. Сколько хороших мальчиков вырастают и топят свою «хорошесть» на дне стакана? Но я все преодолел, я справился. И вот мне уже столько лет, я все еще жив, практически не пью, я работаю в офисе, как хотела мама, и я играю в театре, как я сам давно хотел. И все у меня отлично, только большая грустная тяжелая голова всегда со мной.

Я ушел бродить в лагерь, чтобы развеяться. Свежепостроенный мост из досок и бревен затонул, и люди переходили по нему практически по колено в воде. Я скинул свои сланцы, хотя в принципе мог пойти и в них. Проходя по мосту, почувствовал, как какая-то сумасшедшая рыба забилась между моими голыми ногами, не зная, что предпринять, по-девчачьи ойкнул и поднял одну ногу вверх. Рядом идущие девчонки звонко рассмеялись, я, должно быть, выглядел нелепо. «Кузнечика вам в трусы», – неожиданно злобно подумал я, а потом представил, как они спят в палатке и по тоненькой паутинке сверху на них опускается большой паук. И, такая, знаете, тишина, как перед взрывом. Я почувствовал себя отомщенным и в приподнятом расположении духа поднялся на гору. С горы открывался великолепный вид: Содом и Гоморра позавидовали бы. Справа от меня играли тамтамы, в центре круга танцевали красивые полуобнаженные девчонки, раскрашенные в индийской тематике. Несколько красивых и одна неуклюжая, которая танцевала, как будто танцем добывала уголь в одной из соседних шахт. И всем было по-

нятно, что она никогда не сможет танцевать как эти девицы, даже если пройдет триста курсов танца живота, никогда. Никакой пластики, сплошное рубливо. Зато оторвать от неё глаз было невозможно: эта девчонка точно всю жизнь будет плыть против течения и явно достигнет того, чего другие снулые рыбы даже не поставят целью, даже не придумают себе, чтобы достичь. Остальные танцевали, показывая себя, и лишь она одна сама себе доставляла удовольствие тем, что полностью растворилась в танце и делала это лихо, с достоинством, как умела, как могла и как ей нравилось. С такой точно не заскучаешь в постели. Слева сидели рокеры, байкеры и остатки панков. Им было явно жарко в черной коже, но было очевидно, что в них сидит не меньше 3-х литров пива в каждом и они просто не могут пошевелиться. Они расстегнули свои пафосные черные куртки и жилетки и просто подставили свои пузики солнцу, продолжая сжимать в руках полторашки пива, хотя, очевидно, не могли сделать и глотка. Один из них постоянно поднимал палец вверх, видимо, готовясь сказать что то умное, но не мог выдать ничего, кроме мычания. Его друзья с осоловевшими глазами, интуитивно понимали его дословно и согласнo подмыкивали. По центру, метрах в пяти от меня сидели и медитировали прокаленные на солнце йоги, с нарисованными третьими глазами, в полной прострации под мантры, доносящиеся из портативной колонки. Рядом бродили их брошенные малолетние дети, за которыми никто не присматри-

вал, поэтому они, наученные горьким опытом, подходили и тихонечко выли: «Маааам, долго еще?» Женщины в медитации, не открывая глаз, механически делали отмахивающий жест рукой. Дети тяжело вздыхали и садились в траву напротив этих медитирующих недородителей, девчонки плели себе какие то веночки, парни меланхолично выдирали траву. Один парень не выдержал, сел в позу лотоса, сделал руки, как у всех и стал «медитировать» в такт мантрам, петь «Ыыыыыы!ЫЫЫЫЫЫЫЫ!». Попробуйте надолго усмирить четырехлетку. Ха. В этих детях под кожу вшита Свобода. Попробуйте ее отобрать. Мать, чертыхаясь, пробудилась от своего совершенного, только что с Гималайских гор, медитирования, схватила сына поперек спины и пошла к своим палаткам, попутно его ругая, а я подумал, что это должно быть, самая здоровая семья на этот момент в нашем палаточном лагере. Хотя бы немного материнского внимания измученному ребенку. Хотя бы чуть-чуть. Пара капель внимания, заботы и доброты. Человеку же много не надо.

Я немного подустал и решил уйти от ритма тамтамов, но он меня преследовал везде. Я вошёл в ворота, сделанные из огромной ложки и вилки и наткнулся на парочку: она была с зелеными волосами и в фате, он был весь затянут в рокерскую черную кожу и при этом в цилиндре. Лихой мейкап парня и линза в его глазу напомнил мне, кого же он изображал: Мерлина Менсона. Его невеста вызывающе курила в полупрозрачном коротком белом платье, на ногах ее были

огромные черные кожаные гриндерсы. «Жарко тебе, сердешная», – внезапно подумал я и решил, что вот она – старость. Я ни за что бы сейчас не одел тяжёлую кожаную обувь, закрывающую ногу почти до колена в эту почти 30-ти градусную жару только для того, чтобы публика подумала: «А он крут».

Возможно, кто-то скажет, что я обленился, возможно, кто-то скажет, что я просто стар. Я не знаю. Но я больше ничего не хотел делать, чтобы кто-то что-то обо мне подумал. Я не хотел напрягаться ради чьего-то мнения обо мне. «Вот и вскрылось, почему старики красят волосы в такие ядерные цвета. Им просто по фиг, кто и что о них подумает», – хмыкнул я. Невдалеке стоял огромный чайник, по нему ползали дети. «Какая-то грандиозная кухонная инсталляция в этом году, отрывка архитектора», – рассеянно подумал я, но ноги сами несли меня к нему в поисках пуэра. Хотелось выпить пуэра, взбодриться. Перед моими глазами пролетела череда просвященных йогов и йогинь, который закатывали глаза и воспевали пуэр, не забывая при этом клеймить кофе, особенно растворимый. А я любил кофе. Настолько любил, что моя мама проела мне на голове плешь рассказами о том, что шесть кружек кофе в день это вредно, и я умру молодым. Я делал вид, что внимал ее словам, приканчивая между делом девятую кружку кофе в режиме: «Васька слушает, да ест». Чай я почти не пил. Год назад я купил заварочный чайник в мою холостяцкую квартирку, и чтобы вы таки думали? Я даже не открыл коробку с ним. Ну, я же говорю,

не пью. Но вот уже который день стояла жара, и я понимал, кофе сейчас скорее всего добьет меня, а мне хотелось бы, знаете ли, как-то успокоить свои нервы. Я подошел к этому огромному чайнику и глупо постоял рядом с ним. Разумеется, это был не Нью-Йорк и не оригинальное решение маркетологов: чайник вовсе не был вывеской какого то грандиозного кафе. Чайник был просто чайником размером с гараж, и его поставили тут, в траву, потому что просто захотели. Я отошел от него, как побитая собака. Конечно же, я не хотел себе в этом признаваться, но была у меня такая идея, что Эту женщину в белом сарафане поверх мокрого черного купальника вполне может занести сюда. И тогда бы я снова смотрел на Её веснушки и ни о чем не думал. Но Её не было, как не было и чайной. Чайник был, чайной не было, чая тоже не было, и моей возлюбленной тем более. И моей возлюбленной тем более. Вот так вот всю жизнь. Сгорбившись и проклиная тот день, в который я родился, я побрел по траве по колено, она щекотала мне мои ноги, шелковой рукой гладила ступни. В какой-то момент мне просто захотелось броситься в неё, лицом вниз. И я сделал это. В лицо мне ударила трава. Даже не так. В лицо мне ударила травища. Запах свежей травы, зеленый сок, мягкость травинок, упругие стебли одуванчиков, какие то букашки, божьи коровки, кусачие муравьи, толстые жуки, колючки – всё сразу. Я не знаю, сколько я пролежал в этой травище. Должно быть, больше часа, потому что вокруг стремительно темне-

ло. Я пошел вдаль по слоновьей тропе, протоптанной охотниками до приключений офисными клерками, и, как выяснилось, совсем не в сторону дома, если можно так назвать мою отсыревшую палатку для нищевродов. Я осознал, что иду не туда только, когда увидел море огней и двухэтажное кафе. Двухэтажное, ребята! Я не знаю, каким образом они его наворотили, как построили, для меня загадка. По моим ощущениям, это были просто огромные фанерные кубы, поставленные друг на друга. В каждом из таких кубов стояли огромные свежеспиленные пни, самый большой по центру изображал столик, два по краям служили стульями. «Да у них попы наверное все в занозах», - подумал я, глядя на двух девчонок в очень коротких сарафанах, которые, хохоча, аж подпрыгивали на этих пнях. Ко мне подошел длинный как оглобля официант: «Чего изволите?». На нем было странное одеяние, какие-то концептуальные лохмотья. Над губой была родинка, как у Алёши в Гардемарирах, и почему-то, гетры на подтяжках поверх строгих шорт. «Усики», - подумал я, - «они забыли усики, как у Пуаро». Парень, увидев мое замешательство, ухмыльнулся и намотал на палец свой полосатый хвост. Хвост! Ребята!! У него был хвост! Как позже выяснилось, он изображал какого то героя из аниме, но ваш покорный слуга ни хрена не соображает во всех этих малолетних переодевалках, ну ей –ей, все эти тонкости натянуть на себя одежду из японских манга, раскраситься и что-то там изображать – не для меня. Я уже за свою жизнь наизображался. Я сел на один

из табуретов в виде пня и многочисленные занозы проткнули мои шорты и немедленно впились в мое бедро. Назовем это бедром. «Хм, кафе для мазохистов», – подумал я, – «ладно, будем представлять себе, что это дорогой сеанс иглоукалывания». Я сел на втором этаже, высунулся из своей VIP коробки и оглядел присутствующих: они пели, пили и хохотали и никто из них не жаловался на колючие пни. Я решил, что город слишком изнежил мой зад мягкими офисными стульями, и, ради высокой цели, можно и потерпеть. Моя Высокая Цель носила мокрый черный купальник под белый сарафан, неприлично хохотала и пахла счастьем. Если бы курил, о, как бы смачно я сейчас прищурил глаза, закурил, плеснул бы себе холодный виски со льдом в низкий стакан, надвинул бы шляпу на глаза и ждал... Все эти прелести, однако, для нуарного кино, а я получил свой обжигающе горячий пуэр при температуре «за бортом» в +30 градусов, жужжание мошек, одного комара и прочие ништяки в виде болтовни двух легкомысленных девчонок с одной стороны и сосредоточенного чавканья угрюмого бородача с другой. Солнце сползало в бокал мартини раскаленным желтком, оно было красным, краснее сковородки, которую незадачливая хозяйка забыла пустой на плите, за секунду до взрыва, и оно сползало медленно, и казалось, что именно сегодня солнце пахнет терпким запахом той травы, в которой я совсем недавно лежал мордой вниз. Казалось, что именно в сползающем солнце обрывки разговора, запах вишневого вина, которое пили

девчонки с занозами в полах этажом ниже, казалось, что в нем запах дешевых сигарет, которые смолили два хипстера за две ячейки от меня, казалось что это все в догорающем желтке солнца. Оно прощалось с нами так, как будто уже никогда не будет этого волшебного синего вечера, этого лета, этой жары, этого прохладного перерыва между раскаленным днем и фиолетовой ночью, этой фантастической паузы, в которой застывает всё живое в освежающей неге, ведь завтра придет новый день и солнце снова будет нещадно палить, и ты ему скажешь :«А как же...вчера вечером..было так хорошо», и в ответ, как отрежут, – «Ничего не было», и ты, расстроенный, будешь суетиться, работать, общаться, нервничать, психовать, отдавать команды, кричать, покоряться, подчиняться, смиряться, терять по капле себя, выдавливая из себя раба, думать, что уже больше никогда не найдешь, и вдруг опять такие же сумерки дикой синей кошкой лягут на твоих коленях и ты застынешь и спросишь: «Ты же говорила, что больше никогда не придешь?» и услышишь в ответ:«Я пошутила», и солнце опять будет красным маслянистым желтком вкусно опускаться в бокал с мартини, и ты опять, не дыша, будешь смотреть на небо и думать о том, что вся эта жизнь тебе только приснилась и нет ничего... Нет ничего, кроме этих сумерек, этого вечера, этого запаха уставшей от солнца травы. Я смотрел, пока красный диск не превратился в корку от арбуза и не исчез совсем. Тогда я потянулся за пуэром, сделал глоток и откинулся на воображае-

мую спинку от моего пня, облокотившись о бортик барной ячейки. Включили новогодние гирлянды и зажгли китайские фонари. Мимо шли хохочущие девчонки в белых мини юбках. Я горжусь нашими русскими девушками, которые даже в условиях лесных походов умудряются привозить белую одежду и делать все, чтобы она оставалась белой. В этих юбках они вполне могли отплясывать в любом модном клубе Москвы, но они шли босиком по траве в сотне километров от цивилизации и чувствовали себя королевами. Я так засмотрелся на юбки, что не заметил как на мой столик легла тень. «Скучаешь?», – от первых бархатных ноток голоса у меня мгновенно вспотели ладони. Как все-таки по-дурацки устроен мужской организм, ничего не скроешь! Я дёрнулся головой так, что хрустнули все мои позвонки и обернулся на голос, хотя я уже знал, кого я увижу. Веснушки на груди смотрели на меня, я не мог поднять глаза и посмотреть Ей в лицо прямым спокойным взглядом, остатки моего мозга отчаянно кричали мне: «Ну же, давай, иначе она решит что ты трус!». Наконец я справился с собой и посмотрел ей в левое ухо, произнес максимально непринужденно, едва не пустив петуха: «Я..вот..отдыхаю. Пуэр пью». «Не возражаешь?», – улыбнулась Она и, услышав мое одобрительное мычание, села рядом. «Там пень...там занозы...», – брякнул очередную несуразицу, пургу, бред больного, что я нес!! Она же серьезно ответила: «У меня плотная юбка, не беспокойся». Она была в джинсовой. В джинсовой и в такой, знаете, испанской

кофточке, красной, с воланами. Разумеется, с декольте. Видимо, Ей не хватало скальпов влюбившихся в Нее мужчин на Её личном заборе, как в старинной русской сказке «Василиса Прекрасная», где у дома Бабы Яги на заборе из человеческих костей висели черепа предыдущих Иванушек-дурачков. И после этого они хотят, чтобы наши дети не заикались. Достаточно посмотреть эти советские иллюстрации к сказке, чтобы перестать спокойно спать до конца жизни. По ходу дела, этот забор светил и моей черепушке, я сделал нервный глоток пуэра и обжог себе язык. «Ну какой же я дурак! Сборщик №3, сволочь, что ты наделал?! Какую деталь во мне при сборке упустили, чтобы я мог свободно, вальяжно общаться с женщинами, отпуская пошлые шуточки?», – сердце лихорадочно билось в пятках, мозг нес околесицу. Нет, ну теоретически я, конечно, всё это мог. С женщинами, которые мне не нравились. Но если даже хотя бы чуть – чуть скакала какая то искра, мой внутренний лев превращался в двухнедельного котенка. И горе мне, если женщина это понимала (а они всегда это понимают, мужики, всегда, не обольщаемся)

Я лгу вам всем, ребята. Я солгал. Я лгал. Я солгал. Я допил пуэр, я заказал виски, пил один, мрачней, слушая щебетание девиц с их железобетонными попами. Она не пришла. Не было Леськи. Я был дебил, я был идиот, что не спросил у нее номер телефона. Я сидел один на колючем пне и внутренне выл от отчаяния: где я, такой дебил, найду ее на всем этом огромном пространстве леса, травы, палаток, грязных

немытых уже неделю тел, которые сплелись, к моей глубочайшей зависти, этой ночью в любовном экстазе? Где, где я ее найду?? Я, дебил. Где?

Я шел, пьяный, покачиваясь, и все мои внутренние демоны шли со мной. И самый главный демон одиночества зажег факел и освещал мне путь. Или мне так казалось. Я так давно не напивался, ребята, что почти забыл, как это отвратительно. Синька – чмо, все панки это знают. Хорошо, что мой внутренний навигатор еще работал, и я знал куда идти, и примерно представлял, где стояла моя палатка. На лес опустился мрак, мои чертоги разума радостно подхрюкнули от алкоголя и засбоили. Я сел на пень и разрыдался. Я плакал так же отчаянно, на разрыв всех аорт, как когда-то в детстве, когда потерялся в «Детском мире» и решил, что мама специально меня завела туда, чтобы бросить. Она сказала, что купит мне тот самый набор с конструктором для роботов, о котором я так долго и безуспешно мечтал: мы были бедны, как церковные мыши. И вот, наконец, она сказала, что получила аванс и купит. Я засмотрелся на разноцветные коробки роботов и она исчезла. Я побежал по всем отделам, ждал её у касс, но её нигде не было. Наконец, я сел на нижнюю полку, где сидели огромные куклы и начал рыдать. Почему-то рыдать в девчачьем отделе было не стыдно. Огромные куклы равнодушно смотрели мне в лицо, а я давился рыданиями. Это длилось какой-то бесконечный период времени, за который я успел решить, что зря родился на этой планете, и,

по ходу дела, меня никто тут не ждал и я никому оказался не нужен, даже маме. Я рыдал долго, я попал в какое-то межвременье. Пока наконец какая то старушка не прижала меня к шерстяной жилетке, пахнувшей хлебом и лекарствами: «Что же делают, эти ироды? Малыш совсем изошёлся». Она прижала меня к себе, я уткнулся к ней ее жилетку и дальше я уже плохо помню. Помню, что по всему магазину по громкой связи объявили, что я потерялся и мама потом долго на меня ругалась. Мне купили конструктор, но радости он мне не принес. За тот поход в магазин я постарел лет на 90.

Я лежал на моем пне, сотрясаясь рыданиями: жалкий, скрюченный, одинокий посреди огромного темного леса. Мои демоны одиночества стояли вокруг и молча смотрели на меня.

Утреннее солнце светило что есть мочи на мою палатку, нагрело и чуть не сожгло её. Я проснулся от страшной духоты и почти сразу понял, что в рот мне нагадили кошки, а веки мои залепили воском. Я предательски опух, и результаты моего вчерашнего вечера были ясно видны на моем лице. Паук Вася спускался на паутине почти с самого купола палатки, девчонки на моем месте бы уже страшно визжали и бегали бы вокруг костра с перекошенными лицами. Оса Лиза вертелась вокруг моего сладкого сырка, забытого в кармане брюк. «Должно быть, там уже жирное пятно от него», — равнодушно подумал я и не пошевелился. Я сделал над со-

бой усилие и по-собачьи вылез из палатки. «Ох, зачем же меня мама родила», – думал я, пока перебирался через бортик от палатки. «О, а вот и наш непьющий!», – громко сказала режиссер и я мысленно проклял тот день, когда мы познакомились. Кто-то заржал, кто-то начал предполагать, где я мог вчера надраться, кто-то шутить, что возможно меня покусали осы, я же мрачно молчал, пока не добрался до бутылки теплой минералки. Звучит ужасно, но проворное солнце проснулось много раньше меня и успело нагреть эту грёбанную минералку. Наконец, вынул из кармана растаявшую белую массу сырка и бросил её в остывшее костровище, вокруг этой белой жижи тут же собрался консилиум из муравьев. Я удовлетворенно кивнул, когда мои опасения подтвердились: около моего левого кармана джинс расплылось жирное пятно диаметром 10 сантиметров. Мне было по фиг. Во рту было так противно, что я пошел к нашему странному умывальнику, сооруженному из огромной пластиковой бутылки, и стал яростно надраивать себе зубы в тот момент, когда соседний оркестр начал играть какую-то мрачную и печальную музыку. «Что случилось?», – со ртом, полным пены от зубной пасты, пробубнил я. «Мы прощаемся с последним свободным человеком», – ответила мне девочка-скрипачка. Я посмотрел непонимающе на Сашку, Сашка мотнул головой на Мартина: «Паспорт нашел». Мартин был просто нечеловечески разбит, я впервые увидел пару морщин на его лбу. Вся его офисная жизнь снова замаячила у него перед глазами.

Он был как крестьянин, которому несколько дней назад дали вольную, и тут вдруг её внезапно отменили и всучили в руки плуг. «Вот тебе, бабушка и Юрьев день», – ну и все такое, как обычно. Мартин ходил вокруг костра и воздевал руки к небу, напевая и стараясь попасть в такт под унылую музыку местного оркестра: «Яааа больше не свободен... Яааа раб системы... Большой брат наблюдает за нами... онииии выследили меня..» В этот момент выскочил парень, который в прошлый раз читал реп, схватил какую-то палку и начал вычитывать в нее как в микрофон: «Бдыщ Бдыщ, ты-ты-тыщ! Ты нашел паспорт, ну что за беда! Теперь не отпустят тебя никогда. Вцепились, суки, тебе в руки и плечи. Теперь они точно тебя «залечат». Скажут, «вот тебе клетка, сиди в офисе и не рыпайся». Скажут, «будь как все, будь как все». Главное же не качество, а количество людей в своей рабской массЕеее!И ееее! И ееее!» Вокруг начали пританцовывать наши актеры и музыканты из соседнего с нами лагеря. Я от неожиданности выплюнул наконец свою пасту и запачкал футболку. Да по фиг. Всю одежду, с которой человек поехал в поход, он обязан выкинуть. И лучше с ней попрощаться до похода, чтобы не рыдать. Вокруг продолжался сейшен: я никогда не видел больше такого искреннего братания актеров с музыкантами. Как один потерянный и найденный паспорт может стать сверхидеей революционного движения и на самом деле объединить людей – уму непостижимо.

Я опять пошел на то же место, где мы познакомились. Заказал безалкогольный мохито (голова трещала, без вариантов). Сидел на лавочке, смотрел вниз на купающиеся обнаженные тела в реке. Ни одна мысль не шевелилась во мне, кроме той, где рефреном повторялось, что я профакапил свое счастье. И было ли оно? И будет ли? Вы когда-нибудь пробовали депрессовать в жару? В то самое время между полднем и двумя часами часов, года солнце жарит нещадно. «Жар костей не ломит», – говорили наши мудрые бабушки, но я определенно чувствовал, как солнце пробирало до костей. Оно стремилось пробить мою кожу, пробраться сквозь жир до костей и просто проворачивать меня как на вертеле. Я долго думал, прежде чем снять футболку. Как вы понимаете, Бред Питтом я не был, но с другой стороны, здесь никого рядом не было. Я осмелел и, наконец, стащил ее. Капля пота спускалась с моей шеи, задержалась на моей неспортивной груди и повисла, готовясь соскочить. На самом деле мы тут все жили уже неделю в состоянии готовности «соскочить». «Праздник непослушания» затянулся, и все немного устали от обнаженных тел и алкоголя рекой. По вечерам ходили грустные хиппи в защитных костюмах и пытались убрать весь мусор. Организаторы фестиваля не ожидали, что на фестиваль примчат столько гопников, с необозримыми запасами полторашек пива и чипсов, что они будут валяться пьяными в траве, или драться, или включать свою отвратительную музыку в стиле «два притопа, два прихлопа», под

которую они были в состоянии только дрыгать ногой и рыгать, будучи полностью ужратыми. «Дети цветов» охренели от такого расклада. Они пытались убрать мусор на полигоне более чем 5 километров в квадрате, что сами понимаете, было несколько проблематичным. Часть народа продолжала нежиться на траве, принимать солнечные ванны, лениво бухать или фоткаться обнаженными. Остальные уже подустали и эта усталость чувствовалась в воздухе. Я посмотрел вниз, на реку. Купалось два пьяных парня в футболках, прекрасных обнаженных нимф не было. Я чуть-чуть сгорбил, расслабился, и практически уснул, нагретый солнцем. Я дремал и перед моим взором проносилась вся моя жизнь. Вот воспитательница хвалит меня в детском садике за то что слепил кораблик из пластилина. Вот меня тащат за ухо за то, что я отрезал косу у двоюродной сестры и выбрил кошке бок (мы играли в парикмахера). Вот на меня орет отец за то, что мы с пацанами во дворе взрывали в костре самопальные бомбочки и я спалил новые штаны и обжег ногу. Вот мама бежит за мной, размахивая полотенцем, потому я пролил зеленку на себя, новые шторы, паркетный пол в съемной квартире и полностью вымазал идеального сына маминой подруги: мы играли в двух Шреков. Вот я иду в первый класс в новой белой рубашке и черном галстуке-бабочке, с георгинами в руке, очень гордый и довольный собой. Вот я возвращаюсь из школы в разорванной рубашке и с фингалом под глазом. (Мама укоризненно смотрит на меня: мы были бедны и не

могли себе позволить покупать мне рубашки хоть каждый день.) Мой первый день в детском лагере: я сижу на кровати один, потому что все ушли играть без меня, никто со мной не дружит. Последняя ночь в лагере: я, обмазанный пастой, танцую на столе в клубе, и моя банда со мной. Мой выпускной, эти дурацкие усики над губой, я приглашаю на медленный танец Светку, танцуем, я пытаюсь дотянуться губами до нее, а она влепляет мне пощечину на глазах у всех. Потом мои воспоминания ускоряются: какие то клубы, безумные студенческие вписки, пьянки в универе. Потный препод трясет моей зачеткой и орет, чтобы я собирал вещички в армию, потому что я ему никогда не сдам. Выпускной нашего универа, купаемся пьяными в фонтанах, убегаем от полиции, прячемся в подъезде с последней бутылкой шампанского, поем песни, нас сдают соседи, утро в отделении. Куча собеседований: «Ну у вас же нет опыта», «Мы вам перезвоним», «Нам нужен опыт работы не менее 3х лет», «Кем вы видите себя через 5 лет?», «Почему вы выбрали именно нашу компанию?», и все в таком духе. Потом работа, работа, работа. Лысый затылок противного шефа. Растворимый кофе. Одни и те же шутки у кулера. Дергающийся глаз. Изредка пиво в пятницу с друзьями, кто то пьяный шепчет мне на ухо «Все бес-по-лез-но» и снова работа. Не густо.

Я взял еще мохито и ушел валяться в луга. Лег опять лицом в траву и ни о чем не думал. Солнце перемалывало меня, время, людей. Оно как будто ворочало огромный ка-

менный вал, огромный- огромный механизм, как будто жернова на мельнице, только поднимало их не силой ручья, а исключительно своей огромной энергией. Эти жернова и были мы, жалкие и потерянные. Нас тошнило от этого размеренного вниз –вверх. Хотелось выйти, но кто ж нас выпустит? В этих жерновах был я, моё рождение, вся моя жизнь от начала до конца. Я чувствовал, как эти валы огромной солнечной энергии прокатываются по моей спине, моему телу, начиная с головы. Я этому никак не препятствовал. Я решил вообще не препятствовать ничему в моей жизни. Я решил не сопротивляться ходу моей личной истории: как будет, так будет. Я дошел до такой точки кипения, что смирился. Я смирился, товарищи. Даже звучит дико. Но да, да, я смирился!

В разгар жары я увидел двух девчонок около лабиринта с рекламными полотнищами, приглашающими всех немедленно попасть в нирвану. Девчонки сидели в красивых тибетских шляпах и пребывали в ней. Я не хотел их беспокоить, но они сами предложили пройти по лабиринту. Я спросил, сколько это стоит, оказалось, поцелуй в щеку. Я щедро заплатил обеим и пошел вдоль по развешенным полотнищам вовнутрь «улитки». Изредка мне встречались зеркала, диско шары и странная космическая атрибутика. Девчонки включали специальную трансцендентную музыку, чтобы усилить эффект. За поворотом я наткнулся на кучу сена и подумал, что создатели хотели сделать эко эффект на фоне всех этих диско шаров. Я не впал в медитацию. Все это время я думал

о Девушке Моей Мечты. Сердце тревожно стучало: неужели я, такой опытный, так нелепо попал в расставленную западню? Я не мог поверить в это. Я казался себе бронированным супергероем, но на деле обладал сердцем нелюбимого всеми слепого котёнка, который поведётся на первое блюдце молока и нечаянную ласку. Глупо и нелепо попался на крючок. Попался ли? Я застыл в сильном раздумии, стоя над стогом сена. «Это излюбленное место медитаций, – радостно прошептала одна из организаторов, но, увидев мое перекошенное лицо, отпрянула, – «Ой, вам не понравилось?» «Мне не понравилась моя жизнь», – резко ответил я ей и быстро вышел из лабиринта. Она не заслужила такого обращения, но внутри меня была чернота и отчаянье. Если надавить на человека, из него полезет только то, что уже было у него внутри. Глупо надеяться, что из депрессивного человека вдруг вылетят розовые и лиловые единороги и он, наполненный черной горечью и сожалением от своей собственной жизни, внезапно станет мил. Глупо надеяться. Какой-то голосок за моим правым плечом пропищал: «Идиот, ты обидел её». Я обернулся, но рядом никого не было.

Я был дико брутален в своем мрачном решении покинуть лабиринт, но стоило мне выйти под палящее солнце, как вся моя бруталность испарилась. Рядом играли йогические дети, а значит где то неподалеку шла медитация. Я завернул за лабиринт и увидел их – измученных постсоветских женщин, брошенных непутевыми мужьями, тянущих в одиночку сво-

их детей и приехавшими сюда в поисках счастья и «раскрытия нужной чакры», влияющей на женское счастье. Я хмыкнул и подумал, что выиграли от «раскрытия чакры» только дети – столько дней на природе, вольному – волюшка. Было бы мне сейчас лет 5, я бы задал жару. Дети единственные на этой планете существа, не подверженные ржавчине, постоянно точащей наши сердца, этой черной суке, вынимающей сердце и душу, той, которая обещает спасение на дне бутылки, ей, которая лживо манит самоубийц решением всех проблем – депрессии. Нам бы занять у них толику той жизнерадостности, всепрощения, желания обнять весь мир, этой бесконечной любви ко всему живому. Истинно, истинно: детям принадлежит Рай.

Захотелось опять упасть мордой в траву и я почти повёлся на это желание. Нужно было оставаться собранным, не смотря ни на что, решил я и побрел искать нужное кафе с крепким кофе. Странно, я стал почти аборигеном, загорел не хуже Сашки, ноги мои покрывали ранки, царапины, комариные укусы и синяки, волосы мои выгорели, щетина грозила перерасти в бороду, но этому, наполненному солнцем организму, все еще требовался кофе для заправки. Я вспомнил очередь из сине-зеленых клерков к кофе машине каким-нибудь февральским московским сизым хмарым утром и у меня вырвалось вслух: «Брррр!». «Я тоже так считаю!», – раздалось у самого моего уха так противно и неожиданно, что я вздрогнул всем телом. «Не бойтесь», – продолжал кролик, –

«следуйте за мной». Он развернулся и я увидел на его клетчатой жилеточке сзади надпись: «Следуйте за белым кроликом». Разумеется, это был какой-то парень в ростовой кукле, галлюцинаций у меня пока не наблюдалось. Он явно तोпорился куда-то, ну и мимоходом, решил на всякий случай потроллить того, кто встретится (а встретился ему, кто бы вы думали?-я). Кролик широким жестом достал часы на цепочке, открыл их, поцокал языком и побежал к центральной дороге, ведущей к паре палаток организаторов. Его поролоновые ляжки смешно вихлялись при беге, а хвостик вздрагивал и метался, и было ясно, что это все бутафория, подстава, и я был уже готов рассмеяться залиvistым детским смехом, но на общем фоне природы, леса, начинающего опять стелиться тумана, это всё равно выглядело как знак. Я потоптался на траве еще немного, полный нерешительности. Моя нерешительность была полной статной дамой, она брала мою голову за уши и без конца, рефреном повторяла: «Ну какой же ты дурак... Ну какой же ты дурак.. Ну какой же ты дурак..!» «Стоп!», – сказал я сам себе, – «ведь так и рехнуться недолго». Я подтянул свои штаны и вмиг стал полон смелости разобраться со своей жизнью. Кто я, зачем я. Зачем я гроблю свою жизнь в офисе. Зачем я так глупо, так не взаимно влюбился. Нееееет, здесь не подходит это красивое, хотя и затасканное слово. Втюхался. Врешкался. Ухнул в борщ. Втрескался. Вздребеденькался. я. Идиот.

«Когда же я разберусь со своей жизнью? Что же это проис-

ходит, господа, товарищи, люди? Как же может быть потерян молодой человек в расцвете жизненных сил?», – я чувствовал, как надо мной разрасталась огромная иссиня – черная космическая дыра и оттуда на меня, свесившись, смотрели головы создавших меня. «Неудачный экземпляр? – «Ага». «Убираем?»-«Нет, пусть еще подрыгается, прикольно». Я не хотел никому доставлять удовольствия своими мучениями. Я отогнал руками мрачные мысли, хренли вам, не дождетесь. Я еще поживу. Я так подрыгаюсь, что вам мало не покажется. Я нашел кафе, сел на самый дальний, и, по ходу, старый пень и заказал кофе с молоком. Оказалось в наличии только кокосовое, ну что вы, «дети цветов» не пьют коровье, их с него пучит. Кокосовое, будь оно неладно. Я согласился – выхода не было. Я чувствовал, что моя голова выглядит как большой кокос, который жизнь пытается раздавить своими обстоятельствами, сжимая своими сильными руками все сильнее и сильнее, все большее и большее. В голове булькалось кокосовое молоко и немного стружки от него же, от кокоса; в общем, то, я знал что я не был гением, и, тем не менее, это было обидно. Но с другой стороны, я знал, что внутри меня заложен часовой механизм, если хотите бомба, атомный реактор с превеликим множеством талантов. Я мог аккуратно к ним подбираться, начать пользоваться ими, условие было всего лишь одно – чтобы всё на хрен не взорвалось. Гологрудая официантка принесла кофе с кокосовым молоком, я сделал глубокий глоток. «От так вот подумаешь, рай для

мужчин», -кто-то пропищал у меня над левым ухом противеньким голоском. Я вздрогнул и обернулся. «Все девушки топless, солнце, лето – чем не рай?», -продолжал голосок и я понял, что про меня вспомнила обычная склизкая мужская похоть, приползла ко мне, устроилась на плече, пищит в ухо. «Я даже не под вискарем, промахнулась, дорогая»,-небрежно подумал я. Нееееет, было что то в Моей Девчонке не пошлое, было что то в ней воздушное, сотканное из облаков, из детских сказок, из мечты. И я, как дурак, попался. Это был какой то мягкий капкан. Пушистое нападение. Воздушный арест. На фоне всего этого я просто не мог сопротивляться, «это было фиаско, братан».

Я допил свой кокосовый кофе и пошел обратно в лагерь, хмурый, жалеющий сам себя. Если сам себя не пожалеешь, то кто пожалеет? Скажите мне, кто? Жизнь несется на тебя, как огромный многотонный каток, а ты стоишь на краю пропасти и держишься за пакетик гречки. Возможно, он то меня и спасет. Я шёл и всякие грустные и глупые мысли лезли в мою бедную голову. Я решил пойти через «центральную» улицу в нашем скопище палаток, через бар, где мы тогда познакомились. Нет-нет, я не лелеял тайную надежду, о чем я вообще думал тогда? Меня всегда можно было обозвать безмозглым, но безвольной тряпкой я не был никогда, кроме того, от всех прочих меня отличала настойчивость: настойчивость была моим оберегом, когда под моими ногами рушился мир. Я пробовал ещё и ещё, и сделал бы это, даже ес-

ли десять, сто, тысяча человек сказали бы: «Ты зря пытаешься, парень». Откуда во мне было это мышление спортсмена-профессионала, я не знал, но я был на сто процентов всегда уверен, что сколько бы раз ты ни падал, единственное, что тебе нужно – подняться на один раз больше.

Что ж... Бар был пуст. Я помялся немного, заказал себе безалкогольный мохито и шарик из манки и какао, обсыпанный кокосовой стружкой, претендующий на оригинал из Гоа, на самом деле же представляющий из себя сладкую калорийную смешную хрень. Вышел на задворки бара, сел пить свой мохито и отворачивать взгляд от голых купающихся. Раздетые были они, а стыдно почему-то было мне. Я почувствовал удар о скамейку, рядом со мной кто то плюхнулся. Не хотел даже оборачиваться, откусил свое сладкое гоанское пирожное, остатки грозили растечься по ладони. Почувствовал запах ванили и резко свернул голову. Это была Она. Ну почему же я такой тупой? Ничего, ничего, ничегошеньки не почувствовал, интуиция моя не то что бы дремала: она бессознательно дрыхла. Весь день думал о Ней, и теперь обе мои руки заняты, одна с бабским мохито, вторая еще хуже, в липкой сладкой хрени, выдающей себя за гоанское пирожное. Я прогундосил что-то вроде «Привет», при этом явственно почувствовал, как дрожат мои руки и о колено облокотил руку со стаканом мохито, максимально непринужденно (короче, как смог). Пирожное не знал куда деть, оно предательски таяло в руке. Она улыбнулась одними уголками губ (до Неё

так умела только Джоконда), расправила белый кружевной сарафан, под которым опять виднелись черные лямки от купальника. Оружие массового поражения, ага. «Я знала что ты тут будешь», – наконец бархатно произнесла она, слегка растягивая «а». Я сглотнул слюну и все звуки вдруг остановились, и это нервное сглатывание как будто было усилено многократно и повторилось эхом по всему лесу. Как будто бы я подошел к микрофонной стойке с усилителями и сглотнул туда, и звук разнесся многократным эхом по всему Олимпийскому. По всей Москве. По России. По всему миру. Эх! Она еще раз улыбнулась и, взмахнув ресницами, приблизила ко мне свое ангельское лицо. Её волосы пахли ванилью. Обе руки моих были заняты, я сидел как дурак, не двигался и просто хотел чтобы это никогда не кончалось. Она чуть дотронулась пальцами до моей щеки: «У тебя сторела кожа на носу. У меня есть крем от загара и...». Она не договорила, потому что со стороны бара выглянул Лысый и, как последний дебил на этой планете, заорал что есть мочи: «Аааа, вот ты где? А я тебя везде ищу!». Я просто хочу разъяснить раз и навсегда: мы никогда не были с Лысым друзьями, он издевательски шутил надо мной и моим весом (ну а кто не?), а я терпел. «Какого хрена он приперся?», – бешено пронеслось в моей голове, – «щас все испортит». Лысый полез здороваться за руку, чуть не наступив на Её сарафан, полез через Её колени, на ходу оценив размер груди. Кровь начала вскипать в моих жилах, в висках застучало набатом, я вспомнил все те

случаи, когда он портил мне жизнь, когда обзывался, когда встречал в мои, пусть неумелые и смешные, подкатывания к девчонкам. Я показал ему испачканную пирожным руку и мохито в другой и максимально пренебрежительно пожал плечами и сказал: «Сорян». Лысый опешил. Я никогда ни в чем ему не отказывал. Я всегда играл роль благодушного толстого мальчика для битья. Сколько его не бей – он только радуется. «Чо за церемонии?», – спросил Лысый. «Хочешь поговорить?», – спросил я. Я хотел сказать это максимально грозно, но на выходе получилось немного пискляво. «Разумеется», – мрачно и вместе с тем удивленно ответил Лысый. Я встал, поправил трубочку мохито в моей руке и подошел к нему. «Чо за тёлка?», – спросил Лысый. «Это не тёлка, это моя девушка», – твердо я ответил ему, глядя прямо в глаза. «Чо, дерзкий такой?», – размахнулся Лысый для удара, и тут я залепил ему глаз пирожным, которое почти растаяло в моей руке. Лысый заорал что то невнятное, потерял равновесие от занесенного на меня удара, упал и покатился вниз, в реку, к обнаженным купальщикам. Мы растерянно смотрели, как он скатился и грохнулся в реку. Вынырнув, начал орать страшным матом, угрожая мне жестокой расправой. «Значит, живой», – хладнокровно подумал я. Я отхлебнул от мохито, которое даже не пролилось, я был просто Джеймсом Бондом. Кровь стучала в моих висках. В течении нескольких лет я не мог ему ответить ни на одну его гадость, а тут...!

Все это время моя Дульсинея стояла, прижав руки к своей

груди и расширенными глазами смотрела на нас, переводя взгляд с орущего благим матом в реке Лысого на торжествующего меня. Я ждал лавровых венков победителя, водружаемых мне на голову и объятий, но вместо этого она коротко сказала: «Дурак!» и быстро пошла прочь от меня. Я постоял минуту, ошарашенный и убитый, потом выбросил мохито и побежал за ней. Она уже села на проезжающую мимо телегу с хиппи, украшенными цветами и поющими песни битлов. Я крикнул что-то нечленораздельное, рванул за телегой. Она вырвала цветок из волос и крикнула: «Дурак! Я волновалась за тебя!» и бросила цветок на дорогу. Я подбежал и подобрал цветок. Цветок пах ванилью, я клянусь вам, ванилью. Я был одновременно самым счастливым и самым несчастным человеком на свете.

Сашка опять испортил ужин и возле костра было грустно. Ребята догрызали чипсы, пуская пачку по кругу, еды не было и не предвиделось. Можно было бы сходить чего-нибудь купить, но в это время работали только бары, а в них был алкоголь и дурацкие «Гоанские» пирожные. Сашка был удручен очередной кашеварской неудачей, но в конце концов, он был ковбой, а не повар. Я послушал урчание моего живота, живот затянул свою обычную голодную песню. Я незаметно протащил цветок в палатку и не нашел ничего лучше, чем поставить его в маленькую пластиковую бутылку с водой в угол палатки. Ночью я, конечно же, опрокину её на себя, к бабке не ходи. Желудок проворчал еще несколько раз

и внезапно успокоился. «Забил,— подумал я,— даже желудок забил на меня». Синий вечер полз со стороны леса по-партизански, со своими запахами, таинственными звуками, ночным прохладным дыханием, нашептывая, увещевая, заставляя забыть все, что случилось днем и не думать о том, что будет завтра. Есть только Он- темно-синий густой вечер и больше никого. Ах, нет, возможно, ближе к ночи опять будет стелиться белый Туман, целуя верхушки трав и обнимая деревья: нарцисс, кайфующий сам от себя, но пока его нет: темно-синий Вечер правит миром и мной. Я почувствовал себя внезапно счастливым. Это был какой-то острый приступ счастья, с какой-то внезапной болью, как у беременных при схватках или при приступе аппендицита. У меня никогда не будет первого и никогда не было второго, о чем я говорю? Я посмеялся в свои воображаемые усы над удачной шуткой. Ну, знаете, когда доволен собой, всегда хочется иметь густые, развесистые капитанские усы с такими загнутыми кончиками, чтоб, залихватски крутанув ус, сказать самому себе: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». От скромности мне, пожалуй, не умирать. Я часто наблюдал за коллегами в офисе. Каждый из людей – огромная Вселенная, познавать которую можно бесконечно. Мы все прекрасны по сути своей. В ком то больше добра, в другом смелости, в третьем доблести, в ком то еще – милосердия и желания отдать последнюю рубашку ближнему, но мы все одинаково прекрасны. Что же такое происходит, стоит этому прекрасному человеку пере-

ступить порог офиса? Почему он с такой скоростью погружается в страх и раболепие перед начальством, почему он тут же начинает плести сети лести и сплетен, зачем бросается очертя голову в подковёрные игры «на выживание» и офисные войны? Зачем применяет тактику подсиживания? Зачем подслушивает и подглядывает, зачем унижает и оскорбляет? Почему ему так хочется ранить своего коллегу, посмеяться над его хобби, или старой моделью телефона, или над тем, что тот неудачно опрокинул на свою белую рубашку чашку кофе? Зачем обсуждать, кто с кем развелся, стоя в очереди к кулеру? Зачем перебегать другу дорогу, зачем выслуживаться перед начальством, зачем орать друг на друга, зачем обижать, к чему вся эта нервно-выматывающая вечная офисная война за место под солнцем, если солнца в офисе никогда нет и не бывало, и ждать его, по меньшей мере, глупо, ведь над потолком уже давно мигает лампочка естественного освещения, которую никто никак не может собраться поменять? Мы все такие классные на отдыхе. Можно лежать в густой траве, щуриться на солнце, жуя травинку, отхлебывая мохито, можно вглядываться линию горизонта с белыми облаками на бесконечно голубом небе. Можно быть добрым друг к другу и к себе. Но какая глухая ненависть, какой протест внутри восстает каждый воскресный вечер в человеке... Как легко он бежит с работы в пятницу, размахивая портфелем, и какая тяжесть приползает вечером в воскресенье или в последний день отпуска, приползает, ложится и давит на грудь,

или сворачивается черным глубоким у горла, до тошноты... И утром в понедельник мы одеваем наши латы, и берем наши стрелы и копья и идем ранить и убивать того, кто ранит и убивает нас, чувствуя себя бесконечно мёртвыми под этими латами...

Я боялся, что Лысый припомнит мне это вынужденное купание в реке и удар пирожным прямо в face. Ждал разборки. Думал, будет драка, морально готовился, сжимая кулаки. Но Лысый, как ни странно, даже не смотрел в мою сторону и, казалось, полностью забыл о моём существовании. Он всегда троллил меня, делал мне «подножки», а тут как отрубил. Это произошло впервые с тех пор, как я пришёл в этот театр. Иногда злу все-таки нужно дать отпор. Я сам не заметил, как чуток прикрыл глаза и провалился в сладкую дрему.

На грудь мне что-то упало, я вздрогнул и открыл глаза. «Сам заваришь», – мрачно бросил Сашка, – «извиняйте, бананьев нема». Я поймал рукой скатившийся с меня бичпакет. Жизнь вносила свои коррективы: нужно было искать кипяток, свою площадку и потом тщательно выковыривать комаров, муравьев и прочей сварившейся твари, которая наверняка попадет в мои макарошки быстрого приготовления. Вот чем мы отличались от других театров: у нас не было нытья. Скажет режиссер спать в палатке с пауками и муравьями и жрать это дерьмо, эту еду несчастных гастробайтеров, и мы будем жрать и выйдем на следующий день на сцену и наденем наши костюмы, нанесём грим и выступим ослепительно.

И ни одному зрителю не придет в голову, что мы плохо спали на промокшей пенке в продуваемой ветром палатке и жрали этот отвратительный бичпакет. Ни-од-но-му. Система Станиславского в действии. Я приготовил себе нехитрый ужин, оглядел наше творческое сообщество. Все так же сосредоточенно смотрели на свои закрытые крышечками плоски, ждали, когда заварится. Кто-то начал тренькать на гитаре: «Неча жрать, а неча жрать, неча жрать актёоооруу. Этот трюк не повторять, только каскадёёооруу.....Режиссера все мы любим, только очень голодны...Как мы завтра все сыграем, если падают штаны...ыыыы.....» Режиссер вскочила и гневно сказала: «Ну все хватит, достали!» и ушла куда то сквозь деревья в неизвестном направлении. Ленчик легонько хлопнула ладонью по струнам: «Все, хватит. Довели режиссера, блин». Мишка (а тренькал и завывал, конечно же он), с готовностью отозвался: «Хватит, так хватит. Мне и бичпакета хватит». Мимо прошлепал в рваных сланцах Сашка, бросая по кругу перед каждым по пачке с остатками майонеза и мрачно бормоча: «Положено, так ешь. А не положено, так не ешь». Остальные послушно принялись выдавливать майонез в свои варева. Все таки есть в актёре что то от вечного студента. «Вечно молодой, вечно пьяный»....Или вот, «что упало у студента, то упало на бумажку». И шутка про то, что студент к экзамену может выучить китайский. Хороший актер может за ночь выучить роль на 100 страниц, если очень надо будет. А надо ему всегда. Трудно встретить более

голодных до творчества людей. Сам играет и сам оценивает. И живет в этом всем. Тоже сам. Поэтому – бичпакеты. Метро вместо личного автомобиля. Съёмные квартиры. Съёмные комнаты. Съёмные углы. Купить дешёвую булочку, прийти на встречу в кафе, тайно откусывать от булочки из сумки в туалете, заплатить только за кофе. Взять пакетик, собрать пирожные с фуршета. Разумеется, когда все разойдутся, но все равно стыдятся и полыхая всем лицом. Перепрыгивать через турникеты в метро, когда ну совсем ну нет денег. Одеваться в секунд хенде. Невыносимо любить настоящий театр и настоящее кино. Отказаться от всех тупых ролей в сериалах, не продаваться в рекламу. Жить на копейки, но не продать свою душу. Это достойно аплодисментов.

Ребята уже приступили к нашей нехитрой трапезе, а я вылавливал ложкой неудачника – муравья, неудачника – потому что, скорее всего, он уже сварился в кипятке моего бичпакета, хотя я все еще упорно пытался его спасти, и в этот момент мы услышали хруст веток и на площадку выбежала всклокоченная режиссер с огромной коробкой, которую она гордо шмякнула об землю. «Бургеры!!», – её победному завоевательному воплю позавидовал бы Юлий Цезарь. «Да ладно?!», – первым среагировал Сашка, подскочил к коробке и вытащил огромный бургер, такой ровный и красивый, как если бы мы сидели в центре Тверской и гламурно жрали какой-нибудь фастфуд. «Откуда дровишки?», – тренькнул гитарой Мишка и тоже ломанулся к коробке. «Из лесу, ве-

стимо», -пробубнил с полным ртом довольный Сашка, откусив сразу такой кусок, который мог бы быть опасен для жизни. Лысый, уже начав распечатывать, вдруг заорал: «Скока стоит?». Остальные внезапно оторопевшие услышали радостный крик режиссера: «Налетай, все бесплатно! Орги подогнали» и молниеносно разобрали бургеры. Только что мы были последними нищелюдями и в одно мгновение ока вдруг стали королями. Мы трескали эти бургеры, не прожевав до конца, мяля благодарности нашей спасительнице от голода, фыркая крошками, давась от смеха и от жадности сожрали быстро и все сразу. «Я вот что думаю», -задумчиво сказал Мишка, крутя между зубов травинку, и все повернулись к нему. Мишка лежал на небольшом возвышении на сложенной палатке, положив голову на край бревна, говорил он медленно: видно было что обожрался. «Мы находимся в тысячах километрах от цивилизации. В ближайшем селе точно не делают бургеров, там нет не то что приличной бургерной, а даже «Макдака». Там слово «бургер» не знают, сырный соус им только снится. Так вот, – тут он повернулся в сторону режиссера: «Откуда этот аттракцион невиданной щедрости?». «Да, откуда дровишки?», – поддержал его Сашка. Лунтик перевела взгляд от Мишки на Сашку и панически заверещала: «Мы все умрём!». Режиссер задумчиво достала кружку из рюкзака: «Нет, ну конечно, я понимаю, вы мне все надоели. Но мысль массово вас травануть мне как то в голову не приходила. Спасибо за идею». Лысый подбежал к ней,

схватил за штанину: «Не, серьезно, мы все умрем?! Я еще молод! У меня куча планов! Я даже еще ни разу смартфон не засовывал в микроволновку!» «Поэтому и жив ещё», – отрезала режиссер, – «отпусти, блин». «У нас же туалетная бумага закончилась», – Наташка расширенными глазами смотрела куда-то вперед, видимо, в наше ужасное будущее. «Да успокойтесь вы!», – не выдержала режиссер. «Музыканты это привезли, не могут они без бургеров, не вдохновляло их играть без этого всего, ну вот они и закупились в последнем «Макдаке», купили несколько коробок, привезли и не смогли сожрать. Купили сегодня, бургеры свежие, как поцелуй молодой крестьянки. Отдали оргам, а те – нам. Понятно?!» Лысый выдохнул: «Ну, раз поцелуй молодой крестьянки, тогда все норм, зря кипишуем.» Мишка вздохнул и посмотрел в голубое небо: «А так бы наутро тут у костра было бы 12 трупов... как романтично...» Лунтик кинула в него шишкой: «Хренов романтик! Паникёр!»

Я находился в какой то Точке Безветрия. Точки, где не существовало прошлое, но и будущее не спешило зайти ко мне на огонёк. Я почти забыл, как выглядят мои унылые коллеги и вечно злобный шеф. Мне не снился ни серый ковролин моего офиса, ни сломанная ручка моей тумбочки, ни беспорядочная куча бумаг на моем столе, ни заварочный чайник, от которого вечно отпадала крышка. В моей ежедневной рабочей рутине не было места для покорения Эвереста,

не было места подвигу. Самое ужасное было не то, что я работал там. Самое ужасное было ощущение, что я буду работать там всю мою жизнь. То есть вот эти фейсы коллег, этот серый ковролин, вопли шефа, эта вечно падающая крышечка от чайника, бесполезные глупые выматывающие планерки, кондиционерные войны, тупые шутки у кулера, кофейная жижа, от которой никто не хочет очистить общую кофеварку (и поэтому почему-то всегда этим занимаюсь я), серые унылые беспросветные дни – на всю жизнь. Нет ничего страшнее этой мысли для творческого человека. Безусловно, есть люди, страшащиеся жизни, желающие отсидеться в серых незаметных тусклых офисных норах, или люди, исключительно самоутверждающиеся за счет унижения своих подчиненных, или люди, вся значимость жизни которых измеряется статусом на работе, названием должности, именем фирмы. И если они будут уволены, или сменят должность или поменяют место работы на менее значимое – это будет ударом для них. «Человеки-офисные костюмы». Для всех этих людей офис – привычная среда обитания. Но я не относился ни к одному из этих подтипов. Зачем жизнь так долго мучает меня сидением в офисе? Ок, ну пусть это будет наказание, я потерплю. Если это испытание, то оно несколько затянулось, хотя кто я такой, чтобы давать указания Богу? Вечно ворчливый, как древний сморчок, вечно жалующийся на свою работу, близких, жизнь – не противен ли я Вселенной? Хочет ли вообще она меня наградить творческой работой, или же я

так достал Её, что буду вечно отсиживаться в моем отсыревшем от сплетен офисе, в этом гниющем болоте? Возможно, она давно махнула на меня рукой, отвернулась, чтобы свет Её лица случайно не наткнулся на меня в моей серой унылой офисной норе, в моем отсеке орен спрсе, так «удачно» огороженного этим серыми перегородками. Никакой это не спрсе, ребята! Тем более не орен! Офис это не космос! Это всё равно что сравнивать вечную тюрьму со свободой. Кто это придумал вообще? Мы все хотели быть космонавтами, в итоге нас сажают каждый день на 8 часов на протёртый стул, огораживают перегородочкой и заставляют без перерыва смотреть в ящичек с циферками, в ящичек с презенташечками, с унылыми графиками, с письмами от шефа капслоком и забором из восклицательных знаков от бухгалтерии. Никто из нас не космонавт!! Никто! Никто из нас не стал космонавтом! Славик, прости!! Я помню, как мы с тобой резались стеклом на заднем дворе нашего сада, смешивали нашу кровь из обеих ранок, братались и торжественно обещали вырасти и стать космонавтами. И летать в одном отсеке. И служить нашей Родине. Спасать людей. Открывать новые Галактики и Планеты, пригодные для жизни. Быть супергероями, спасающими страну: что может быть лучше? Теперь я и Славик сидим в одинаковых серых перегородочках на разных концах Москвы. Виделись в лучшем случае раз в полгода. От Славика ушла жена, он заливаает за воротник. Видит космос на пачке сигарет. Ну вот, собственно и все. Финита ля комедия.

Что-то прошмыгнуло между травинок и я увидел белку. Она встала как вкопанная и уставилась на меня. От неожиданности я замер. Позвал ее: «Белочка!». Вспомнил ролик на ютубе, как трехлетний малыш орет во все его легкие: «БЕЛОЧКА!!!»(с) и она, как ни странно, прибегает на такой дикий вопль. Он кричит: «Белочка, НА ОРЕХИ!!» И белочка послушно ест. Не смейтесь, а вы как зовете белок? Не «кыс-кыс» же? Я сказал «фыр-фыр» и она чуть-чуть пододвинулась поближе. Мне нечем было её кормить, орехов точно не было, это я знал. Но я всё равно упорно полез в карман и нашел там полураздавленное печенье. Печенье было «на один зуб», в упаковке. Я открыл её и мне на колени выпала бумажка: «Всё приходит вовремя к тому, кто умеет ждать». Я посмотрел еще раз на обертку, рекламная надпись гласила: «Гадания бабушки Хо». Я хмыкнул, в этот момент белочка нетерпеливо размахнулась хвостом, так что из-под него вылетели листья. Прости, милая, прости. Я сунул на ладонь печенье, тихонько подтянулся к ней. Она взяла маленькие кусочки, запихала себе за обе щеки, благосклонно блестя на меня своими черными глазками, настолько глубокими, что в них видна была вся Галактика, и в мгновение ока взобралась на дерево. На руке осталось несколько крошек, я посмотрел вверх сквозь ветки: красotka, судя по всему, возвращаться не планировала, и положил их на лист. Я встал на затекшие ноги, сдержав стон: отсидел их нехило. Еще раз развернул гадание из печенья. Самое главное, что я совершенно не

помнил, как оно ко мне попало. Хм, «кто умеет ждать»... Умею ли я ждать? Правильно ли я жду? Не гневлю ли я Бога своим нетерпением? Я запахнул ветровку посильнее: к вечеру холодало. Побрел сквозь траву дальше, наткнулся на муравейник. Как всегда, шла бурная работа. Муравьи тащили непосильные ноши, скоординировано волоча дохлых жуков, раз в 10 больше их самих. Что примечательно, если один тащил издалека еле – еле, на подходе к нему прибегали еще несколько и помогали. Хм, стопудово муравьи не знакомы ни с депрессией, ни с творческим кризисом. Основной принцип: ПРИ то, что больше тебя примерно раз в 50. При и при. День или ночь на дворе – все равно при. И помоги своему товарищу, если видишь, что он прёт то, что больше его раз в 100 и чуток приустал. Хотя о чем я? Нет усталости, нет. При и при. Ни усталости, ни секунды, ни минуты для отдыха. Лучше быть изношенной, но от работы отполированной, блестящей лопатой, чем простоять всю жизнь в сарае ржавой и ненужной.

Я чувствовал себя мрачным англичанином, закинутым в центр веселья. Этаким лордом, который пафосно и надменно лежит в 30 градусов жары в котелке и черном костюме на шезлонге, в шеренге таких же, на которых лежат в разноцветных купальниках люди, мажутся средствами от загара, выпивают коктейли, шутят, смеются, поют песни, мимо бегают с надувными кругами счастливые загорелые дети и только Черный Лорд, явно чувствуя себя не на своем месте, сурово

смотрит на линию горизонта. И глупо, и смешно, и страшно. Я подумал, что меня можно запихать в центр Венецианского или Бразильского карнавала, и ничего не изменится. В эпицентре веселья мое лицо будет носить ту же маску, тот же мрачный сосредоточенный взгляд за линию горизонта. «Ох, какой же ты дурак», – тихо сказал мне лес. Я и не заметил, как я опять ушел в самую гущу, туда, куда даже не ступала нога беспечного хиппи. Где-то проглядывали грибы, но с моей везучестью, если честно, я боялся их рвать. На Сашку тоже, сами понимаете, было мало надежды, он мог не заметить пленку под шляпкой у поганки и наш общий поход мог бы быстро закончиться, едва начавшись. Я сел на какой то поросший мхом пенек, поднял голову и увидел, как чуть дрожат от ветра верхушки огромных елей и вдруг остро и внезапно осознал, что мне не нужна слава. И деньги. И люди. Ну, может пара человек – лучший друг и любимая девушка. У меня не было ни первого, ни второго. Вернее, вторая даже не догадывалась, что я Её... что у меня к ней что-то есть... В общем... Нет-нет, несчастным, нет, вот как раз несчастным я себя не чувствовал. Как можно быть несчастным, когда лес держит тебя на своей ладони? Я сидел, замороженный лесными запахами, звуками, этой зачаровывающей тишиной, до самых краев наполненной чьим-то присутствием, которое никого из нас не тяготило. Я смотрел на лес, лес смотрел на меня. Решение ко мне так и не пришло, зато пришло спокойствие. Оно стоит в наше время очень дорого, гораздо дороже

золота и бриллиантов. Очень многие давно забыли, как оно выглядит, многим оно уже даже не снится. Бизнесмены умирают от инсультов в конвульсиях, сжимая свои портфели, набитые ценными бумагами: спокойствие не ночевало рядом с ними. Политики брызгают слюной друг на друга: спокойствие не пролетает над ними. Телевизионщики седеют в прямом эфире на глазах: спокойствие им врачи прописали в пилюлях, но они не помогают. Люди умирают прямо в офисе, до последнего стараясь выполнить грёбанный deadline: спокойствия нет, не было и не будет. А я вот так, внезапно легко обрел его. Не завидуйте: я сам не понял, как это получилось. Небо знает, а я нет.

Я раньше увидел, чем услышал, как что-то промелькнуло в вершине деревьев. Похоже, что белка, но я знал, что это была не она. Лес тактично выдворял меня восвояси. Я вздохнул, поклонился чему-то невидимому и прекрасному, прошептал от долгого молчания оспишим голосом «спасибо» и побрёл назад. С моим топографическим кретинизмом я мог бы уже 300 раз заблудиться, но что-то не давало мне это сделать, что-то упорно вело меня вперед. «Нить Ариадны», – хмыкнул я, и внезапно острым ножичком черкнуло по мне: вспомнил веснушки на плечах, черные мокрые лямки от купальника под белым сарафаном и у меня засосало под ложечкой. Я был защищен и всемогущ против всего, против всех врагов и обстоятельств, кроме любви. «Против лома нет приёма», – грустно подумалось мне и тут же

какой-то тоненький голосок внутри меня пискнул: «Окромя другого лома». И я взбодрился.

Все-таки есть что – то удалое, разухабистое в русской душе. Мы не сдаемся до последней капли крови, и даже после последней мы готовы бороться до победного конца. Смерть для нас не является извинением, где зарубежная поговорка «Сделай или умри», русские говорят «Умри, но сделай». Русские будут биться до последнего, но они же первыми и найдут битву себе на голову. Нам бы, как французам, иногда просто шаркнуть ножкой в нужный момент. Или как итальянцам, помахать руками, спеть песню, сожрать пиццу и угостить ею врага на худой конец. Закорми врага до смерти, пусть сдохнет от ожирения! Или как японцам, промолчать, сохраняя внутреннюю силу. Но если русская машина смерти заведется, мы идем до последнего, теряя собственные силы, умирая, но не сдаваясь. Даже мертвые, мы продолжаем бороться и сражаться. Смерть для русского человека – не освобождение от битвы.

Я припёрся в лагерь уже ночью. Не знаю, как нашел дорогу. Траву опять начал облизывать ненасытный туман, раздражаясь и ворча, когда я будил его, бредя по колено в росе. Палатка была влажной. «То же самое внутри», – подумалось мне, – «и даже паук Гоша не выжил, скорее всего». Чуть прикрываясь синими облаками, высоко в небе висела круглая оранжевая луна. Вот это сочетание всегда меня вводит в stuпорный восторг: мандариново-оранжевая полная луна и тем-

но-синие чернильные облака. Я еще подержался за верхушку палатки, закинув голову. Какая-то ночная птица пропела: «Дурррак, дурррак, дуррак». «Дурак»,— легко согласился я и лёг головой на собранный влажный свитер. Гоша не показывался, надеюсь, у него было все хорошо. Я провалился в легкий, детский, беспечальный сон.

«Дураком быть не стыдно»,— первая мысль, пришедшая в мою бедную голову этим утром, внушала доверие и оптимизм. Опять мои духи сна нашаманили и что-то внушили моей несчастной голове. Тусовались снова небось всю ночь около входа в палатку, споря, какую бы мысль мне в голову впихнуть. Над моей палаткой кто-то тактично постучал железными кружками друг о друга, звякнула молния и я увидел маленький хитренький нос Лунтика: «Слууууушай, туалетной бумажки у тебя не осталось?» Туалетная бумага была на вес золота, мы жили тут уже давно, изначальные запасы закончились, уже давно пошли в ход салфетки, чеки и прочая бумажная дребедень. Да, где-то в глубине палаточного лагеря был магазин, и каждое утро кто-то бил себя в грудь и обещал вечером сходить за бумагой, но вечером глинтвейный фестиваль кружил в своих объятьях наших талантливых, но слабовольных актеров, и там уже было не до магазина и туалетной бумаги. Я наморщил лоб, потянулся затекшими руками к толстовке, нащупал заветный сверточек в углу кармана, отдал Лунтику, но не всё, оставил себе кусочек (в этом вопросе я был на редкость предусмотрителен). Лун-

ского кофе (деньги у нищих актеров тоже привыкли быстро заканчиваться, мы пили, что нам посылало небо: оно послало от соседней палатки индийский кофе в советской жестяной банке). Сейчас огонь еле дымился, чайник не хотел закипать, а вокруг ходили зомби, которые отказывались функционировать без кофе. Я пошел искать дрова для костра. Солнце просвечивало сквозь ветки, на синем-синем небосводе не было ни облачка, трава, казалось, была сделана из шелка: все обещало чудесный летний день. И все-таки я вздрогнул, отчётливо подумав, что я вчера ночью мог и не добраться до наших палаток. С моим топографическим кретинизмом я мог заблудиться и на Красной площади. Что же тут говорить о густом черном лесе ночью, да еще и без фонарика? Что-то вело меня, что-то привело меня. Я решил, по совету всех психологов, жить здесь и сейчас. Просто не думать и все. Не думать, и дело с концом. Думать много не надо, да. Еще бы кто сказал, где у мозга стоп-кран. Позарился на толстую ветку, тут же словил занозу. «Да чтоб тебя!», - крикнул раздраженно в пустоту. «Мдааа, душевным равновесием тут и не пахнет», - бормотал про себя я, набирая дрова, - «стрессоустойчивость тут и не пробегала». Самое главное – относиться к себе максимально не пафосно. Сохранять юмор в отношении себя. Тогда есть все шансы не сойти с ума в этой жизни. Нечем гордиться. Мы все муравьи, которые пытаются утащить жука, раз в 30 больше чем мы сами. Ах, да, есть еще идеальные подделки под муравьев, «драг дилеры» – жу-

ки ломехузы, которые приводят к смерти всего муравейника, наши исконные враги, но сейчас не об этом. Когда я вернулся в лагерь, Сашке удалось зажечь огонь, он сделал его любимое кофейное варево и уже разливал по железным кружкам. Я бросил дрова и торопливо подставил свою: в большой семье ничем не щелкают. Народ подобрел: расселся по бревнам у костра, вдыхал кофейный аромат голимого индийского варева и вел неторопливые светские беседы о том, кто где достал туалетную бумагу и где планирует достать в следующий раз.

Прибежала красная, вспотевшая, но довольная режиссер, и как только мы расслабленно допили варево, нас тут же выстроили у костра «во фронт». Пришли орги, сказали, что нужно помочь кинофестивалю, что слишком много мусора и тд и тп. Наши ребята немного прифигели, но, поскольку весь поход они строили из себя мужественных парней, не смогли возразить, а вот девчонки начали стонать, что вообще-то они актрисы, а не уборщицы. Режиссер цыкнула на всех, а орги сказали, что выдадут очень много бесплатных талонов на глинтвейн, что внесло радостный разброд и сумятицу в актерские слабовольные ряды и все наши ожидаемо дали согласие. Орги притащили какие то белые комбинезоны из одноразовой ткани, чтобы не запачкаться, и перчатки. Мы были похожи на отряд врачей во время пандемии. Нас отправили на поляну, где вчера была дискотека. Наш «санитарный» отряд весел хохотал, пока мы не пришли на ме-

сто дислокации. Вся поляна была забросана одноразовыми стаканчиками, стеклянными бутылками из-под водки, пластиковыми пивными «полторашками» и окурками сигарет. В наше время принято говорить «спасибо, что не шприцами» (и их, к чести детей цветов, и правда не было), но нам было не до благодарности, мы обозревали масштаб мусорного сражения. Первым пришел в себя конечно же, Сашка: вырезал из полторашки совок и начал активно собирать окурки. Девчонками поручили собирать полторалитровые пивные бутылки: они большие, их хорошо видно и ими невозможно порезаться. Парни начали собирать стекло. Сначала собирали молча: все были достаточно сонные и солнце еще только всходило, было достаточно прохладно. А потом началось самое настоящее пекло, еще и бутылки нагревались от солнца и над поляной стоял отвратительный запах протухшего пива. В какой-то момент мы все осоловели от жары и усталости. Лунтик резко распрямилась и внезапно залихватски затынула: «Рааааскудрявый...», её моментально подхватили хором: клен зеленый, лист резной», я тоже вытянулся, чтобы громко спеть «Яяаа влюбленный и смущенный пред тобой», как вдруг перед глазами моими что-то проплыло и я увидел женскую фигурку в белом сарафане, стоящую на холме напротив нашей «мусорной» поляны. Если бывают кратковременные комы у влюбленных, я впал именно в неё. Я стоял и смотрел, стоял и смотрел. Вокруг меня бушевала красивая русская песня, молодые, полные сил и здоровья ак-

теры пели и танцевали, а я чувствовал себя столетним стариком от одной мысли, что Она никогда не будет моей. Никогда никогда никогда. Никогда никогда никогда. Никогда никогда. Дифбрилятор! Никогда. Еще! Никогда. Мы теряем его! Никогд... Я очнулся от того, что режиссер яростно трясла меня за рукав: «Ну же блин, очнись! Ты слышишь меня?!». «А?», – я провел ладонью пол лбу: он был весь мокрый. Оглянулся на холм – там никого не было. Никого никогда там не было. Никого и никогда. «Ээээээй!!! Ау!!! Сними грязный костюм, кидай вон туда в общую кучу: мы закончили», – до моего мозга донесся крик Лунтика, звучащего рядом и при этом издалека. Я резко взглянул на холм – там никого не было. И быть не могло... Сколько я так простоял? Мы же не могли закончить, пока пели ту одну песню. Песня длится ну минуты 4. Ну хорошо, пять максимум. Сейчас поляна была пустая, а тогда оставалась треть мусора точно... На автомате я кинул костюм в общую кучу, он был весь мокрый от пота, как и моя собственная футболка и шорты тоже. Мой мозг пытался найти объяснение моей внезапной коме, но не находил. Я не смог ничего придумать умнее, чем после этого всего пойти и на жаре выпить кофе. Надо было собрать мозги в кучу. Дурацкая московская привычка: в случае чего пить кофе. «Stay calm and drink coffee» – девиз всех хипстеров. Я не причислял себя к ним, но рано или поздно ты ассимилируешься. «С волками жить – по волчьи выть, жить с хипстерами – заливаться кофе под завязку». Я нашёл какое

то странное кафе: «Выпей кофе или умри». Название соответствовало моему состоянию, поэтому я зашёл. На свежесрубленных пнях сидел очкарик с планшетом, в углу целовалась парочка в огромных цветочных венках. Под барной стойкой на кучке соломы дрых пьяный парень, видимо, так и не уходил с ночной дискотеки. Норм обстановочка. Я аккуратно обошел парня, особенно его вытянутую руку с чьим-то бюстгалтером. Парень держал его крепко, как завоеванный флаг неприятеля. Взял американо, хотел взбодриться. Сел на веранде на длинный пень, за свежесрубленный стол, состоящий из двух досок. Провел рукой под доскам – немедленно поймал занозу. Еще одна, блин. Провел рукой по голове – на ней не было ни одного сухого волоска. Горячий кофе поможет мне, ага, как же. «Что же это делается, Пафнутий Бонифатьевич», – подумал я. Я не был ни тем, ни другим, но имя мне дико понравилось. Внушало оптимизм. Как будто я собрался и взял под контроль свою жизнь. Как будто я держу всё в своих могучих руках. Ни страха, ни упрека. Гордый собой, сделал пару глотков кофе. И мир прояснился, над поляной взошла радуга и понеслись серебристые единороги. Разбежались. Ну нет же, нет. Я был так же мокр, напряжен и растерян. Что это еще за хрень? Когда я в последний раз погружался в такую «кому», когда ничего не видел и не слышал? И это длилось больше чем 5 минут... И почему меня не растолкали раньше? Неужели никто не заметил? То есть ребята убирались, видели как я стою, как соляной

столб, смотрю остановившимся взглядом на абсолютно пустой холм и ничего не сделали? Почему? Разве это нормально? «Это ненормально», – ответил я сам себе и еще раз сделал глоток кофе. То есть, мне мерещится Она, и я впадаю в кому? «В сладкую кому», – тут же поправил меня все тот же тоненький голосок за правым плечом, – «в сладкую-сладкую кому». «Охренеть», – только и смог подумать я. Любовь похожа на вирус, который расползается по твоему организму. Сначала ты можешь с ним бороться, ну подумаешь, какой-то там удар. Потом любовь поражает сердце, легкие, мозг. Уже не можешь ни о чем думать. А потом она просто живёт в тебе и ты безвольно выполняешь всё, что она тебе говорит. Я был поражён, поражён в самое сердце. Она была на поражение, а я был никудышный солдат. Никудышный.

Я допил кофе, чуток просох. Проверял себя на устойчивость, как полк после разгрома противником проверяет боеприпасы, солдат и офицеров, оставшихся в живых. Так себе, скажу я вам, состояние. Даже Наполеон чувствовал себя лучше после Ватерлоо. Это все равно, что знать, что противник вычислил твое слабое место, и в следующий раз будет снова бить именно туда, а у тебя нет ни сил, ни желания защищаться. И ты бы сдался, но все твои предыдущие войны окончились плачевно, и твой несчастный, потрепанный в боях мозг все же самоотверженно хочет тебя защищать (тебя и твое тряпошное сердечко), и твоя гордость еще не выкинула белый флаг, так что ты и твои войска еще готовы сражаться,

заведомо зная, что проиграют. Готовы сражаться. В войне, где нет шансов победить. Где можно только оттаскивать раненых и стараться, чтобы тебя погибло как можно меньше, чтобы эта война не была похожа на все остальные, разорительные, всепоражающие, ужасные прошлые войны. Всё, что ты еще можешь желать – это молить Бога, чтобы эта война не была атомной.

Ну же, мои маленькие воины, защитите мое израненное сердце, встаньте мне на защиту от поддельной, от одноразовой, от жестокой любви – наваждения. И отвечали мои храбрые израненные воины: «Мы бы рады защитить тебя от подделок, но если всё по настоящему – извини».

Я закрыл лицо руками: «Ох, зачем меня мама родила?». Захотелось стать маленьким и беспомощным, уткнуться маме в колени, сказать: «Мам, ничего не понимаю» или «Мам, ну что за хрень?», или «Мам, ну почему я?». Мама жила в Нижнем Новгороде, в пригороде, с маленьким домиком с палисадником и шиповником. Вязала мне шерстяные носки, я приезжал каждое лето. Этим летом не был, сказал что я дико занят, она расстроилась, конечно, но не подала виду, помолчав в трубку телефона, тихонечко сказала: «Решай сам, сынок». Я сделал вид, что не вижу, как ей больно, нашел для себя оправдания какие-то, я же дико занят, ха-ха. «Надо ехать», – пискнул тоненький голосок за правым плечом. Я мысленно согласился, без спора. Немедленно потеплело на душе. Что бы вокруг не происходило, у меня же есть мама.

Я вдруг подумал, что вот собрались мы тут, несколько сотен тысяч человек. Сбежали из городских джунглей, из мегаполиса. Вырвались, как говорится, на свободу. Вот она свобода: лес, река, небо, природа. Кто-то как бухал в городе, так и тут бухает. Кто-то затарился, как наркоман, в последнем «Макдаке» на пути в лес бургеров, тот и продолжает жрать тут бургеры. Кто искал легкой одноразовой беззаботной «любви», тот и тут почти не выбирается из кустов. У кого была легкая склонность к эксбиционизму, тут она, конечно же, расцвела махровым цветом. Может быть, наш «Праздник непослушания» – это просто мираж? А мы просто стадо недоумков, которые не нашли этим летом себе лучшего применения, чем сходить с ума на бескрайних полях? Чем отличается идиот в мегаполисе от идиота в джунглях? Да ничем: и тут и там он одинаково делает полнейшую хрень. Да, мы вырвались на природу из душных офисов, да, мы вдыхаем запах травы и смотрим на сосны, да, мы весьма экологично спим на голой земле, пьем смузи и едим Гоанские пироженые, но какие еще отличия от того, что мы делали в городе? Неужели кто-то здесь, прямо в этих палатках, написал что-нибудь для нобелевской премии? Изобрел вечный двигатель? Решил проблему нищеты и голода (и я сейчас не про Африканский континент, а про Россию- матушку)? Спас больных лейкемией детей? Изобрел лекарство от рака? Что мы сделали здесь, кроме того, что надрались в стельку и переспали с парой случайных людей? Да, я же актер, и у нашего

театра благородная миссия: привносить нотку культуры во все это мракобесие. Да, наш театр делает тут спектакли, мы лезем из кожи вон, стараемся играть так, чтобы душу зрителя зацепило, но нужны ли наши глубокие спектакли про смысл бытия тем людям, которые находятся в состоянии постоянной легкой алкогольной эйфории или в поисках новых тел для совокуплений? А что делать нам прикажете? Нам: тем, кого еще алкоголь не поймал в свою ловушку и бес блуда удачно пронёсся мимо, тем, кто еще хочет изменить этот мир, тем, кто еще хочет сделать что-то прекрасное. Что делать нам? На эти вопросы не было ответов.

В моей Точке Безветрия ничего не происходило.

Я стоял один на прожжённой солнцем палубе корабля, обдуваемый теплым ветром. Старые драные паруса никак не хотели надуваться, их жалкие попытки сопровождались шумом хлопков и треском мачт. Не существовало ни прошлого, ни будущего: только я, мой корабль, кривая мачта, старые паруса, протертый скрипящий руль. И всё же, всё же, я был Капитаном. Высокие волны и шторм меня не пугали. Свистящий ветер в лицо не мог ничего сделать со мной. Я знал точно, куда мне плыть и что делать. Я впал в то сладкое состояние души и тела, когда лучи солнца настолько нагревают твою кожу, что ты как будто горишь изнутри, но это не всё поражающий, злой огонь, а мягкий, золотой, наполняющий тебя сиянием и природной силой. Я мог бы остаться здесь навсегда. Нет никакого «завтра» с его задымленным

мегаполисом и душным офисом. Есть здесь и сейчас с высокой травой, синей рекой, кучерявыми белыми облаками, синим небом, ласковым солнцем и моим кораблем. «Ээээй! Вы скоро слезете?! Мы с ребенком сфотографироваться хотим!», – услышал я душераздирающий вопль откуда-то снизу и вздрогнул. Снизу на меня смотрела семья хиппи, мама, папа и трехгодовалый ребенок, все в одинаковых венках из полевых цветов. «Надо уступить», – пискнул голосок внутри меня, а я мрачно подумал, что эти «дети цветов» мне вечно кайф обламывают и когда-нибудь доконают меня. «Дети цветов» радостно залезли на инсталляцию корабля, а я ещё пару минут посмотрел на него с грустью капитана, у которого отнимают его корабль, его жизнь. Было совершенно ясно, что эта семейка яростно ползет туда с жаждой все сломать и сровнять с землей и завтра этой инсталляции уже не будет в живых. Никогда не судите по внешнему виду: под ликом детей цветов частенько можно найти жуков ломехузы.

В моей Точке Безветрия ничего не происходило. Я побрел дальше, пиная успешными повидать виды кроссовками жухлую траву. Кроссовки были новые, когда я сел в автобус Москва – фестиваль тем историческим утром, несколько жизней назад, а сейчас выглядели так, как будто ими играли в футбол несколько поколений будущих Пеле из российской глубинки, но кого это волновало? Трава тоже выглядела так себе, как будто вот-вот, ещё немного солнечных лучей, и она превратится в перекасти-поле и будет тоскли-

во мыкаться с места на место где-нибудь в пустыне Айдахо. А сейчас я её пинал своими ужасными кроссовками, до тех пор, пока не почувствовал укол совести: «Угомонись!». «Она же мертвая», – разухабисто возразил я. «У меня всё живое», – незамедлительно услышал я в ответ и мгновенно смиренно перешел на тропиночку, пошел аккуратно, даже не поднимая пыль. Хотелось, чтобы все у меня в жизни наладилось. Вот на Руси даже имя было такое у девчонок – Лада. И молодым всегда желали: «Чтоб в семье был лад». А я хотел чтобы у меня по жизни был лад, понимаете? Было ощущение, что я окончательно разладился и понял это только здесь, среди бескрайних полей. Может это все произошло и раньше, но в городе я не имел шанса остановиться и подумать, в этой извечной круговерти в мегаполисе людей останавливает только смерть. Проскакивали унылые и шальные мысли, что я разладился навсегда, что никогда я больше не соберусь, что тело мое и душа моя навеки разобраны на запчасти. Я тогда толком не умел их прогонять. У нас в стране мало кто умеет прогонять унылые мысли. Максимум на что мы способны – это бухнуть. Оттого и говорят что у нас загадочная русская душа, а чего тут загадочного? Унывать любим, вот и всё. Борься с унынием не умеем, и даже не пытаемся узнать «А как?». Любой улыбающийся человек в метро вызывает подозрение и вообще, рискует получить в табло. А как же, всем плохо, а он лыбу гнет? А может, он надо мной смеется? Или у него в жизни все так шикарно, а

в моей так плохо, вот блин, так бы и дал ему в лоб! Опасно, опасно в России быть счастливым. И не столько быть, но показывать свое счастье. Все эти соцсети – огромная машина по воровству человеческой энергии, машина зависти, лести, ненависти, гнева. Ваш одинокий позитивный пост утонет в зависти 200 ваших «френдов». Капля в океане гнева и зависти. Никто не пытается построить хату лучше всех, все ждут, когда у соседа сторит. При таком раскладе я старался потихонечку думать о постройке своей «хаты». Вынужденно зарабатывал деньги в офисе. Нашел театр, репетировал как мог. Хотел найти любимую девушку, а не объект для перепихона. Я бросил пить. Я старался не жрать на ночь (вот этот вот пункт вычеркните, пожалуйста, что-то пока не спрслось). Не то чтобы я хотел быть супергероем для себя самого: я просто хотел себя уважать. Чисто по-человечески уважать. Что я сделал в этой жизни всё, что смог, чтобы не превратиться в животное с низменными инстинктами, чтобы не стать чудовищем, владеющим властью и прогибающим под себя всех и вся: я хотел остаться человеком. Так просто и так сложно. Вроде родили тебя, вроде ты уже человек. Вроде живешь как все, нормально. Вроде со всех сторон прав и безгрешен. Совершенство иллюзорных форм. Вся жизнь может так пройти, а в последние часы и минуты жизни небо будет внимательно наблюдать: в какую сторону завернет человек перед порогом вечности. Куда его потянет – в вечную тьму или в последний момент ему таки удастся вырлиться:

никто не знает, кроме неба одного. Я искал свой внутренний «лад» всю жизнь. Психологи мне не помогли, можете закидать меня тапками. Где-то, как говорят древние манускрипты, ходят истинные психологи от Бога, которых волнуют не только деньги, которые чтят кодекс врача «Не навреди», которые спасают людей, которым не всё равно. Но мне такие не попадались.

«Ээээх, Россея, матушка, куда же ты мчишься на тройке с бубенцами? А не понесли ли твои кони давно, не пьян ли ямщик? И только круглая оранжевая луна светит, да снег из-под колес летит. И от свиста того леденеет в душе. Только свист этот окаянный в тишине ночной. Мелькают замерзшие пруды, белые деревья, спящие деревеньки. А ты все несёшься и несёшься и нет никого на белом свете, кто бы тебя остановил, кто бы сказал «Тпппрууу, разворачиваемся», да коней под уздцы, да напоить колодезной водицей, а Тебя, красавицу, за ручку белую да в терем высокий да за стол, в чистоту, теплоту да уют, чай с малиновым вареньем пить.

«Почему я должен переживать за всю Страну?», – подумалось мне с раздражением. -Политики не переживают, правительство не переживает, а я вдруг, 26 лет отроду, актер, офисный клерк и пухляк, должен переживать? А что, у меня забот других нет?»

Я находился в Точке Безветрия. Солнце жарило так, что думал, схожду. В бесконечно высоком голубом небе было ни облачка. По сути, я был хиппанутым курортником. В нашем

распоряжении был лес, было солнце, была речка, и даже шезлонги, наспех сколоченные из досок и кусков брезента. Загорелые крепкие девчонки-барменши ваяли Гоанские коктейли, полуобнажённые танцовщицы танцевали под тамтамы, не жизнь- сказка. Оппп стоп, я вдруг понял, почему меня постоянно клонило завернуть в лес, в глубокую тишину. Тамтамы!! Грёбаные тамтамы, звук от которых не прекращался ни на одну секунду, ни днём ни ночью. С пересменкой там у них, что ли. Они реально играли 24 часа в сутки, не останавливаясь. Изнемождённые полуголые девчонки танцевали в последнем издыхании на виду у всех, на смену им приходили другие, с коктейлями в руках. Тамтамщики погружались в какой-то транс, из которого с трудом выходили, и выходили ли вообще? Я, сторонник различной неформальной музыки, относящийся хорошо и ровно и к попсе, и к року, и к инструменталу, не мог больше слушать этих грёбанных тамтамщиков. Понятно, что они вызывали животные глубинные инстинкты внутри нас, они способствовали медитации и наверняка снятию стресса, но блин! Я же не животное! К чему было все это вызывание моих инстинктов? Я не хотел погружаться в это во всё, я был на своей волне, к тому же я видел эти лица, погружённые в транс и я не хотел ни обманывать себя, ни быть обманутым. Я вовсе не для этого перестал пить и почти перестал жрать, чтобы найти себе очередную пустышку-обманку, заменитель жизни в стиле: «Иди к нам, у нас кайфово, а то, что плата за это уйма времени, лич-

ной энергии и часть души, так это недорого – вон у наркоманов гораздо дороже». Я резко завернул в лес. Меня осенило: так вот в чем причина тревоги: этот непрекращающийся звук тамтамов, выворачивающий меня наизнанку, сводящий с ума. Они и ночью играли, только тише. Вот откуда мои шаманские, странные сны. Так вот откуда это всё. Я нашёл раздражитель, я нашёл причину: «А ларчик-то просто открывался». Может, внутри меня не любовь, а просто раздражение на все на это?

Не, ребят, это, сука была она. Я случайно вышел сквозь лес на волейбольную площадку. Играли девчонки, как ни странно, одетые в форму. Орги натянули сетку посреди двух столбов, насыпали мел по периметру: выглядело все почти как в городе, на каких-нибудь соревнованиях. Моя Нимфа прыгала в ультракоротких шортах и в белой майке, опять надетой на черный бюстгалтер. Ох, её лифон был с кружевами, я это ясно увидел, от неожиданности сел на пень. В горле пересохло, мяч летал туда-сюда, а я мог смотреть только как взлетают ее рыжие волосы, как внезапно резко подпрыгивает ее большая грудь, когда она пытается отбить мяч, как она хлопает себя по бедрам, отбиваясь от комаров. Ко мне подошла какая-то девушка от оргов, спросила, не новоприбывший ли я, и не от группы ли музыкантов-рокеров. Я молча, с полуоткрытым ртом посмотрел на нее, соображая, что ответить, но в этот момент одна из спортсменок с хохотом сказала: «Отстань от него, это ж актер малахольный».

Что, не видишь, он в образе». Все захохотали, а моя нимфа обернулась на меня, прищурилась и, наконец, увидела. Что, она плохо видит, что ли? Торчу тут уже давно, как идиот, просто ем Её глазами, остановиться не могу, очень палевно всё это, блин. Она посмотрела долгим внимательным взглядом на меня, разгоряченно откинула прядь волос, вспыхнула, и, отворачиваясь, слегка улыбнулась. Это было достаточно, чтобы внутри меня расплавилось все, все органы, кровь, вены, сердце, легкие – все превратилось в расплавленное шоколадное фондю, внутри которого плавали маленькие розовые зефирки, на которых было написано одно и то же: «Ура. Она меня заметила». Как же мы просто устроены, мужики. Ох, я только что был такой умный, и вот опять. Рассуждать о судьбах России очень легко, пока тебя не зацепили сетью. Каждая девчонка по утрам мысленно закидывает свою сеть и, морща носик, наблюдает, сколько рыб бьется в ней, ловя ртом воздух, пойманных за один раз, за один взмах ее ресниц. Хороший улов сегодня, думает она, коснувшись мягкой подушки и с удовлетворением сомкнув ресницы. Вы видели, как засыпают девчонки, разбившие максимальное количество сердец в течение дня? – Как будто они получили большой приз. Как будто весь мир им покорился. Как будто Грэмми в одной руке, Нобелевская премия в другой, и Оскар на груди. Как будто они выиграли у жизни в русскую рулетку. Выбили 10 из 10. Поставили на красное и вынесли казино. Так засыпают эти девчонки. Так наверняка засыпала и

Она, вертя мое сердце на пальчике. На её розовом пальчике. Ох, как несправедлива жизнь! Неужели хоть раз я, хоть одну девушку оставил страдать? Бросил, изменил, оставил ее одну под проливным дождем, заявив, что мы расстаемся?! Не было этого ни разу, никогда! Так почему же сейчас, я, как полоумный, брожу по лесу и вздрагиваю и покрываюсь испариной и теряю последние мозги, когда ее вижу?! Чем я так прогневил небо?? За что эта карма?! Может быть, я хочу, как все остальные, бухать по вечерам и спать с кем попало в ближайших кустах. «Думаете, слабо? Думаете, слабо?! Слабо?!», – я вдруг осознал, что, закинув голову в небо, я проговариваю это вслух и уже почти кричу, как вдруг огромная шишка упала с елки и врезалась мне в темечко, аккуратно в третий глаз, если бы он у меня был. Я заорал. Было не больно, было обидно. Я потерял лоб. Красный, наверное. И синяк, наверное, будет. Я вышел к волейбольной площадке из-за елей, за которые я, видимо, опять на автомате зашёл, чтобы поразмыслить о своей нелёгкой судьбе, и увидел, как веселая толпа волейболистов, хохоча и смеясь, скрывается за поворотом. Волейбольная площадка была пустой, не было даже намека на толпу оголтелых спортсменов, которые только что здесь были. И Девушка Моей Мечты ушла с ними. Я не понял, как это вообще всё произошло и в какую временную яму я опять провалился. Почему я даже не услышал, как закончилась игра и как все ушли? Происходило ли все это на самом деле? Может быть, у меня уже глюки и это мне все

привиделось? Я вижу Её там, где Её нет и быть не может? Я начал сходить с ума? Я уже сошел? Риторический вопрос. Я опять все прошляпил. Я опять во всем виноват. Я один виноват. Я один. Виноват. Сгорбив плечи, я поплёлся к своим.

Все внутри меня кричало, что я 15-летний пацан и так глупо, так непоправимо глупо влюбился, как михрютка. Знать бы еще, кто такой «михрютка», но что-то мне подсказывало, что это был именно я. Моё советское подсознание выдало это слово, и я точно знал, что это я. Ну не знаю, погуглите. Я пинал шишки, валяющиеся под ногами, тёр лоб и впервые за все это время подумал, что пора возвращаться в город. Ну его на фиг, у нас остался последний спектакль, я отыгрываю его и сматываю удочки, даже если ребята будут против. Я не хочу, чтобы мое сердце каждый Божий день разрезали на тряпочки. Хочу вернуться здоровым и полным сил, без всех этих нелепых влюбленностей, похожих на раковое заболевание. Я жру сам себя. Я так больше не могу, я выдохся, я добежал до финиша. Не надо меня фотографировать, папарацци, уберите ваши вспышки. Я дожил, я добежал, я упал прямо на финишную прямую и не могу дальше никуда ползти. Может современный мужчина хоть раз показать свою слабость? Мы так долго скрывали наши слезы, что внутри нас они превратились в камни. Мы огромные каменные мешки и любое мало-мальски настоящее искреннее чувство немедленно тянет нас на дно, убивает своей чистотой и откровенностью. Поэтому мы так его боимся. Страх движет нами. И чем даль-

ше, тем больше страха, чем больше страха, тем больше усталости. Мужчина не может говорить что он устал, он может только умереть от усталости. Я смертельно устал от игр судьбы со мной. Не знаю, возможно, я был для нее пухлым котёнком и она забавлялась, играя со мной. Я устал быть забавой. Я хотел сесть за руль автомобиля своей жизни. Я хотел сам выжимать скорость и улыбаться встречному ветру. Мне не хотелось быть больше игрушкой в чьих то руках, пусть даже это руки судьбы. Не было во мне смирения, я был сам себе шах и господин, я грозил пальцем небу, я был возмущен, я не хотел быть белой подопытной мышкой. В таком суровом и решительном настроении я вернулся в лагерь и почти сразу увидел, что Сашка сосет ногу Рыжей, вокруг стоит толпа наших актеров во главе с режиссером и комментируют их действия. «Это что-то новенькое»,— подумал я,— «ставим порно что ли?». Как выяснилось, Рыжая нашла где то ухажера на мотороллере, они, счастливые и беспечные, гоняли по лугам, пока наконец какая то оса не укусила ее в пятку(Потому что Рыжая, конечно же, как истинный Деть Цветов, ездила босоногой). Ее новый ухажер быстро умчался в местный киоск за зеленкой, а наш Сашка предложил отсосать яд, под тщательным руководством нашей труппы. Все происходящее можно было коротко назвать «И смех, и грех», потому что народ частично сочувствовал Рыжей, частично ржал над гримасами Сашки, который давно и безуспешно пытался за ней приударить, а тут выдался такой случай. Рыжая боялась,

что жало останется в ноге и просила «Сосать лучше», что вызывало новый взрыв хохота. Мы не услышали приглушенный звук мотора, поэтому все вздрогнули, когда вдруг в эту роковую минуту за нашими спинами раздался голос сорокалетнего «успешного» бойфренда. Рыжая мгновенно резко убрала ногу, из-за чего Сашке чуток прилетело по зубам и он застонал. «Тттты? К-какими судьбами? Ты же не собирался приезжать?», – Рыжая судорожно одернула платье и поправила прядь волос. «Да вот, хотел вам тут вечеринку устроить, развлечь вас, но я вижу, что вы и без меня неплохо развлекаетесь». Он развернулся так круто, что, казалось, бахрама с его ковбойской куртки осталась висеть в воздухе, в режиме слоумо. Рыжая ринулась за ним, хромая и на ходу оправдываясь и щебеча, нелепо пытаюсь обнять его за спину. Её руку он резко скинул и продолжал стремительно идти к машине. «Блин, ну почему, почему, что бы мы не делали, получается какой то отборный треш с вставками из мыльной оперы?!», – режиссер возмущенно всплескнула руками. Лысый мрачно хмыкнул: «Ладно бы это еще был сериал «Друзья». А то ж чистая «Санта-Барбара». Сашка радостно поддакнул: «С элементами порно». В этот момент на площадку перед палатками выехал мотороллер, размахивая бинтами и пузырьками: «Зелёнки не было! Есть спирт! Где она? Яд отсосали?» Мишка остановил незадачливого ухажера: «Тссс, ей как раз сейчас отсасывают мозг». «Ну, мозг у неё точно не самое сладкое», – буркнул Сашка и Лунтик слегка треснула

ему по губам. «Нееет, это не «Санта-Барбара», это «Тупой и еще тупее», – задумчиво произнесла режиссер. Мотороллер трусливо смылся, кто-то продал в соседнем лагере рулон туалетной бумаги за пачку сосисок, все собрались у костра и принялись их жарить в мрачном молчании. Всем было понятно, что, скорее всего, стареющий ковбой простит Рыжую, тем более, очевидно, что ничего страшного не происходило – мы все из одной труппы, Сашка просто пытался облегчить ей участь, отсосать яд и тд. Но в воздухе висело какое-то общее ощущение искусственности этих отношений, чего то явно не из нашего села, чего то омерзительного и вместе с тем страшного. «Он же ей противен», – вдруг задумчиво сказала режиссер. «Лишь бы она там долго с этой ногой по лесу не скакала, мне кажется, я не все убрал там», – вздохнул Сашка. Лунтик откинулась на рюкзак: «Да ушщ, полна «ж». Угораздило же его сюда примчаться. Сидел бы дома». «Ага, как почувствовал», – кивнула Ленчик и передала мне горчицу. А я подумал, что все дело в том, что мы не умели продавать себя. Ни за будущие роли, ни за статус, ни за деньги. Никто из нас толком не умел и не хотел этому учиться. Рыжая первая, кто на наших глазах пытался «мутить» за будущие роли. Мы знали, что у них там толком ничего не было, но сам факт того, что она водит его за нос ради своей выгоды, ради «звёздной» карьеры, и то, что он рано или поздно может потребовать «плату», выбивал нас из колеи. Оставалось надеяться на врожденную хитрость Рыжей, а она была хитра, наша ли-

было по фиг: мы любили ее не за это и никогда не обсуждали ничью личную жизнь, если только не нависала угроза безопасности, как сейчас, например. Сашка колдовал над ногой Рыжей, глядя на нее влюбленными глазами. Она ни разу не спросила про мотороллера(бедный парень на наших глазах стремительно летел во френдзону). Кто то затянул древнюю песню «На поле танки грохотали..», я было подумал, что после всего пережитого можно было бы спокойненько пойти в палатку и уснуть, как все нормальные, в общем то, люди, но опять что-то звало меня в путь. В моих черных подглазниках от недосыпа уже можно было утонуть. Я видел: в них плавали черные дельфины, блестя своими гладкими спинками под высокой белой безмолвной луной. Черное море плескалось в моих подглазниках. Там было всё. Я корил себя за недосып: ведь я был на отдыхе и не работал в офисе. И не выступал. Спектакль перенесли на завтра. Я не бухал. Не курил. Не обжирался. Я вел фактически здоровый образ жизни. Больными были только мои мысли о Ней. Они и выносили меня каждый вечер в неизвестном направлении. «Дурная голова ногам покою не дает»(с) Моя дурная голова не давала покоя ни моим ногам, ни моим рукам, ни телу, ни мыслям – ничему. Я, как привязанный осел, ходил по кругу. Круг уже был протоптан моими мучительными скитаниями, я знал почти каждую травинку, которую встречу на пути: сначала мост, потом навес из огромной вилки и ложки, потом «Презервативочная», открытая 24/7 с небольшой стайкой озабоченных,

немного подальше так же круглосуточная лавка с жареными луковыми кольцами (моя тайная страстишка, ходил туда ночью жрать и не говорил никому), левее сырная, но там всегда было много народу. В центре круглый шатер с глинтвейном и прочими горячительными, нужно идти осторожно, иначе можно ночью наступить на тела молодых и дерзких кутильщиков, которые отрубаются там же где и пьют, недалеко от шатра, а утром там же и похмеляются. Кофейных точек было всего три и всех их я знал наизусть. Хотя я вру, вру вам, чтобы вы их не нашли: на самом деле их было 5, в последние дни появились 2 подпольных с турецким кофе. Но нет, сегодня я шел не туда. Прошел, почти переходя на бег, мимо остова корабля, который опять насильовали дети «детей цветов». Мельком заметил, что парус уже приказал долго жить. Пробежал мимо дискотеки в стиле гиперпанк – никогда их не понимал, олдскульные панки мне дороже: они хотя бы губы не красят. Выскочил на прямую и прибежал к обрыву. Вдали виднелись озера и бесконечные леса, наше палаточное «лежбище» находилось будто у матери-природы на ладони, а я сейчас смотрел на основание руки. От заката осталась уже не краюшка хлеба, а алая крошка. Эта крошечка подмигивала мне из-за облаков, сообщая, что вот-вот исчезнет, а я весь напрягся и дрожал, как будто от этой крошки зависит моя жизнь. И вот. Закат исчез. Кончился. Солнце прекратило быть. Нет, оно где-то было, но здесь и сейчас прекратило. Перестало. Было и устало. Перестало быть. И я

полностью ощутил горечь потери. Что? Какую запчасть вырвали, когда делали меня? Что не положили? Какой криво-рукий Сборщик №3 собирал меня?! Почему я ощущаю такую горькую потерю из-за какого то грёбанного заката?! Там, позади меня, тысячи, десятки тысяч и сотни тысяч молодых людей пьют, веселятся, танцуют, совокупляются в бешеной страсти, прожигают свою молодость и празднуют лето, а я тут стою один, на краю обрыва и чувствую тоску за весь род человеческий. За что?! Что я сделал плохого?! Чем прогневил Бога? За что мне такая тонкая кожа, ну почему мне не выдали кожу потолще?! Где моя вековая броня?! Ну почему бездумно веселятся они, а страдать должен я?! На каждой, каждой, каждой вечеринке я чувствую экзистенциальную тоску и хочу забиться в угол. Это веселье так натужно, так бессмысленно. Это бесконечное хвастовство нарядами и гаджетами, это лайканье друг друга в соцсетях, это выставление напоказ шмоток, телефонов, планшетов, домов, яхт, детей. Они даже детей превратили в продукт. Заставляют их рекламировать одежду, выставляют их успехи напоказ, с пеленок бедный ребенок – просто разменная фишка в жесткой схватке его родителей за успех. Он еще не успел родиться, а его уже продали. Видео с родов ушло с лотка, фолловеры кричат «ура!», рекламодатели потирают свои липкие ручки. Милое личико малыша принесет миллионы. И потом столько вопросов странных возникает, когда дети становятся подростками и хотят умереть. Ну да, и как же так получи-

лось то, ведь все было хорошо, ведь всё было лучше некуда?!

На рукав моей толстовки сели два совокупляющихся мотылька – однодневки. «Я вам не траходром», – подумал я резко смахнул их с рукава. Они живут всего 24 часа, может быть, им простительно?

Страдание мое не уменьшалось. Я был один, как перст. Не то, чтобы я прям хотел страдать, нет. Но это ощущение всеобщего праздника, обилие молодых голых жизнерадостных тел, употребляющих все, что можно пить и курить, совокупляющихся в лугах, лесах и полях, ничего не вызывало во мне теперь, кроме тошноты. Эйфория свободы сменилась полным унынием от осознания, что наша тюрьма находится не в стенах офиса. Наша тюрьма находится внутри нас. И если поменять стены офиса на лес, речку, луга, поля, леса, дать в руки бухло, раздеть и сказать: «Ну вот, теперь на ближайшие 2 недели ты – счастливый человек», – то это не означает, что раб почувствует, что с рук и ног его упали кандалы. Он станет зависим от этого луга, речки, природы, обнаженных тел и бухла. Стены его тюрьмы немного расширятся, но станут даже крепче. А, впрочем, какое мне дело до других? Я уходил вглубь себя, снимая слой за слоем. Убирая все привычки, привязки, комплексы, чьи-то злые слова, зависть, мракобесие, тревогу. Я уходил внутрь, я очищался. Если поднять голову и смотреть на верхушки огромных деревьев, можно понять, насколько ты мал в этой огромной Вселенной, и насколько малы твои проблемы. И вообще, су-

ществуешь ли ты на фоне этой вековой природы? Или она смахнет тебя, как крошку со стола после обеда, и не заметит? А если ты самая любимая ее крошечка, и лежишь на бархатной маленькой подушечке в маленькой золотой шкатулочке, и любые твои проблемы, слезы, горе, метания расстраивают Вселенную? Если она тебя сделала, положила на маленькую подушечку в маленькую шкатулочку, и каждый вечер, ложась спать, она смотрит на тебя, и ждет, когда же ты вырастешь в огромное хлебное дерево, в баобаб, в стройную ель, коснешься верхушкой Её лица, когда ты станешь поистину велик и сможешь достойно вести свою беседу с ней? Но нет, каждый вечер она приближает Свое Прекрасное лицо к этой крошке на подушке и слышит твои мысли: «Посрался с тем, посрался с этим. Шеф – говнюк. Жена, дура, достала. Дети мои – дебилы. Дерьмовая работа, дерьмовый офис, дерьмовый мир. Ненавижу всех, все меня достали!». Она грустно вздыхает, закрывает шкатулочку, одну из миллиардов, триллионов шкатулочек и идет разговаривать с теми немногими баобабами, с теми прекрасными соснами, с теми хлебными деревьями, которые дали богатый урожай. Под листьями этих деревьев- великанов можно спрятаться от жары, зноя, невзгод и выюг, потрясений и коллапсов. Долго – долго Вселенная разговаривает со своими великолепными соснами, баобабами и хлебными деревьями. И те внимают ей всю ночь, до самого утра.

Я не заметил, как забрел в сухую траву, она была мне по

середину щеки. Вы понимаете, откуда сухая трава посередине лета? Я вот не очень. Трава была похожа на рожь. В ней тоже были колоски. Но она была размером с тританозавра. Есть такие вообще? Ну, блин, в общем, высокая. Я почти утонул в ней. Виднелась только верхушка моей головы. Я никогда не видел такой желтой, сухой, шуршащей травы. Я стоял посреди нее в точке невесомости. В моей Точке Безветрия, есть быть точнее. Я почти избавился от своей тоски, своего горя, неразделенных чувств. Я внезапно почувствовал любовь ко всему миру. Мне было, в общем-то, все равно, полюбит Она меня или нет. Я никогда не чувствовал себя и свое сердце таким живым. Это то самое слово: я просто был живым. Упоительное, удивительное ощущение. Этого вполне достаточно для счастья: чувствовать, что душа твоя не умерла, и, когда-нибудь, она вырастет в огромную сосну, баобаб и хлебное дерево, и я смогу разговаривать и понимать тех, кто создал меня... таким классным! Я вдруг понял, что я офигителен. Я стоял в этой высоченной сухой траве, раскинув руки и задрал голову в чернильное небо и понимал, что я великолепен. Что я всемогущ, я могу все. Просто все. И мне абсолютно все равно, что скажут или подумают про меня люди. Со мной был мой лес, моя речка, мои луга, моя высокая желтая сухая трава и Вселенная. Я был круче всех, всех самых крутых! Круче меня не было никого! Это ощущение всемогущества не оставляло меня. Я мог подзарядить атомную подстанцию сейчас. Осветить города.

Повернуть реки вспять. Запустить гидростанции. Ракеты в Космос. На всей планете были только я и моя Вселенная, и больше никого.

Только я, чернильное небо и звезды.

Глупо оправдывать себя. Каждый из нас в состоянии контролировать свою жизнь, это понятно и ежу. Давай, похлещи себя по щекам, взбодрись, умойся холодной водой, выпей кофе. Кофе! Я опять нашел себя стоящим за стойкой ночного кафе и бормочущим «Один американо, пожалуйста». Дурацкая московская привычка. Курильщики меня поймут: вот вам нужно собраться, принять верное решение, вот что вы делаете? Правильно, идете и закуриваете. То есть, с точки зрения ЗОЖ, конечно не правильно, но сейчас не об этом. А что вы делаете, когда во время выкуривания первой сигареты решение еще не созрело? Верно, выкуриваете вторую. И так до бесконечности, пока дым из ушей не пойдет. Понятно, что так делать 24/7 нельзя, возможности человеческого организма не бесконечны. Но сама схема принятия решения понятна, да? Кажется, что решение зависит не от тебя, а от сигареты. И если сейчас не смог принять решение, то следующая выкуренная сигарета наверняка поможет. Несусветная глупость, конечно. Как будто от дыма сигарет, убивающих ваши легкие, в мозгу вдруг прибавится извилин. Как будто от чашки кофе появятся мысли, которых до сих пор не было в голове. Дурацкая вредная привычка – не более того. Внешнее не влияет на внутреннее. Мой «Сборщик №3» зна-

ет, о чем говорит. Я мог показать fuck всем адептам ЗОЖ – я никогда не курил. Не смог привыкнуть, не понравился дым вокруг меня, извергаемый мною, как огнедышащим драконом. Запах. Провоняли все мои вещи, а пробовал я курить лет в 17, и так трясся что мама узнает. Ох, мне бы прилетело. Шкерясь, курил месяц, когда не поступил в тот универ, в который хотел. Трагедь всей жизни тогда была, ха-ха. Сейчас бы просто плюнул и растёр. А тогда нет, тогда трагедь. Ну, и не втянулся, короче. Но кофе, сука, кофе. Заставляет меня прощать этому миру все: все его неровности, складки, расстройства, унижения, несправедливости, взаимную любовь. Сука, кто изобрел этот наркотик, который маскируется под невинный напиток, тому нужно дать Нобелевскую премию и горы, просто горы золота, богатств и денег от всех кофеманов мира. Чувак, да мы живы только благодаря тебе. Мы верим в себя и в следующий день только благодаря кофе. Кофе – тот мотор, который заставляет нас работать до седьмого пота, чтобы наша, блин, мечта, блин, наконец исполнилась! Кофе заставляет нас шевелить лапками, когда хочется лечь и умереть. Кофе бодрит, кофе заводит лучше любимой женщины. Кофе хочет с нами быть всегда, ему все равно, горячее молоко к нему мы добавим или холодное, и сколько ложечек сахара, и корицы: он отработает своё даже если мы будем пить его гольняком, без всего, просто бахнем американо, ребята, и всё, просто американо и всё. Кофе, любовь моя, ради тебя я еще держусь молодцом на этой планете. От

того, что я пью тебя литрами, глаз мой еще блестит, и я все еще бодр духом и меня все еще не победили.

Ноздри мои затрепетали, едва бармен поставил передо мной дымящуюся чашечку американо. От земли поднимался запах травы, от кофе шел густой пар и запах, Тот Самый Запах, разносящийся во всю округу. Я был счастлив.

Как вы догадались, никакого решения ко мне не пришло. Я снова брел без цели, без направления и почти без мыслей. Влюбился ли я в неё или мне только показалось? Хочу ли я действительно быть актером или я просто пытаюсь сбежать из невыносимого офиса? Кто я вообще? Временами кажется, что я отвратительно ленивое чудовище, которое катится бессмысленно по волнам жизни, ничего нового в жизнь не принося. Жизнь смотрит на меня, делает face palm, расстроено говорит: «А задумывали его, как разумное существо. Что и где пошло не так?». «Что же пошло не так?», – спрашивал я себя, пробираясь через ряды высокой травы. Вот сейчас спросить, что происходит вокруг? Наверняка классно проводят время: где то танцуют на дискотеке, пляшут, бухают, веселятся, занимаются сексом – всё найс, так и должно быть, пока мы молоды и нас не призвали к ответу. Так почему же я один, как идиот, бреду посреди высокой травы, накаченный кофе под завязку, что я ищу, и где я это потерял?! Закричала выпь. Откуда я, житель мегаполиса, узнал, что это выпь? Я просто подумал, что больше некому. Ну, или это было мое подсознание, которое я уже достал своими размышлениями

и литрами кофе. Она немного покричала и успокоилась. Наверное, у выпи тоже был экзистенциальный кризис. Я не пришел ни к чему, ребята. Ни к чему. Луна бесстрастно висела надо мной огромным оранжевым мандарином, я ничего не понимал. Иногда все, что нам остается, это «идти на солнце вдоль рядов кукурузы»(с). Иногда, все, что ты видишь вокруг себя после жизненного крушения – это высокую траву, высоченную, ребята, выше твоего роста, этот слой ужаса и проблем, что ты даже не видишь, где он кончается, и когда ты задираешь голову вверх, чтобы посмотреть, с тебя просто падает кепка. Все, что тебе остается, это «идти на солнце вдоль рядов кукурузы»(с). Потому что ничего, кроме этого ориентира – высоко висящего в безмолвном небе огненного шара, нет. Ты один на один с этими бесконечными рядами кукурузы.

Ты рад, что выжил, но абсолютно не понимаешь, в каком направлении двигаться. И только солнце может указать тебе путь, только оно.

Я озяб. «Озяб» – такое уютное слово. Так бабушки еще совсем недавно говорили своим внукам, накатавшимся зимой с горы, ввалившимся домой огромным снеговым комом: «Озяб, родной? Сейчас чай с малиной будем пить». И валенки стягивает – а в них сугроб снега. Самовар закипает, бабушка достает блины и варенье. И уютно так. И хорошо.

Ночь холодила. Что я тут пытаюсь найти? Квакали лягушки совсем недалеко от меня, я побрел на звук и вышел на

тропинку. Ну, так и есть, сидят прямо на тропинке, морозят свои задницы. Хоть бы кто-нибудь объяснил мне, что за ночные тусовки у лягушек на тропинках и дорогах? Они сидят там, рискуя быть раздавленными. Грозят случайным прохожим инфарктами, когда у тех лягушки выпрыгивают в последнюю секунду прямо из-под ног. Сидели бы в кустах, но нет, вот прёт их тусоваться. Если бы я был девчонкой, я бы визжал. Просто визжал. Но я мужественно шел, посекундно вздрагивая, когда очередная длинноногая, взлетала как ракета, из-под моего кроссовка. Я включил фонарик на телефоне, но он мало помогал. Странная у лягушек корпоративная логика: «Пойдем ночью тусоваться туда, где днем ходят двуногие, но ночью то мы короли дороги, ййуууххххууу!» Я уже вышел на центральную дорогу, как вдруг одна мысль посетила меня: «А может, я просто схожу с ума? Что я тут ищу, как дурак, по ночам, в высокой траве, рискуя нарваться на змею или оргию? Ведь вполне можно сейчас сладко пить глинтвейн, весело танцевать на столах, на худой конец, приударить за Лунтиком. Нажраться чего покрепче, пойти выяснять отношения с Девушкой Моей Мечты. По крайней мере, можно еще раз пойти в тот злополучный бар, где мы познакомились, а дальше – как пойдет. Пойти посмотреть на танцы полуобнаженных девчонок под тамтамы. Сожрать несколько гоанских пирожных в один присест, закусить картошкой с салом, спорить с мужиками в пивной о судьбах отечества, искупаться голым, наконец. Курить кальян, валяться в траве.

Столько развлечений. Что же я тут хожу, как последний дурак, ночами по лесу, чего выхаживаю? От этих мыслей я так разволновался, что сел на пень там же, где меня застала эта мысль и начал смотреть в темноту. Я смотрел в нее, не видя и не различая ее, и уж, совершенно точно, я не хотел, чтобы «тьма всматривалась в меня». Да пусть они там бухают и спят с кем попало», -пискнул голос внутри меня,-«а ты даже и не думай. Ты уже близко». «Кому признайся, что внутри меня голоса – пожалуй, в психушку упекут»,– внезапно довольно подумал я и расхохотался. Некстати вспомнилось, как писали во всех лентах новостей, как молодая девушка в США пришла к психологу в панике, заявив, что слышит голоса и с требованием срочно положить ее в психушку. На деле выяснилось, что впервые за долгие годы девушка услышала ход своих мыслей. То есть думать начала девчонка, перепугалась и помчалась к психиатру. Ну, это ей еще повезло, что она услышала свои мысли, у нас некоторым это не грозит. Мне сказали, что я был близок: нужно было найти ту мысль, с которой я так близок к развязке, что даже тоненький голосок моей совести дал сигнал: «Мы почти пришли». Я обычный среднестатистический клерк. Звезд с небес не хватаю, это ясно, да и ленюсь. По вечерам, в свободное время, я актёр. Тут я трудоголик, «рву жопу», но мало кто это ценит и вряд ли оценит спустя годы. Это еще большой вопрос, будет ли моя актерская карьера успешна. Я полноват. Никак не могу согнать лишние кг. Есть подозрение, что все от нервов. Я

холост. И глуп. Нет, давайте сначала про холост. Не женат, 26 лет, мужчина в самом расцвете сил. Влюблён, втрескан по уши в пухлощекую девушку с рыжими волосами, которая носит черное белье под белый сарафан. Вот и дали мне коротенькую справку, все понятно, понятнее некуда. Тем людям, которые спрашивают мое семейное положение, мой возраст и уровень зарплаты, невдомек, что надо мной всегда открыт люк в самую огромную, невероятную, бесконечную Вселенную. Она сияет надо мной чернильной высотой, блестит золотыми звездами, дышит мне в затылок, обволакивает мои глаза, радуется моей улыбке, убаюкивает меня каждую ночь. Этим земным людям невдомек, что я всего лишь оболочка от человека, видимость, которая защищает Вселенную внутри меня. Про нее никто не знает, кроме меня и ее. Мы вдвоем защищаем нас. Я идеально похож на человека. Я даже иногда психую как человек. И пару раз в школе специально приклеивал жвачку под парту, чтобы быть как все. Летом отключают горячую воду – я гневно пишу посты в соцсетях, ною с приходом осени и пою со всеми песню «Третье сентября». Я стал как все, я ассимилировался. Вру. Я притворяюсь. Я научился быть, как все. Мне можно вручить «Оскар». Да. Можно завалить меня этими фигурками, покрашенными золотой краской за то, как удачно я в этой жизни играю Человека. Я, носящий тяжелую Вселенную внутри. О которой знаем только мы: я и Она.

Утром я проснулся от возмущенных воплей режиссера и

Мишкиных оправдывающихся подвываний. С трудом разлепив глаза, какое то время я рассматривал потолок палатки. Вопли не прекращались. Я нехотя выполз на белый свет. Выяснилось, что Мишка оставил кроссовки рядом с углями затухающего костра, и, в общем, от них мало что осталось. Другой обуви у него, естессссно, не было. Режиссер вопила, что еще играть в спектакле, и вообще, как-то жить, и что таких безответственных актеров как мы, она еще не встречала. Мишка прыгал в полиэтиленовых пакетах на обеих ногах, перехваченных женскими резинками для волос. Он не выглядел сильно расстроенным, ему вообще, судя по всему, с первого же дня пребывания тут, было страшно по фиг на все. «Мне бы так», – совершенно искренне позавидовал я. Воспитательные крики режиссера про наш общий пофигизм и развиздьяйство, видимо, были слышны по всему палаточному лагерю, потому что от соседнего костровища донесся крик: «А какой у него размер?». Мишка радостно сложил руки рупором и заорал «Сороооккк первыыыйй». И тут пропали все мужики нашего театра. И даже местами я (если бы не Девушка Моей Мечты, то целиком). К нам шла Богиня. Она была настолько красиво накачена в нужных местах, что по ней можно было показывать анатомию строения мышечного тела. Ее обтягивающее трико подчеркивало все, что было нужно и не нужно: я видел, как переливаются ее круглые мышцы, как упруго и невесомо она идет. В руке ее небрежно качались салатовые тапочки, она их протянула совершенно

обалдевшему Мишке: «На, не плачь». Челюсти наши можно было подбирать с пола. А потом она повернулась спиной и все увидели то, ради чего русские девчонки до изнеможения делают присед и выпады со штангой, то, на чем инстаграмные гуру фитнеса делают сумасшедшие деньги, то, о чем мечтают почти все мужики мира: ее попа была как орех. И шла она так медленно, что еле слышный стон всех наших мужиков явственно висел в воздухе, хотя каждый, как мог, подавил его. Немую сцену разрушила недовольная Лунтик, она подошла к салатovým тапочкам и спросила: «Это что, ее? У нее что, 41 размер?!» Мишка перевел глаза на тапочки и немедленно засунул в них ноги. Влез. Лысый, вытирая пот со лба, пробормотал: «У нее правильный размер». Сашка сел на бревно и расстегивая ворот рубашки медленно, на выдохе, произнес: «Ага, то что надо». Режиссер пробормотала: «Ну, раз проблема решена, то я к оргам». Наташка подошла к Мишке: « Не сходи с ума ты так. Может, она вообще, бывший мужик». Эта фраза была подобна нейтронной бомбе, скинутой в бочку с маслом: тотчас все начали спорить и орать: воодушевленные ребята отстаивали ее небесную красоту, девчонки пытались охладить их пыл, а мне было все равно. Я думал о своей Неспортивной. Моя Неспортивная сожрала мое сердце на завтрак, закусила пирожным и запила его сладким чаем, моя Неспортивная навела бардак в моей душе, смятение в моих мозгах: она явно знала толк в душевных садо-мазо. Некому было жаловаться, негде скулить:

я прожил здесь со всем этим 2 недели и до сих пор не знал, что делать. Я был взрослым, умным мужиком. И я не знал, что с этим делать.

Мой напряженный мозг был по выполняемому функционалу похож на ворчливого старичка (больше, увы, он не был ни на что способен), он постоянно бормотал про легкие пути, по которым я никогда бы не смог пойти: «Влюбился бы в эту культуристку», – бормотал он мне, – «и все было бы нормально». Но проблема была в том, что я бы никогда не смог влюбиться в оболочку, в пустой фантик от конфеты, во внешнее без содержания. Все инстаграммные дивы пролетали мимо меня, их накаченные булки не вызывали во мне интерес. Так старомодно я был устроен. Я не заметил, как я опять ушел бродить. Даже когда я уходил, ревнивые девчонки доказывали нашим непутевым ребятам, не уставая, что их накачанная Афродита – просто фейк, и, возможно, местами мужик. Я не хотел слушать этот базар, было ощущение, как будто я включил телевизор на самой скандальной передаче, и ее участники вот-вот ползут в драку. Те самые передачи, посмотрев хотя бы 5 минут которых, любой человек, не догадавшийся сразу выключить телевизор, немедленно становится их заложником: подсознательно принимает эту модель агрессивного поведения за норму. Зла хватало и в телевизоре, мы же были на природе: почти 2 недели другого измерения, хотелось иного. Я ушел гулять и подумал, что наверное за эти 2 недели в моей жизни так много меня. Я разговариваю сам с

собой, я пытаюсь понять мотивы моих поступков, спросить себя, а действительно ли я что-то чувствую к моей вечно исчезающей в тумане девушке, или мне это все только кажется? Может, мне все это снится? Просто сон такой качественный, в 3D. И я не хочу просыпаться. Я впервые в жизни перестал суетиться и стал значимым в своих же глазах. Неужели дело только в нашем побеге из офисных джунглей? Неужели я так привык к бесконечным моральным унижениям в офисе (обычным, в общем-то, для каждого клерка среднего звена: слушать каждый день, как тебя смешивают с грязью ни за что), что какая то несчастная вылазка на природу за несколько сотен километров от Москвы, может так перестроить мне голову, что я расслаблюсь и начну, наконец, уважать сам себя? Ведь это так важно- уважать самого себя, от этого то все и идёт. Люди так вечно замотаны, так заняты выживанием, зарабатыванием последних грошей и заботами о семье, что частенько они даже не в состоянии сказать в трудный момент самому себе: «Я тебя уважаю. Я тебя люблю и уважаю. Ты лучший. Давай сделаем нас счастливыми». Такая простая формула: когда на тебя падает весь озлобленный мир, как отвесная стена, просто протянуть внутреннему «я» руку и сказать «Мы справимся». «Мы крутые, у нас получится». Так просто и так сложно: ведь для этого придется остановиться в нашем бесконечном дне сурка, в нашем гребанном колесе, в котором мы десятками лет несемся, как белки. Для этого нужно сделать остановку, что в нашем безумном мире озна-

чает шаг назад и далеко не все могут это себе позволить. А всего то и надо сказать себе: «Я с тобой» и «Мы справимся». Потому что этого не сможет сделать никто, ни самый лучший в мире начальник, ни самая любящая жена, ни самые прекрасные дети, ни преданные друзья. Только вы, только вы сами командир вашего корабля и только вы можете выйти на капитанский мостик и вдохновить всю команду. Даже если среди вашей команды есть одноглазый Джо. Или одноногий Себастьян. Или рыжий Мартин с попугаем на плече, который раздражающе орет: «Пиастры, пиастры!» (попугай, я имею ввиду, не Мартин). Даже если ваша команда не очень, главное, чтобы капитан – был огонь. Достижение заветных островов с закопанным золотом зависит не от команды. Успешный рейс зависит от капитана. Он – главный на корабле. Я хотел быть лучшим капитаном самого себя и своей внутренней команды. Правда. Я был огонь.

Мы начали подготовку к очередному спектаклю. Кажется, он был финальный. Я дошел до той точки своих чувств и жизни здесь, когда мне было, в общем, то все равно. Мне было фактически все равно, хорошо мы отыграем спектакль или плохо. Закидают нас зрители тухлыми яйцами (они тут были в дефиците, скорее, тухлыми грибами), или искупают в овациях и унесут со сцены на руках. Увижу я еще раз свою Нимфу или нет. Мне было все равно. Я был 26-летний, вполне себе здоровый мужчина, приятной наружности, не лишенный таланта и мозгов, при этом абсолютно беспомощный пе-

ред открывающимся будущим, как впрочем, большинство из нас. Будущее вставало передо мной огромной стеной, плоским параллелепипедом с зеркальными гранями, по которым с дикой скоростью двигались алебастровые кубы решающих событий: ни понять, ни войти, ни изменить. Никаких амбиций, стройных планов, стратегических решений. Лес наполнял меня своей энергией, забирал все зло, черноту и агрессию города, всё, что было наносным, и не оставлял ничего, кроме желания сидеть в густой чаще леса на камне и слушать шум травы. Я сам себя не узнавал. Я, мы, весь наш театр, все эти тысячи людей, волею судеб собравшиеся здесь, в лугах, были не больше, чем этот шум травы. Но и не меньше. Шум травы и все мы были в чём-то равны. Я вдруг отчетливо понял, что зря вчера убил божью коровку. Это событие, еще вчера казавшееся мне таким маленьким, таким незначительным, вдруг показалось мне чудовищно огромным, жестоким, немилосердным и несправедливым. В глазах Вселенной мы с божьей коровкой имели одинаковую ценность. У меня защипало в носу, я вышел с нашей поляны и опять пошёл куда глаза глядят. В нашем палаточном лагере была суета – подшивали костюмы к спектаклю. Чем мы не пилигримы? Нам еще только цыганской кибитки не хватает. Шьем наши костюмы у костра, едим у костра, кочуем со сцены на сцену, уже 2 недели живем без света и всех благ цивилизации. В наших смартфонах давно сели батарейки, мы не знаем, на какой вентилятор накидывают дерьмо в Facebook, кто ловит

хайп в кривляниях в тиктоке и кто сделал себе губы в инсте, и, кажется, к нам вернулся разум и ясность жизни. Да, кто-то из наших бегают по ночам к оргам (у них есть допотопный генератор, дышащий через раз) подзарядить свой смартфон на несколько минут чтобы оставить сообщения возлюбленным и родителям, но, в общем и целом, за эти две недели в лесу гаджеты потеряли над нами всю свою власть. Лес переиграл смартфоны всухую. Это в мегаполисе люди – жалкие беспомощные рабы своих гаджетов, а здесь – Он хозяин. Если представить время некими деньгами, то смартфону мы приносим дань в размере почти всей своей жизни. Это он – тот, кто оставляет нас нищими и убогими. Здесь же лес владел Временем. Мы все переподсоединились к нему, к его полю. Лес владел временем. Лес владел нашими жизнями.

Ещё пару недель назад я бы охренел от такой перспективы, от такого захватывающего дух приключения. Но сейчас все было настолько привычным, что, в принципе, днем или ночью, я уже легко мог ориентироваться по лесу. И я могу дать в лоб любому, кто скажет, что все деревья в лесу – одинаковые. Никогда не был ни мой дед, ни мой отец лесником, никто меня не учил ориентироваться на местности (такая роскошь была предметом в школе только в советские времена), но я как то научился все это делать без компаса, в меня было встроено чутье бродячей кошки. Я примерно знал, куда не стоит даже соваться (к северу от нашего палаточного лагеря был крутой обрыв), знал, где сладко (серия

баров к югу), знал, где всегда накормят (халявная харчевня для всех артистов к юго-востоку от центрального шатра), и знал место, где всегда собирается ночной туман, готовый поглотить меня, все мои проблемы и неудачи, все мои тяжелые мысли съесть, растворить в себе, сожрать, не разжевывая, чтобы я никогда-никогда с ними больше не встретился. Я вдруг отчетливо осознал, что я счастливый человек. 99 человек из 100 прошли бы мимо этого тумана, раздраженно брякнув: «Ни хрена ж не видно!». Но я нет. Я был сделан из другого теста. Небо разлилось над нами густой летней бесконечной синевой, оставив трассирующие следы самолетов в узких белых облаках. Невозможно грустить летом под этим небом. Эй вы, кто там обычно завывает «summertime sadness», не с дубу ли вы рухнули?! КАК, вот как можно грустить под таким синим небом, с таким опаляющим солнцем, с такой густой зеленой травой и блестящей речкой? С этими бабочками, цветами, розовыми рассветами, девчонками в коротких юбках, запахом загорелой кожи, смехом и песнями? Вы бы пели это в черном мрачном феврале, где серо бело черные цвета изо дня в день, мрачное низкое небо и люди, уставшие от зимы, холода и злобы. Но сейчас?! Это отвратительный, ужасный поклеп на лето! Как можно?! Эти три летних месяца даются русскому человеку, чтобы тот не помер от бесконечной унылой серости. Чтобы тупо не откинул коньки после всего пережитого на осень и зиму. Чтобы смыть усталость от черноты, холода, страха, горя. Чтобы

вспомнить, что он живой, и что и это голубое небо, зеленая трава, звонкая речка – для него.

Для кого же еще? Для тебя, мой хороший, для тебя!

Вообще, основная задача русского человека – не помереть. Пока остальные народы радуются жизни, выстраивают себе карьеру, планируют семью, делают открытия, мечтают и воплощают мечты в жизнь, русский человек думает лишь о том, как бы не помереть.

Солнце зачерпнуло большой ложкой синевы неба и кокетливо закуталась в облака, показав одно плечо. Этого хватило, чтобы я жмурился, глядя на солнце и почти вслепую передвигался по открытому кафе. Ребята, которые строили макет, пытались выкрасить фанеру под просмоленный дуб, как в английских барах, и, как бы странно это не выглядело, им почти удалось. Хотели сделать красиво, элегантно и дорого – получите, распишитесь: судя, по всему, вчера тут была знатная попойка из местных быдло-попсовых недохипстеров недогопников. Понятно, что организаторы, делая такой фестиваль, рассчитывали на «детей цветов», фиалковенчаных хрупких мальчиков, прозрачных, возвышенных девочек, по роковой ошибке судьбы не прошедших отбор в балетные школы. А в итоге что приехало, то приехало. Детей цветов на это празднество не хватило, судьба щедрой рукой подкинула несколько автобусов, полных быдла. Орги рвали на себе волосы от их пьяных песен, голых танцев, от пластиковых полторашек из под пива, разбросанных в местах куте-

жа. Я смирился, и не отвечивал ненавистью во Вселенную. Ну приехали и приехали. Что теперь, не жить что ли? Да, чот не очень воспитанные ребята. Ну, выглядят так себе. Ну бухают 24/7. Ну что теперь? Когда-нибудь очнутся. Если к тому времени не засосет. Я заметил, что любой по-черному грешащий человек, не важно, в крупных или мелких размерах, всегда говорит сам себе и окружающим, что он может вовремя остановиться. Если бы мертвецы могли говорить, они бы кричали во время похоронной процессии из гроба: «Я брошу, вот увидите! У меня получится!». А по факту вы сами знаете, как тут происходит. И я не решил для себя, как лучше вообще поступать: молча смотреть как человек убивает себя или делать безуспешные попытки его спасти?

В моей Точке Безветрия ничего не происходило. И я впервые за все время пребывания в этом раю детей цветов пожелал, чтобы все это поскорее кончилось. Защититься серым мрачным безвыходным панцирем офисной тюрьмы, утренними пробежками до метро, кофе из автомата на входе, с напиранием сзади нетерпеливой очередью из таких же мегаполисных кофеманов, которые будут цедить это кофе во время проезда по всем станциям от Медведково до Третьяковской. Закутаться в эти безжизненные утра, в эту давку в метро после шести. Быть винтиком в огромной массе роботизированных существ с программой дом-работа-дом. Не делать вид, что я еще жив. Забить на репетиции, очнуться, понять, что мне уже 26 и впереди скучная, однообраз-

ная, серая, предсказуемая жизнь, как у всех. Страдать в соц. сетях и ждать лайки от таких же страдальцев. Подсесть на видеоигры и нескончаемые сериалы – а какая разница, чем убивать свою жизнь? Начать пропускать по два бокальчика вина или пива каждый вечер, потом перейти на водку, потом на что-то нетяжелое. Какая разница, как убивать свою жизнь? Небо смотрело на меня укоризненно, я был так себе. И я знал, что я так себе, вот что самое то обидное. Я знал, что я мог быть лучше. Я потерялся в слоях бытия, где же выход? Все, что у меня тут есть – это тело 26-летнего парня и немного мозгов. Ключевое слово – немного. Ну, и капля таланта, этого нельзя отрицать. Голосок хотел было ехидно пискнуть: «Ключевое слово – капля», – но я его остановил. Я вдруг понял, что все эти годы за отрезками моей бурной жизни, насыщенной творческой деятельностью случались периоды Безветрия. Когда я мог упасть лицом в Ветер, который стоял вертикально и не собирался на меня дуть. Когда мы оба стояли и смотрели друг на друга: я на Ветер и Ветер на меня. Когда вокруг меня ничего не происходило, но в моей судьбе менялось очень многое. Я был похож на триллионы таких же молодых людей по всему свету, но единственное, в чем я был круче их всех: я научился отличать Точки Безветрия от всего остального. И смотреть в глаза Ветру. Это, пожалуй, почище всего: страх мешает делать это. Страх идет с нами по жизни: липкий, скользкий, противный, похожий на «Горлума» из «Властелина колец». Сейчас одним огром-

ным кольцом для исполнения желаний был я сам. И никакой «Горлум», существующий или реальный, не мог меня остановить. Я сам не понял, как превратился за эти 2 недели из ноющей жалкой копии себя в Того, Кто Управляет Своей Судьбой. Я вдруг понял, что приехал сюда полностью высо-санным мегаполисом. От меня в автобусе приехала сюда одна оболочка. Не было ни щитов, ни движения тока внутри, ни распадавшихся на трассирующие пули красивых серебряных звезд, движущихся по венам. Я приехал пустой. Если бы в мою душу тогда можно было крикнуть «Люблю!», то в ответ вы бы услышали только эхо и больше ничего. Должно быть, Лес пророс сквозь меня. Лес пустил свои корни в полной пустоте. Теперь внутри меня можно было увидеть небо. И солнце. И траву. И сосны. Я стал живым, это очевидно. Я был живым.

Что мне оставалось делать? Я не хотел возвращаться в наш палаточный городок, хотя сегодня был спектакль и нужно было быть заранее готовым и вообще, суетиться там со всеми наравне. Я вообще ничего не хотел. Я вдруг отчётливо понял даосских монахов, почему они так сидят и ничего не делают и ничего не хотят. Они нашли свою Точку Безветрия.

В какой-то момент во время этого финального спектакля, играя свою роль, как в последний раз, выворачивая всего себя наизнанку, высвобождая тонны своей энергии, которую я немедленно отдавал зрителям, я увидел Её глаза. Они смотрели на меня так, как будто я был Вселенной для

нее. Как будто, кроме меня для нее никого не существовало. Она смотрела на меня так, как будто мы были одним целым, и внутри Её глаз был я, а внутри моих – Она. Я не понимал, как это случилось, но я перестал чувствовать время и пространство, я играл так, как будто нет рамок, нет условностей, нет гравитации: еще бы немного и я взлетел. Я играл лучше, чем кто-либо и когда-либо на этой земле. Всё было не важно в тот момент: солнце и луна светили только меня, реки поворачивались вспять и горы приходили ко мне, как к Магомеду, я был всемогущ. Это длилось вечность, но по сути своей, было совсем недолгим: когда мы выходили второй раз на поклон, потные, уставшие, но такие счастливые, подливневые аплодисменты действительно благодарных зрителей, я увидел, как Она улыбнулась мне той самой чуть печальной улыбкой Джоконды и начала разворачиваться, чтобы уйти. Если бы к моему рту поднесли микрофон в тот момент, можно было услышать чахоточное, сипящее: «Нееееет!!». Но на деле я просто хрипел, в улыбке Джокера вымученно продолжая улыбаться зрителем, глазами я жадно пожирал Её, пробирающуюся сквозь толпу. Мне сверху было видно, куда Она двинулась, и перед очередным поклоном за кулисами я попытался вывернуться от сжимающих мои руки охреневших в конец от успеха актеров, но не смог, потому что Лысый сжал мою руку еще крепче и прошипел прямо в ухо: «Куда собрался, еще третий поклон». И меня вытащили, и я пытался вывернуть руки, как Вицин, дергавший-

ся между Никулиным и Моргуновым в знаменитом моменте «Кавказской пленницы». Еще одно упущенное мгновение, и я повис на руках моих дорогих «сотрупников», как повисает безжизненная тряпочка на электрических проводах. Что тут говорить? Она ушла.

Как больнее удариться, упав с горы? Нужно залезть на самую высокую ее вершину. Я был низвергнут вниз с вершины счастья. Зритель был в восторге от моей роли, ревел и аплодировал, а Девушка Моей Мечты смотрела на меня из толпы. Что может быть лучше? Что может быть слаще для актера и влюбленного человека? Мне нужно было очутиться в тот момент на сияющем пике, чтобы понять, что сейчас я находился в мрачной пропасти. Мой костюм можно было после спектакля хоть отжимать. Пот капал с волос крупными мутными каплями, я вытер свое лицо тем же костюмом и попытался натянуть футболку и джинсы на мокрое тело. Остальные пребывали в эйфории, бесконечно фоткаясь, обнимаясь, целуясь и делая селфи. Театр праздновал победу: наконец то аншлаг, успех, вспышки фотографов новостей кинофестиваля – «Оскар» меркнет перед всем этим. Режиссер была своя не своя, металась от одного актера к другому, дергая за уши и вопя: «Мы сделали это!». Я натянул на себя все, что смог и постарался покинуть гримерку как можно скорее. До меня только сейчас дошло, что по ходу дела я интроверт. Я так выложился на спектакле, что мне хотелось дойти до ближайшего непафосного места и умереть. Закатиться за какой-ни-

будь куст, лечь и лежать. Я опять побрел в сторону расшатанного моста над плотиной, серии барчигов перед лесом, поляной, с обрыва которой можно наблюдать полную луну. Луна висела как спелый мандарин, лениво и презрительно оглядывая меня, насквозь мокрого от пота, как котенка. Я брел, прижимая к себе толстовку, потому что мою футболку было хоть отжимай и я пытался сохранить хоть что то сухое. Штаны постоянно приходилось подтягивать, они бесконечно сваливались с меня и мне вдруг подумалось, что я похудел. Так оно и было, сумасшедшая палаточная жизнь давала о себе знать, а несчастная любовь высосала все соки. Была ли она несчастной? Я только что пережил эйфорию, увидев Её в толпе. Я был в Раю. Нужно ценить маленькие кусочки счастья, жизнь никогда не будет выглядеть так, что все вокруг тебя великолепно, но из маленьких кусочков счастья можно сделать огромный счастливый пазл, который сложится, я уверен, сложится из искр тепла, света, любви для каждого человека к концу жизни. Как говорят все дурацкие цитаты для 15-летних девочек из соцсетей: « Все закончится хорошо. Если тебе плохо, это означает то, что еще не конец». Это не было концом моей жизни. Это было началом.

Я выглядел как ни много ни мало сумасшедший, вышедший мокрым из баньки со своим бельишком. Ввалился в то странное деревянное кафе, стилизованное под Лондонские пабы (ха-ха), заказал американо. Рандомно включил какое-то видео с откровенной попсой (по лесной привычке,

без наушников), сразу не сообразил нажать на «без звука», на меня грозно посмотрел лысый бармен с шеей шарпея и остальные отдыхающие, и я тут же поспешно воткнул наушники в уши. Мне принесла кофе на этот раз одетая девчонка, в шотландской мини юбке и черным кожаным бюстгалтером с украшениями на шее в стиле «садо-мазо». Вечер переставал быть томным. Я, наконец, огляделся. По углам сидели рокеры, ковбои и мужики в огромных, ниже колен, шотландских юбках, дающих полных обзор прохожим по поводу наличия волосатых ног. Ковбои были одеты очень классно, и я подумал: «Вот не лень было людям это все тащить за тысячи километров от Москвы?!» Рокеры были обычными, все наглухо застегнуы в черную кожу, хорошо, что вечерок становился все прохладнее и эти прекрасные люди не умрут на моих глазах от теплового шока. Я сделал глоток моего обжигающего черного кофе, черного, как кожа на косухах этих прекрасных людей, они все резко обернулись и посмотрели на меня. Я испуганно посмотрел в ответ на них, и подумал, что, наверное, слишком сильно сделал «сип» горячего кофе при глотке, чтобы не обжечься, а в таких пафосных заведениях где-то посреди бескрайних лугов России, за тысячи километров от Москвы, в местах, где еще буквально вчера лежали коровьи лепешки, это не принято. В ту же секунду я понял, что я лох, потому что я резко дернулся головой, мои наушники выпали из телефона (ну извините, такой нищий клерк как я еще не накопил на air pods), следующая пес-

ня запустилась автоматически и все услышали горланящего из моего телефона сладкоголосого кумира японских подростков, опять же рамдомно попавшего в мой плей лист. Тут же меня почти сбила с ног новая волна холодного презрения, прокатившегося по бару. Я поспешно воткнул провод обратно в телефон и подумал: «Вот, блин, теперь объясни этим «прекрасным людям», что я нормальный и это произошло потому что мой палец залип на ленте новостей нашего Ленчика в Facebook, а она любит всех этих попсовых недомальчиков». Подошла официантка, поправила передо мной бюстгалтер, совершенно спокойно предложила булочек. Горячих булочек. Я смотрел на нее с полминуты, потом быстро пробормотал, заикаясь: «Нннеее надо», – чем вызвал бурный смех панков – старожилов. Я вдруг подумал, что они сидят здесь несколько суток, не выходя из этого бара. Ну, может, днем выйдут, искупаются в реке («прямо в этой коже», – ехидно пискнул голосок в моей голове), а потом возвращаются обратно. Да что я такое говорю, они вообще не выходят на дневной свет. Вообще. Он для них опасен. Мало ли чо, клыки полезут. На людях. Среди белого дня. Сюрреализм моей жизни набирал обороты, однако ж, это была реальность. Суровая реальность. Мы прилетаем на эту планету, чтобы много чиститься от грязи и много страдать, но между страданием нам иногда дают выпить полглотка счастья, чтобы мы не умерли прямо на месте от ран, закованные в кандалы, истекая кровью Мы повисаем на наших цепях,

еле дотягиваясь высохшими, запекшимися от крови губами к золотому кубку, в котором плещется долгожданное, светящееся счастье, нам дают глотнуть и быстро убирают. Мы тянемся за ним губами еще, ааааа, кто не успел, тот опоздал, кубок резко вырывают из-под нашего носа, мы в сдавленном стоне откидываемся назад, наши ржавые цепи крепко держат нас. И мы можем выдержать еще годы, столетия, триллионы лет мучений и издевательств, потому что никто не отнимет у нас этого глотка счастья, никто не скажет, что этого не было, потому что мы-то точно знаем – было. Было.

Может, я уже выпил свое? Отпил то, что судьбой мне положено. «Положено, так ешь, а не положено, так не ешь»(с). Может, все самое вкусное, что мне было положено, я уже съел? И все, что мне остается, сидеть в кафе жизни и пить невкусный американо? Потому что больше ничего нет и не будет. Я отогнал эти черные мысли, которые, как каркающие вороны, кружились вокруг моей головы, и, судя по всему, намеревались свить там гнездо. Хватит, хватит с меня этих гнезд, я вам не дуб, я буду поумнее. Все в моих руках. Я решительно встал. Весь английский паб посмотрел на меня с удивлением и внезапным уважением. Я хотел провести рукой по воздуху перед моим носом и убедиться, что все эти люди в прекрасных костюмах – всего лишь мой глюк. Но было неудобно перед официанткой – где я еще раз такую увижу? Интересно, сиськи у нее настоящие? Я вышел, и когда нога моя пересекала порог, я услышал обычный гул, смешан-

ный из болтовни и музыки в пабе. Странно, пока я там сидел, готов поклясться, там была гробовая тишина. Здание кафе не исчезло, когда я пошел на северо-запад от него. Музыка было слышно и на улице. «Слишком крутое место для палаточного лагеря», - подумал я. Я шел и шел. Шел и шел. Американско мирно булькало в желудке – хоть оно было настоящим. Я перестал чему-либо удивляться, реальность вокруг меня делала стриптиз, она снимала с себя слой за слоем, а я зачарованно смотрел на это всё и у меня даже не было ста баксов, чтобы записать её в трусики. Стали попадаться сухие деревья, места были глухие, видно, что их еще не облюбовали бывшие офисные клерки в качестве туалета. Я не удивился, если бы наткнулся сейчас на языческое капище или место для жертвоприношений. Пару раз я не заметил паутину, она росла прямо посреди тропинки, врезался в нее головой. Не спешите орать «Фуууу!», паука там не было. А может и был, и я его не заметил, паутину стряхнул с лица, а паук остался сидеть на толстовке. Бррр! Я не позволил очередной «черной вороне» сплести гнездо у меня на голове и предпочел усиленно думать, что паука в паутине не было вовсе. Может, отлить отошел. Паучихе пару палок кинуть. Много дел у паука, мало ли. Вдруг подумалось, может я неудачник? Ведь любой нормальный человек поехал бы в отпуск на Мальдивы, на Бали, клеил бы там девчонок, пил бы ром, купался и серфил в теплых волнах. Постил бы фоточки в инсту на фоне лазурного моря и золотого песка. Какого хрена меня понесло

сюда, в эти леса, в эти луга, в эпицентр этой странной криповой эйфории, где реальность не отличишь от галлюцинаций обожравшихся грибов «детей цветов»? И вдруг пришла мысль, что я нахожусь в нужном месте и попал сюда в нужное время. Все точки сошлись, я был в эпицентре событий. Я был сам себе Король, сам себе Рулевой, сам себе Капитан. И сам себе Принц и Нищий. Я рулил всем в моей жизни (звучит так, как будто я владелец нефтяной скважины, но нет). Я рулил всем, кроме моего сердца: израненного, трепыхающегося как изношенная тряпочка на сушильных веревках, забытая на берегу моря женой моряка, безуспешно ожидающей своего мужа из рейса, проплакавшей все глаза, вглядывающейся до слепу вновь и вновь в морскую синеву, бесконечно слушающая карканье соседок, что быть ей вдовой, и все-таки, все-таки упорно верящая, что ее муж вернётся цел и невредим. И он вернётся, обязательно вернётся всем этим злыдням назло, всем этим каркающим горгульям, вечно кружащими над теплым, светлым и настоящим.

Я почти выиграл «бинго»: я круто сыграл спектакль, и Девушка Моей Мечты видела это.

Казалось, моя судьба развернулась передо мной как павлиний хвост нарциссического самца распускается ради любимой павлинихи: феерично, пафосно и неотвратимо. Нет шансов любой приличной павлинихе не влюбиться в этого павлина. Казалось, моя судьба спрашивала меня: «Что тебе еще надо, парень?», светя своим огромным ярким пыточным

фонарем прямо мне в лицо. Да все было норм: я отлично отыграл спектакль здесь, в лугах, за тысячи километров от Москвы, Моя Девушка (которая еще не знает о том, что она моя девушка), видела это, теперь меня ждут деньги, слава, высокие гонорары, другая жизнь, счастье, любовь. Так отчего же моя душа наполнялась неизбежной, беспричинной, серой вечной русской тоской?! Чего же боле – все у меня было хорошо. Я слышал, как режиссер договаривалась с оргами о новых спектаклях на территории их подшефных фестивалей, и даже о каких-то рекламных роликах для фестиваля и съемках в фильме. Даже если придётся на какой то период вернуться в офис тупо из-за бабла, это не убьёт меня. Меня в настоящий момент вообще ничто не могло убить. Я выглядел так, как будто мои лёгкие вдохнули этого свежего, пьянящего лесного воздуха, напоенного душистой хвоей и свежей листвой, запахом трав, нагретых щедрым июльским солнцем, и они раздулись, стали огромными, и я стал огромным и пуленепробиваемым: я стал суперменом. Меня не могли больше ранить или обидеть те люди, которые смеялись над моими лишними килограммами. Меня не могли оскорбить больше крики малолетних придурков, кричащих мне что-то обидное из своих супердорогих тачек, купленных на деньги богатых отцов, разворовывающих деньги у простого народа. Я больше не стал бы краснеть от презрительных взглядов красоток, едущих со мной в офис на лифте. Я стал Вселенной. Круче меня не было никого. Я не знал, что мне

ответить судьбе. Все было отлично, претензий к сборке не было никаких. Я почти любил своего Сборщика №3. Я был идеален. Меня ждало прекрасное будущее.

Внезапно наступил на какашку. Вы спросите, где я в лесу нашел какашку? У меня много ответов на этот вопрос, но все они, к сожалению, нецензурные. Какашка была рассыпана мелким горохом, не больше сантиметра в диаметре: заячьи, но свежие. Я побежал оттирать некогда белоснежную подошву моих бывших крутых кроссов о траву, попутно внутренне осуждая зайца, решившего это сделать прямо в центре тропинки. Я старался не материться, «дети цветов» не матерятся, иначе мы растеряем всю свою нирвану. (Оп! Я только что сказал «мы»? Как быстро «дети цветов» пустили свои корни в меня. Какие проворные, надо же, а так и не скажешь.) Свою нирвану я отдавать никак не хотел – ведь именно ради нее долгие две недели я терпел паука Гошу в моей палатке и все остальное. Яростно вытерев свои подошвы, (но не избавившись от запаха), я решил выйти в люди. По крайней мере, на центральной площади не должно быть заячьих какашек и паутин прямо в морду лица. Ну, может быть, под ногами найдешь пару опившихся местным пивом фриков, но не боле, не боле. Почему в самый эпический момент в моей жизни обязательно случаются какие нибудь заячьи какашки?! Почему, когда я взлетаю на своих огромных крыльях, снизу мне кричат, что у меня развязался шнурок, большое пятно от кофе на белоснежной рубашке и расстег-

нута ширинка?! Какое дело людям до всего этого? Хм. Лечу – как хочу.

Я вышел на площадь. Видно, что народ был утомлен вечным празднованием ничегонеделанья. «Праздник непослушания» затянулся. Все уже устали от своих мелких и больших страстишек и от самих себя. За эти две недели все, кто хотел морально разлагаться – уже разложились. Чревоугодники набили свои пуза, и теперь они болели. Все, кто хотел отрешиться от реальности с помощью бухла – уже давно передвигались из кустов в кусты без надежды протрезветь. Единственное, что нас всех спасало – мы были отчаянно молоды и имели достаточно сил, чтобы пережить этот апокалипсис. Весь этот беспредел мы устроили сами, по своей воле. Не мне было учить этих прекрасных молодых людей, многочасовое похмелье учило доходчивее. Я постоял в задумчивости в центре нашего содома и гоморры и пошел в то самое кафе, к берегу реки, где мы познакомились. Я уже ничего не хотел. Я хотел прийти, сесть и подумать о своей никчемной жизни. В моей Точке Безветрия ничего не происходило. Только что я был полон сил и хотел покорить мир. Стоило мне выйти «в люди», как я начал стремительно лететь вниз. Это «жжжж» было не спроста. Я внезапно понял: я просто дико, до жути, до дрожи в коленках, боялся увидеть Её. И я резко развернулся обратно.

Я встал прямо посреди площади. В моей Точке Безветрия всё ещё ничего не происходило. Я слышал жужжание

шмеля, я, как мне казалось, мог слышать, как одна травинка касается другой, как перебирают лапками муравьи. Говорю же вам: в моей Точке Безветрия не происходило ничего. Я раскинул руки, я встал как вкопанный. Солнце светило мне прямо в лицо, заливало лоб, глаза, щеки. Я был с Солнцем единым целым. В принципе, что мне до несчастной, до моей некрасивой, до кривой и нелепой моей любви, когда есть такое Солнце? Я могу его унести с собой, распихать по карманам, сохранить в самом сердце этот момент, где я стою, наполненный до макушки Солнцем, посреди синего неба и густой зеленой травы. Я больше не искал никого и ни в ком не нуждался, я был сам себе атомная станция. Я производил энергии больше чем все мегаполисы вместе взятые. Я был наполнен так, что чувствовал, как по мне, переливаясь, ходило волнами солнечное тепло. Я был сам себе и альфа и омега, число Пи, Кот Шредингера и Бесконечность. «Зачем же бежит всю жизнь человек, задыхаясь и теряя силы в безумной гонке, когда у него все есть?», – пискнул голосок внутри меня. И у меня не было ответа на этот вопрос. Я стоял в этом волшебном оцепенении, пока какой-то пьяный идиот не толкнул меня. Вечерело, участники затянувшегося «Праздника непослушания» стаями собирались у баров для вечерней дозы «веселья» в узких стаканах, того самого, что приносило радость минут на 5 и забирало хорошее настроение и здоровье на этот вечер и весь последующий день. И долгие годы. И жизнь. Люди это знали всегда, но продолжа-

ли надеяться, на то, что на этот раз оно точно принесет им радость, хотя бы на этот вечер. Мы вынуждены платить на этой планете. Мы платим за все: за грубое слово, за сердитый взгляд, за злую мысль. Даже если вам кажется, что вы не платите, вы платите. Даже если вам кажется, что злодей, который делает страшные вещи, не платит, не волнуйтесь, он заплатит: он просто пока живет в долг. Не завидуйте чужим кредитам: вы ничего не знаете о их процентах. И лучше платить здесь, чем там, потом.

Даже моя походка изменилась. Я шел, как барс, как тигр, как лев, я пружинил на мягких лапах, я шел к нашему с ней кафе. Пусто. Парочка хипстеров, пьющих дрянные коктейли. Три обычных работяги с двумя полторашками пива в углу (наверное, забрели с соседней деревни). Уже дико усталый бармен, а вечер только начался. Я постоял, вышел через второй вход к реке. Наша скамейка была оглушающе пустой. И вернулась тоска. Я только что правил миром, но вот я увидел, что Её нет – и вернулась тоска. Откуда же ей тут быть? – подумалось мне. Ведь она не должна быть примотана скотчем к этой скамейке. Она не должна тут ждать, привязанная. Это я должен Её искать. Я, идиот, не спросивший за все это время место, где стоит Её палатка. Такого тупого человека, знаете ли, нужно поискать. Просто Она всегда действует на меня как удав на кролика: ни хрена не соображаю. Я, наверное, так себе герой любовного романа. На второй же странице на фиг потеряю даму своего сердца и все остальные стра-

ницы до обложки буду ее искать. Face palm. Моя жизнь находилась в невесомости. Я застрял в Точке своего Безветрия, без работы, денег, мечтаний, желаний и цели. Я не нашел Её, и мне было горько, а с другой стороны, было страшно сладко, волнующе сладко, слаще не бывает, слаще сладкого: потому что я мог думать о Ней. Потому что она давно поселилась в моем сердце, поставила там свою грёбанную палатку и живет себе припеваючи. Потому что я мог мысленно гладить Её, мог ласкать, мог целовать и дальше, дальше, дальше... куда уводила моя фантазия, и никто не мог отобрать Её у меня, никто. Я был всемогущ, а Она жила в моем сердце. Этого было больше, чем достаточно для счастья. Я развернулся от нашей скамейки и побрел в сторону нашего палаточного городка, обновлённый. Я решил всё внутри себя, все паззлы сошлись, все пути – дорожки свились в одну магистраль, в одно скоростное шоссе и я мчался по нему на своей красной машине... Не было круче меня на всем белом свете, я был совершенен. Я брёл в сторону нашего костровища: я понял, что мое Путешествие к самому себе завершалось.

В точке завихрения энергии посреди нашего лагеря было достаточно сухо. Если можно было просчитать, я бы ответил, что время собирается над нами, висит над нами, как огромный мешок, из которого на нас бесконечно валятся цифры и стрелки. Моя Точка Безветрия уже не могла в одиночку все это контролировать, становилось ясно, что эта временная дыра задела всех. Я был наполнен. Я уже и не помню, когда

в последний раз в жизни со мной такое было: может быть, в детстве. Я был настолько наполнен, что почти не чувствовал оболочки, не чувствовал своего тела, своей кожи. Если до верха наполнить кастрюлю водой и сверху накрыть крышкой, то вы увидите, что крышка балансирует на самой воде, не касаясь стенок кастрюли. Я был переполнен так же и так же еле сдерживался внутри себя самого. Я вдруг понял, что мне не страшен офис, злющий шеф, ехидные коллеги, подколки, оскорбления из-за моего веса, сидение в четырех стенах вечность, серые утра, вязкие тянущиеся бесконечные дни в офисе: я был сильнее этого всего. Это вообще ничего не значило. И какими глупыми сейчас казались все мои трепыхания в поисках счастья!

В моей Точке Безветрия начали расцветать цветы. Малиновые, бордовые, красные розы, маки: бутоны их спускались с небес и распускались прямо рядом с моим лицом. Мне кажется, я достиг вершины, о которой не мог даже мечтать, потому что считал, что её не существует.

Прошлого не было, но и будущего тоже. Был бесконечный День непослушания. Чем лучше бесконечный День непослушания от дня сурка в офисе? Здесь ты упарываешься развлечениями и ничегонеделаньем, там – работой. Все едино, слито в один круг, в одну дурацкую пляску. Если только в один прекрасный день у тебя не достанет сил выйти из этого круга.

Усталость была разлита в воздухе, но никто не хотел в

этом признаваться. Лето было в разгаре, солнце шпарило отовсюду, вино не заканчивалось, а девчонки все так же ходили полуголыми нимфами, гордо выставляя свою грудь солнечным лучам и устало-похотливым мужским взглядам. Сколько может русский человек отдыхать? Сколько в него может влезть алкоголя и разнузданного секса в полях? Не было ответа на этот вопрос.

Я лёг в мой спальник с намерением завтра уехать. Я сказал Вселенной: «Ну, раз так. Раз я не могу ничего изменить. Раз она потерялась раз и навсегда. То позволь мне исчезнуть. Среди дыма, чада, грязи и раскаленного асфальта мегаполиса раненые души быстрее приходят в себя. Чем хуже – тем лучше».

«Чем хуже – тем лучше», – фея сна пищала мне всю ночь в ухо, – «ну разве не этого ты хотел?». Я проснулся среди ночи оттого, что моя палатка была полностью сырой. Точнее, я лежал полностью в воде, по крыше палатки тяжело барабанил дождь. Вода едва не затекла мне в уши только благодаря тому, что я накануне вечером из какой-то прихоти соорудил себе высокую подушку из толстовки. Был ливень, был определенно ливень. Да что там ливень, на хрен любезности, это был потоп!! Очумевший, я высунул нос из палатки и увидел, что вокруг с фонариками носятся наши ребята, пытаются достать из воды вещи и хоть как то защитить себя от дождя. «Чо смотришь, собирайся!», – режиссер огрела меня мокрой тряпкой, от неё, впрочем, я ничего друго-

го и не ожидал, но это меня не обидело, а внезапно полностью мобилизовало. Мы все выглядели как мокрые побитые суетные крысы, пытающиеся спасти свой скарб и желающие только одного – чтобы Ной нас всех взял на свой корабль. Мы мало что соображали, некоторым удалось поспать всего час или около того, когда нас начало заливать. Приехал младший из оргов в смешном желтом дождевике на странной пыхающей черным дымом советской сенокосилке, заорал: «Общая эвакуация! Срочно собираем вещи и идем к автобусам! Общая эвакуация!» «Да, блин, мы уже поняли, что ж он так орёт то», – пробормотал Сашка: некоторых мучало похмелье и громкие звуки раздражали (сейчас это прозвучало так, как будто мы, потягиваясь, как барья, изволяли выпить свой кофий из белых чашечек на кружевных салфетках, а не в центре Апокалипсиса). Нас «раздражало», ага. Апокалипсис шел на нас стеной. Мы были как дети, которым резко объявили, что праздник окончен, и что завтра к 7 утра вставать в школу, и первым уроком контрольная, к которой мы ни хрена не готовы. «Доставайте двойные листочки», оппа блин. Праздник оборвали внезапно, сказали что все наши кареты – тыквы, что платье принцессы – просто рваные тряпки, принца никогда не было и не будет, а теперь всю ночь нам нужно ползать на коленях и отделять зерна от плевел. Мне было жалко всех нас до слез. «Праздник непослушания» внезапно закончился, а мы никак не могли в это поверить. Мы кое-как собрали наши мокрые палатки, отжали

те вещи, что уже намокли, и надели на себя те вещи, что еще были более-менее сухими. Ну, или хотя бы выглядели так. Сгрудили три зонта над нашим бывшим, затопленным костровищем и выпили остатки коньяка, мрачно пуская фляжку по кругу. Лысый, насупившись, пробормотал: «Охренеть, потоп.» «Апокалипсис, блин», - поддакнул Сашка. «Я хочу спать так, что вот – вот упаду лицом в лужу», – сонно сказала Ленчик. «Ну, ребята», – вздохнула режиссер, – «пошли». Мы выдвинулись в путь, навьюченные, как верблюжий караван, проклиная погоду, себя, это мрачное утро. Уже достаточно рассвело, и мы смогли увидеть группы людей, которые шли в том же направлении, что и мы. Рядом с нами шли уже достаточно изможденные ребята, ведь вес мокрого рюкзака и одежды многократно возрастает, плюс мы шли по высокой траве, от которой не спасали и высокие резиновые сапоги, потому что при любом незначительном касании трава стряхивала огромные ледяные капли нам в голенища, а ливень проникал мертвой хваткой за шкуру. Не смотря на всё это, мы были в более – менее приподнятом расположении духа, пока не приблизились к верхушке горы, от которой мы должны были спуститься вниз в долину и подняться на плато, чтобы дойти до автобусов и, наконец, уехать из этого апокалипсиса. Мы хотели было рвануть с горы, но внезапно увидели ребят, которые мрачно смотрели вниз. Мы проследили за их взглядом и внутренне похолодели: внизу все остальные группы наших товарищей по несчастью утопали в

страшной грязи, где-то по щиколотку, где-то по колено, где-то я видел, как ребята проваливались выше колен и их сообща вытаскивали. «А...», - произнесла режиссер, - «...а что происходит..почему так?» Кто-то из стоящих рядом ребят из другой группировки мрачно пояснил: «Организаторы ошиблись с местом. Здесь пойма, дожди заливают чернозем полностью так, чтобы для коров росла трава, и получается мессиво». Наши девчонки ахнули, ребята начали стрелять друг у друга сухие сигареты. Девушка из соседней группы дернула за рукав парня: «Игорь, почему не договариваешь? Никто ничо не говорит..Орги молчат, но здесь еще есть опасность заразиться столбняком и коровьим бешенством». Кто-то ахнул, кто-то присвистнул, Лысый мрачно спросил: «Серьезно? Это правда?» Парень рядом ринулся в самую гляшу, оглянувшись и крича: «Любая рана и ты труп!». Девушка шмыгнула носом и провела большим пальцем по шее: «Эх, да..Постарайтесь, блин, не проткнуть стеклом ваши резиновые сапоги, потому что если вы заразитесь столбняком и дизентерией, вам никто не сможет сделать прививки, потому что до соседней деревни дорога такая же, а до Москвы 8 часов на любой колымаге». Режиссер воскликнула: «Великолепно! Наш квест усложняется». Сашка хмыкнул «Ага, передача «сдохни или умри»(с). Остальные мрачно чесали репу: наш радужный единорожий мир с высокой травой, красивыми деревьями, обнаженными молодыми девчонками и бесплатным бухлом разваливался прямо на наших глазах. Мы

стояли на вершине горы, не в силах сойти вниз, видя, как все «дети цветов» покрываются глиной и фиг знает ещё чем на наших глазах и копошатся там, коричневые, по пояс в грязи, силясь выползти на сухое место, чтобы спасти свою жизнь, и все это не было похожем на шутку. Режиссер вздохнула. «Ребята, у нас нет другого выхода, пошли». Лунтик пропищала что-то неразборчиво про то, что выход всегда есть, и мы должны его поискать, но режиссер была непреклонна и уже отважно шагнула синеньким резиновым сапожком в отвратительную жижу. Жижа кровожадно чавкнула и мгновенно засосала режиссерскую ногу без должного благоговения. Сашка сделал шаг, который равнялся у него двум метрам в длину, и мгновенно обогнал режиссера. Остальные с проклятьями и матами почавкали следом, попеременно проваливаясь по колено и костеря организаторов, которые выбрали место, которое затапливается водой: заливные луга-раздолье для четвероногих коров, но не для двуногих актеров. К нашему несчастью, дождь заморосил сильнее, что только добавило жижи. Она растекалась еще больше под дождем и от влажности. Её месило сразу несколько тысяч ног, и она уже благодарно засасывала ноги не только по щиколотку, но и в каких-то местах выше колена. Пахло потом, страхом и безысходностью. Люди падали в нее, родимую, как солдаты на поле боя: бывало, что и не вскрикнув, не ойкнув, и компании, шедшие рядом, постоянно делали переключку, стараясь контролировать всех своих друзей, чтобы вовремя ки-

нуть руки товарищу и вытащить из недр этого чавкающего чудовища. Казалось, что эта жижа владеет разумом и ее единственная цель – поглотить все, что движется. Я одновременно вспотел и замерз. Было не жарко, морозящий дождик медленно делал свое дело: моя куртка пропитывалась влагой, о зонтике тут было нечего даже и думать: никто не мог его раскрыть, руки были нужны, чтобы хвататься за друзей или чтобы самому кого-нибудь вытаскивать. Мы прошли мимо палатки, почти наполовину затопленной в этой отвратительной коричневой жиже: её покинули беспечные хозяева, увидев, как засосало, и даже не стали собирать. Она стояла, как символ апокалипсиса, должно быть, в соседнем селе так же от безысходности стояли покинутые и брошенные дома, как, впрочем, по всей нашей бескрайней России-матушке. Безысходность. Чем дальше мы шли, тем чаще встречались крыши затопленных палаток: должно быть, их владельцев разбудили в последний момент, когда эта коричневая жижа готова была поглотить и их вместе с палатками в стиле: «О, консервы!». Хотя люди в палатке, это скорее всего, пресервы: рыба в полиэтиленовой упаковке. Впрочем, этой коричневой стихии было все равно, кого жрать: беспечных коров или нас, глупых городских людишек, понаехавших в абсолютно неизвестную местность, доверившихся организаторам, поверивших на слово «Все будет классно, круто, солнечно, весело, приезжайте, аее!». Я даже не ругал себя. Все были в такой ситуации, никто её не предвидел.

И «высокие умы» организаторов и самая последняя разудалая пьяная компашка тащились одинаково по этой жиже, без первого и вип классов. «Чем хуже – тем лучше»: эта мысль как свежесловленная рыба на льду билась у меня в голове все это время, пока я полз по этой засасывающей гляше, все это бесконечное пространство, наполненное серым морозящим дождем и бесконечной борьбой еще вчера таких жизнерадостных молодых людей с этим апокалипсисом, состоящим из этой жижи, этой глины, этих страданий. Поколение Z вообще не очень-то ожидало от жизни и природы такой подставы: ведь только что все было хорошо. Хипстеры находили даже в лесу возможность выпить кофе из пластикового стаканчика и подзакатать свои модные джинсы, любясь своими белыми кроссовками. И вдруг такой fuck-up от природы. И джинсы, и красивые носки, и сами нежные ноги прекрасных хипстеров теперь в этой коричневой, противной жиже по пояс. Я даже радостно хихикнул от такой остроумной мысли, с удовольствием представляя, как жижа заликает их брендовые белые носочки и кроссовки. Вселенная мгновенно нашла способ наказать меня за моё осуждение: это вязкое живое чудовище затекло-таки в моей левый сапог и я почувствовал его холод и как оно, радостно причмокнув, захлестнуло мой чистый сухой носок. Я подсознательно выискивал глазом белый чистый незапачканный сарафан посреди этой грязи. Всё равно, как если бы я ждал появление белого парусника, с сияющими белизной парусами,

раздуваемыми ветром посреди этого грязевого апокалипсиса. Так Ассоль не ждала Алые паруса, как я ждал всей моей измученной душой Мою Девчонку. Мне казалось, что она тоже как-то так парит над этим всем, не позволяя запачкать ни душу, ни тело. Моя Точка Безветрия хранила мое спокойствие на наш счет. Я не мог расстроиться, не мог разочароваться. Я был под защитой, но я продолжал высматривать Её. Во мне не было жажды, я был напоен. Но осталось желание Её обнять. Я знал, что это никогда не произойдёт, но не мог контролировать мою лихорадочную мозговую деятельность, мои иллюзии хрупких надежд, где этот момент постоянно прокручивался на репите: вот она в белом сарафане парит над всей этой вонючей грязью, над всеми, охреневшими от холода, усталости и грязи, Она парит и на Её белом сарафане – ни пятнышка и я явственно слышу запах Её сладких духов, ребята: Она была там. Моя Девочка, мой призрак, моё видение, моя любовь, мой клад посреди Тихого океана, моя безоблачность над Араратом, мой ранний утренний снег в ноябре, божья коровка на ладони, мой свежеспеченный хлеб, мой горячий кофе посреди тяжелого трудового дня, мой одуванчик сквозь асфальт: душа моя, любовь моя. В воздухе висели капли чудес. Они сияли и сверкали, как драгоценности в «сокровищнице» пятилетней девочки: все эти стразики, бусинки и мамины старые сережки: все это волшебство висело в воздухе и я явственно чувствовал это. Оно было моим, понимаете? МОИМ.

Не спорьте со мной, мой воспаленный уставший мозг обставит вас в два счета: не спорьте с влюбленными, они только на первый взгляд кажутся такими дураками, на самом же деле их мозг работает на пределе своих возможностей, высчитывая процентное соотношение безумных надежд к суровой реальности. Никогда не смейтесь над влюбленными, их мозг лихорадочно работает над разработкой планов: где, как и когда увидеть своего возлюбленную, как свести воедино все ниточки, как найти номер телефона, Facebook, Instagram, telegram, как позвонить, куда написать, как сделать так, чтобы Она ответила? Как сделать так, чтобы Она не поняла, как ты трагически, безысходно, безнадежно, по уши, с концами в Нее влюблен? Как ты втрескался? Как ты вляпался? Как ты сошел с ума? Как ты непоправимо утонул в Ней? Как ты погиб? Как сделать вид, что ты серьёзен как никогда и у тебя даже есть мозг, если ладони твои потеют, во рту пересыхает, мышцы твои слабеют, ноги заплетаются, а в мозгу только одна мысль стучит набатом и носится по кругу: «Только бы Она не узнала!». Все что вы, смертные, земные люди, называете рассеянностью, придурью, сумасшествием влюбленных людей, всё, из-за чего вы крутите пальцем у своего виска, на самом деле есть наши огромные красивые белые крылья. И вам, расчётливым кожаными мешками, набитыми мясом, жиром и мыслями о бабле, никогда этого не понять. Мой мозг лихорадочно работал. Я не узнавал его – вот бы так было всегда на планерках у бесячего шефа или в уни-

вере на контрольных. Но нет. Он только сейчас работал на все 100 процентов, на износ, выдавая сумасшедшие прожекты, именно сейчас, когда я брёл по колено в самой отвратительной вонючей глиняной грязи в мире, угрожающей мне столбняком до кучи. На самом деле, Она могла идти в двух метрах впереди меня и я бы никогда не понял, что это именно Она, ведь наверняка Её куртка и брюки были заляпаны грязью, как и у меня, а со спины Её волосы закрывал огромный рюкзак. Как какие-то ужасные больные усталые животные мы погружали наши ноги в бесконечную засасывающую жижу и вынимали их, погружали и вынимали, погружали и вынимали. Последний луч радости покинул лица до этого таких беспечных детей «Праздника Непослушания». Мне же было всё равно на внешние обстоятельства. Душа моя просто рвалась в клочья, я физически ощущал боль: Я никогда Её больше не увижу. Я. никогда. Её. Больше. Не. Увижу. Я, дебил, не попытавшийся спросить номер телефона. Я. Никогда. Её. Больше. Не увижу. Коллекционный дебил. Редкое издание. Каждое уничижительное слово в моем мозгу сочеталось с хлопаньем всепоглощающей жижи. Я. хлоп. Дебил. Хлоп. Я. хлоп. Идиот. Хлоп. Яхлопникогдахлопёхлопбольшехлопнеувижухлоп.

Моё горе отошло от меня. Чем хуже – тем лучше, я мечтал остаться в этой жиже навеки, только бы не выходить на чистую ровную поверхность, тогда у моего тела не останется борьбы, а у моего мозга не останется шанса не думать о

Ней. «Чем хуже, тем лучше» – этот девиз пожалуй можно оставить себе по жизни и вышить на фамильном гербе. А будет ли у меня семья? И фамильный герб? Разве такие умные не должны оставаться одинокими, чтобы выть на луну? Кто-то же в этом мире должен выть на луну? Это было начало конца. Я почему-то подумал, что мы никогда не выберемся отсюда. По сгорбленным, унылым спинам моих друзей было понятно, что их постигла такая же мысль. «Послушайте! Крикнул я. «М?» Сашка оказался ближе: «Тонешь?». «Да нет еще», – еще громче крикнул я, – «короче, в американской армии есть такая тема, там для новобранцев есть неделя выживания». «Бла –бла бла», – проворчала режиссер, – «Короче, Склифосовский». «Ну дык вот», – продолжал я, – «там, короче, в последнюю неделю их сажают в ледяную воду, они должны выдержать». Сашка: «Ну?» Я: «Ну, что «ну», понятно, что многие не выдерживают». Лысый хмыкнул: «Ещё п!» Мишка промычал: «И чо?» Я торжествующе взмахнул рукой: «Они придумали петь! Короче, когда они поют патриотические песни, то выдерживают минусовые температуры». Ленчик закричала: «Ого! Давайте тоже петь». И мы почему-то затаили: «Раскууудрявый, клен зеленый лист резной...» А потом ещё почему-то: «А значит нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим». Мы пели все песни нашей Великой Победы, и это согревало нас, и ускоряло нам шаг. Ребята расправили плечи, я был горд собой, что вспомнил эту фишку. Нас услышали соседние компании,

и вот уже несколько тысяч человек на этом огромном поле распевали «Смуглянку». Какие духоподъемные песни были раньше. С такими песнями стояли за Родину до последней капли крови. С такими песнями и на миру была смерть красна. Тысячи и тысячи людей пели песни о нашей Великой Победе, и я знал, что такого грандиозного момента в моей жизни больше не будет: модные девчонки и парни, погрязшие в грязи, усталые, мокрые, измученные, но во все свои молодые легкие поющие эти старые песни Великой Войны. И песни отвечали нам и отдавали нам свою Силу. И мы шли. На нас могло упасть небо в этот момент, но мы бы не прекратили идти.

Я ликовал, я старался не думать о том, что мое сердце саднило. Это вот когда не рана такая, знаете, а когда царапина, но в нее все время что то попадает. Вот если на руке, то ты обязательно полезешь мыть посуду, и туда попадет термоядерное моющее средство, и ты немедленно взвонешь от боли. Или решишь налить на нее что-то, продезинфицировать, и туда попадет спирт и будет щипать. Или забудешься, заденешь, пойдет сукровица. Ну, в общем, так себе ощущения, ребята, так себе. Но я держался. Я был мужественен. Я чувствовал себя героем. Все было отлично, я улыбался, я горланил песни громче всех, все было отлично. Только вот, внутри прекрасного энергичного меня, поющего песни и поддерживающего друзей бегущей строкой ползала мысль: «Ты Её никогда не забудешь». Змеёй она выползала

из краешков моей улыбки, впивалась в извилины моего мозга, сосала сердце. «Ну какой идиот», – думал я, – «никогда в жизни у тебя не будет такого приключения, никогда ты больше, офисный клерк, компьютерная мышь, ты не будешь петь хором «Раскууудрявый, клен зеленый лист резной», утопая по пояс в этой страшной, отвратительной жиже, никогда ты, несчастный, не испытаешь ничего подобного в своих каменных джунглях, никогда, никогда, никогда». «Никогда ты Её не забудешь», – эхом в моей голове отзывалась все та же рептилия. И, в общем, я плюнул. И решил, как пойдет, так пойдет. Из этой жизни невозможно самовыпилиться, а те, кто это сделал, проживают всю ту же бесконечную ситуацию на девятом круге ада, поэтому – не вариант. Я смирился. Ну что делать, каждый страдает в этой жизни по своему, если суждено всем страдать, ну так какая разница, от чего? Смирись и всё, пойми, что все страдают в разной степени, разгребай свою жижу резиновым сапогом и просто старайся не зарыдать в голос: вот и весь секрет жизни. Я хотел утонуть в моей печали, намотав уныние на плечи, как шарф – но мне не дали это сделать. Мне напомнили, какое сокровище я вывозил из этого леса в каменные джунгли. Моя Точка Безветрия была со мной. Месиво из жижи и грязи, потоки глины, вопли людей, проклинаящей все и вся – всё это не могло вывести меня из моего равновесия. В моей Точке Безветрия было чисто, она сияла белизной и небесной чистотой, и в ней я находился. Я передвигался вместе со своей Точкой Безвет-

рия: в моей голове продолжал шуметь ветер, сиять звезды, светить солнце. Я нес её в себе, и в тоже время она окружала меня, как невидимый шар, как купол, и я точно знал, что я был под её защитой. Меня не могли ранить, меня не могли убить: со мной невозможно было ничего сделать, ведь моя Точка Безветрия была внутри и снаружи: она защищала меня и я был ей благодарен. Я слился с ней, она была моей кожей. Пуленепробиваемой кожей. Кожей, против которой человечество не смогло изобрести ни одного оружия, ни одного снаряда. Я был всемогущ.

Почти мне ударил в нос запах гари и почти одновременно с этим раздалось тарахтение мотора. В самый эпицентр жижи ворвались несколько тракторов. За рулем сидели местные жители: трактористы с опухшими, пропитыми напрочь лицами, на которых была выписана вся их нелёгкая жизнь, и я сейчас без иронии или осуждения. Мне стало сразу нестерпимо, стыдно жаль их. Народ воспрянул духом. Один из трактористов, с выбитым передним зубом, разухабисто закричал: «Садитесь, подвезем!» Ленчик звонко ответила тоненьким голоском: «А сколько стоит?». Ответ убил всех: «Десять тысяч!»,— радостно закричал один из водителей. «Ого» охнула Ленчик и, покачнувшись, чуть не упала, если бы ее вовремя не подхватила рука Сашки. «Нажиться на чужих проблемах решили, уроды», – процедил Колька сквозь зубы. Режиссер громко крикнула: «Какие же вы люди после этого?». Беззубый выплюнул окурок сигареты и

лись. Никогда в жизни, ни до, ни после, я не видел подобного. Этот отчаянный вопль несчастного, до сих пор упорно взывающему к своему пропавшему в бескрайних лугах и бесплатном алкоголе дружбану, смог объединить нас всех. Не всем режимам и политикам это удавалось, а ему удалось. В толпе раздался хохот, улюлюканье, шутки – прибаутки и свежесочинённые песни про нашего героя. Мы воспряли духом и бодро похлопали вперед, и даже Ленчик забыла, что она только что умирала и побрела со всеми. Моя Точка Безветрия опять горячо обняла меня. Я находился в вакууме, в огромном белом шаре. Внутри меня не было правых, не было виноватых, не было войн, крови, грязи, болезней, не было несправедливости. В моей Точке Безветрия никто не насиловал женщин, не бил детей и не унижал стариков. Моя Точка Безветрия была зоной всепоглощающего счастья. Как ровный белый свет, заливающий космические корабли, она освещала мою душу. Я находился на вершине спокойствия, правые и виноватые ничего не значили для меня, я никого не осуждал, я никого не ненавидел, я никого больше не ждал. Я просто собрался в одной Точке Безветрия в огромном вакууме. И я мог спокойно быть в нем. Я мог спокойно существовать среди людей: наполненных ядом людей, наполненных болью людей, наполненных желчью, наполненных ненавистью, в том числе и к себе, наполненных разрушением, наполненных скорбью, наполненных завистью, наполненных отчаяньем, наполненных жаждой причинить близкому зло,

наполненных жаждой убийства, наполненных жаждой насилия, наполненных злобой, наполненных слезами, наполненных горечью, наполненных сожалением, несчастных людей, наполненных грехом. Я мог теперь быть среди них, но они больше не могли влиять на меня.

Я включил горячую латиноамериканскую мелодию у себя в мозгу (батарейки на смартфоне нужно было экономить, осталось одно деление) и даже чуток стал подергивать плечом в такт, вытаскивая одну обляпанную грязью ногу за другой, и мы даже ускорились, и можно сказать, прошли пик тотального психологического отчаяния, как увидели их. Прекрасные обнажённые девушки, заляпанные глиной, танцевали в полной тишине. Их обнаженные тела были полностью покрыты этой грязью, на всем теле не было чистого кусочка. Как красиво, как вдохновенно они двигались в каком-то своем, известном только им темпе. Я ущипнул себя: происходящее казалось сном, чьей то фантазией. Кто-то из организаторов натянул маленькую веревочку и повесил табличку «Идет перфоманс», и вот, все сгрудились у этой таблички и как будто не было этих изнурительных километров в глине, гляше, отчаянии, грязи. Как будто мы не вымокли и устали. Как будто мы не боялись столбняка. Как будто мы могли поднять ноги еще и еще бесчисленное количество раз: нет. Я чувствовал, что все мои жизненные силы ушли на перемесывание ногами этой глины, как теста. Но из теста хотя бы можно испечь пирожки, а я месил эту грязь, эту гли-

ну бессмысленно, почему зря. Девушки танцевали в полном молчании не потому, что зрители так устали, что готовы были лечь в эту глину и тут же уснуть. (Хотя и поэтому тоже, наверное). А потому, что в этом кромешном ужасе, где все плыло, хлюпало, проваливалось, пачкалось, где было холодно и голодно, где грязь проникала всюду, где она правила балом, невозможно себе было представить, что кто – то будет заниматься искусством. Невозможно. Эти сотни, тысячи людей мечтали о горячем чае и проклинали тот день, тот час, ту минуту и секунду, когда они приняли решение идти в этот поход. Этот потоп грязи и глины перечеркивал для них все эти чудесные, счастливые 14 дней, проведенные в райском отрыве. И вот они увидели, как кто-то в этой отчаянной ситуации продолжает творить. И они офигели. Просто офигели, и я офигел вместе с ними. Мы все молчали. Мы все вместе переживали вместе этот опыт. Это покруче, чем когда ты видишь, как одуванчик пробивается сквозь асфальт и цветет: ярко, нагло, весело. Девчонки танцевали так, как будто не было этой многотысячной толпы вокруг, уставшей, замерзшей и только что ненавидящей все и вся. Девчонки танцевали так, как будто они были продолжением этих прекрасных четырнадцати дней, в отличие от нас, которые уже успели загрузиться мыслями о мегаполисе, работе, ссорах с коллегами и родными. Они, полностью заляпанные грязью, были чище всех нас. Они танцевали как беспечные дети из Рая. Мы же уже чувствовали на себе дыхание мегаполисного

ада. Я на секунду прикрыл глаза и увидел слева от меня белый развевающийся сарафан, Её веснушки на груди, хохочущие глаза, и мне буквально на одну световую вспышку света показалось, что Она парит над этой всей грязью и, хохоча, показывает на меня пальцем. Это видение было настолько реальным, что я на секунду вдохнул запах Её волос, почувствовал жар Её молодого тела, нагретого солнцем, услышал переливчатый звон колокольчика Её смеха. Еще несколько дней назад я упал бы в грязь прямо тут и начал бы рыдать от несправедливости судьбы: было очевидно, что мы больше не увидимся. Но моя Точка Безветрия не позволила мне расстроиться. Я почувствовал, что всему свое время, и если Она мне не встретилась сейчас, то из этого следует лишь только то, что время не пришло. И, возможно, мне предназначена другая женщина или не предназначена вовсе никакая, но менее счастливым я от этого не стану. Ведь со мной есть моя вечная и прекрасная Точка Безветрия. Как будто сама Природа смотрела на меня сейчас, своими глубокими глазами, полными сочувствия, любви и понимания. Она видела меня, застрявшего в этой глине, запачканного, замёрзшего, мокро-го насквозь, посреди тысяч таких же отчаявшихся людей, и Она не отводила свой взгляд от меня. Она не убирала свою руку, поддерживающую меня. Она не давала мне провалиться в тоску отчаяния, в мою привычную бездну для неудачников, куда я годами выплакивал все свои душевные слезы, в эти бездонные соленые озера из моих слез: Она твердо ска-

зала «Не время», и я притих. Я не бросился навзничь, не стал бить руками, выпрашивая себе то, что не было положено, сел на небо: нет, я знал, что у меня будет все, что нужно и что я счастлив и буду счастлив до конца моих дней. Почему? Знал и всё. Да, так просто. Я слушался мою Точку Безветрия. Я находился в ней в полном равноденствии, в полном доверии, волшебной простоте и искренности. Я искренне любил это небо, эту реку, это солнце, эту траву и этих несчастных людей. Да, я физически был по колено в этой глиняной глассе, но я был выше душевной грязи. Я никогда не был идеален, и за мной, как за всяким человеком, водились разные грешки и пристрастия. Но это все равно что оказаться голым на суде с руками, наполненными ворованными каштанами: ты не сможешь отрицать, что ты их не воровал, но после пережитого и воровать больше не захочется. И я не хотел. Я хотел быть таким же чистым и прекрасным как моя Точка Безветрия. Мне не хотелось разочаровать ее, она молча смотрела на меня. Мы были единым целым. Наверное, на планете были люди лучше, сильнее, талантливее меня. А я просто умел тихо и нежно любить все, что находилось вокруг меня. И с точки зрения Точки Безветрия, это было достаточно, чтобы парить в центре ее сферы. Мы подружились. Вокруг меня стенали люди, проклиная грязь, глину, погоду, организаторов и день, когда они решились ехать на этот грёбаный фестиваль. Я же шел абсолютно счастливый. Это я вам говорю, что шел. У меня же было ощущение, что я просто летел.

Я летел, и потоки грязи расходились передо мной сами собой. Сердце мое пело. Я больше не мучился. Тело мое слегка трепетало от потоков ветра. Внезапно я увидел обляпанный грязью сапог, застрявший в глянше почти по самое горлышко. Я оглянулся в поисках владельца и увидел в двух метрах почти полностью заляпанную девчонку в черном пуховике и с рюкзаком, она стояла цаплей и безуспешно пыталась кому-то дозвониться. Я вытащил сапог и прошлепал к ней, она повернула ко мне свое опухшее от слез и заляпанное грязью лицо и тут я узнал Её. И в этот момент Причина моих страданий издала какой-то пищаний звук: Она одновременно как-то совсем по-бабьи всхлипнула и закричала: «Какого...?! Где ты был?! Куда ты вообще делся?! Так долго?! Где шлялся, я тебя всюду искала!» Я так опешил, что рот мой счастливо растянулся от уха до уха, как будто у меня на лице не было никаких мышц, серьезно, от уха до уха, и я так и стоял с одним сапогом в руке, когда она уже начала колотить мне в грудь и орать «Отдай сапог, хватит измываться! У меня нога затекла!». Я поставил ей сапог, поддержал Её, чтобы она запихнула туда свою маленькую ножку, при этом неловко ткнулся ей в ухо. Хотя хотелось сожрать целиком и полностью. Моя! Моя! Не знаю, как она восприняла мой «клевок»: как поцелуй или попытку ударить носом, мне было все равно. Я продолжал молчать и глупо улыбаться. Белым сарафаном и не пахло – Мечта всей Моей Жизни была по уши в грязи, как и все мы. Она одела сапог, хотела что-то сказать,

но вместо этого упала лбом в мою грудь и начала как то по детски всхлипывать, что-то бессвязно бормоча. Я судорожно нашел платок в карманах, пытался ей подсунуть, но его не взяла. Ее колотило и она кричала прямо в мою грудь, какое я чудовище и бессовестная скотина, что я бросил ее, что она искала меня все эти дни и никак не могла найти, что ждала после спектакля, что она знает, что в любовницах у меня ходит много тощих актрис, что я донжуан и все такое, и я засунул платок обратно: я сам был огромным носовым платком для Неё. Я был счастлив. Мое тихое кудрявое счастье нашло меня. Моя Точка Безветрия молча поглотила нас обоих. Моя Мечта сразу же перестала плакать, удивленно посмотрела на ровный белый свет вокруг, потом на меня и спросила: «Что это?». «Так теперь будет всегда», – ответил я и мы пошли.

Посреди грязи, стонов, криков и проклятий, мы медленно передвигались в огромном сияющем шаре, залитым белым равномерным светом, в моей Точке Безветрия. Нам было море по колено.